

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Валерий Марков

СОЗНАНИЕ КАК УНИВЕРСУМ

(Эмерджента. Апокриф. Энигма)

Некоторым образом душа есть всё сущее.
Аристотель

Рига 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Прелиминарии. Мозаика и увраж</i>	5
<i>Домен первый. Корни и крона. От анимизма к апофатике</i> . . .	10
1. Доистория – снова и всегда. Оборотничество как метaparадигма	13
2. Мирообразующая небесная корова Мехет-Урт и вырезки. Космос, эйдос и монада. Мандрагора и гиперцикл	43
3. Эволюционно-эпистемическая триада: Вещи, Идеи, Слова. Логомахия: агон и полигон.	116
<i>Домен второй. Архитектоника и криптография психоментальностей. По ту сторону иероглифа</i>	139
1. Субъект и Объект – великая схизма. Язык как Демиург, Логос и Миф	146
2. Психоанализ и психосинтез. Бриколаж прежде и теперь. Деконструкция абиссалий	171
3. Метафизика и грамматика Я–сознания. Кorteж стилизаций: чуринга, гомункулус, экзистенция	192
4. Трикстериада, бочка Диогена и псевдоподии жизнетворений. Говорят писатели	213
<i>Домен третий. Герменевтика без пропедевтики. Аргус и Медуза</i>	224
1. Transcende te ipsum. Аполлон, Дионис и Саламан- дра	227
2. Гипербарочные интенции. Соблазн и Скольжение в пустоте	241
3. Инфы, манекены и протезы. Борьба миров. «Лже-Нерон»	256
<i>Консумент. Этология и антропология</i>	260
<i>Инфикс: экстраполяции, интерполяции</i>	277

*По какому бы пути ты ни шел, границ
Психеи не найдешь, столь глубок ее логос.*

ГЕРАКЛИТ

*Всё в душе происходит так, как если бы
тела вовсе не было.*

ЛЕЙБНИЦ

Сознание не подлежит разуму.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Мир легче создать, чем понять.

АНАТОЛЬ ФРАНС

*Творить – значит выразить то,
что есть в тебе.*

АНРИ МАТИСС

Дух всюду суций и единый.

Я. ПОЛОНСКИЙ

*В душах есть всё, что есть в небе
и много иного.*

К. БАЛЬМОНТ

Мы душу все одну вселенскую творим.

ВЯЧ. ИВАНОВ

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.

В. ХОДАСЕВИЧ

Прелиминарии

МОЗАИКА И УВРАЖ

Можно ли вообще писать о Сознании, претендуя на какую-либо адекватность, репрезентативность и близость к оригиналу? Ведь в краниосфере нашей бытийствует Гераклитова река без берегов – психоментальная, неукротимая, своенравная, спонтанейшая, узуальная и ничейная, трансцендентная и латентная. Всякое *знание* (речевой субстрат и графемика) есть насильственный акт по отношению к живой ткани – биотической, психической, ментальной, сенсорной и «беспризорной», которая вне наблюдений, сновидений, рецептов и концептов. Любой *объект* должен стать *предметом*, т. е. лечь на ломберный стол – рефлексивный, игровой (матрица и сетка исходных представлений) и рукотворный. В. фон Гумбольдт: «Сущность мышления состоит в рефлексии, то есть в различении мыслящего и предмета мысли. – Чтобы рефлексировать, дух должен на мгновение остановиться в своем продвижении, объединить представляемое в единство и, таким образом, подобно предмету, противопоставиться самому себе»¹. Отсюда и «кинематографический принцип познания», о котором скажет в новейшие времена

¹ Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 301.

А. Бергсон. Натюрморты, стоп-кадры и мизансцены, гештальты и холизмы, фреймы и парадигмы в любых контактах с внешним миром, дискретных изначально и витально. Всякие континуальности – результат абстрагирования, где интерполяции, связи, склейки, увязки и релевантности. Наши исходные знания о процессуальностях *апокрифичны*. Последующие синтезы как-то приближают нас к реальным динамизмам, в которые мы вложены и где стреножены (мобильности жизнетворений прагматически избыточны).

Но вот Сознание пересекает кордон рефлексии и ложится на предметный столик для анализов, синтезов, сказов и показов, досмотров, инвентаризаций, рационализаций, феноменологий и онтологий. По Картезию, где ясность и отчетливость или хотя бы по тестам Роршаха, не считая хиромантии, миражей и симулякров. *Невыразимость* нас ожидает и заявляет о себе. В. Розанов: «Душа невыразима, совесть невыразима, грех невыразим. Бога разве можно выразить? Никто не нашел для Него определения, слова. Всё высшее, тончайшее, глубочайшее невыразимо... Невыразима самая жизнь»¹. Человек и его духовные, душевные, эссенциальные, экзистенциальные, провиденциальные деликатесы, его интим, имманенция и трансценденция – непостижимы, отчуждены от Самости, ушли изначально в криптографию, не считая олеографий, буклетов и трафаретов, где образцы мышлений, поведений и нравочений. Снова торжествуют *Апокрифы* (уже второго рода) – тени на стене Платоновой пещеры, а теперь, если хотите, на экране Ноосферы, где искусственный интеллект, индексы и «Шутовской хоровод» (Олдос Хаксли).

Фундированные апокрифы, где мы выстраиваем свои миры (ситуативно, перспективно, онтологически, экологически), всегда авторизованы, императивны и персональны (личностное знание). Наш человек, агломерация социальных атомов, неустанно творит миры – свои собственные с их «оргами», уст-

¹ Розанов В. В. Русская государственность и общество. – М., 2003. – С. 458.

ремлениями, зиккуратами и суррогатами и которые в окрестностях до космогонии решительно. Эпиграфом может стать изречение лорда Байрона: «*Мир вывихнут, но вывихнут и я*». Когерентность. Вековечные курвиметры обернулись литературой: Еврипид, Рабле и Свифт, «Басня о пчелах» Мандевиля, «Мертвые души» Гоголя и «Весенние воды» Хемингуэя.

Исходно кифозный мир отнюдь не является склерозным. *Мирча Элиаде*: «предмет или акт становится реальным только в той мере, в которой он имитирует или повторяет архетип»¹. Сказанное относится не только к архаике. Ископаемые следы и деконструкция ведут нас к древнейшей и колоритнейшей фигуре *Трикстера* – докультурного героя и полубога, который угнездился в Подсознании, в логике и алогизмах жизнетворений (от локуса до глобуса). Заметим, что *архетипы* вполне аккуратно (или приблизительно) корреспондируют с *эйдосами* Платона. Те и другие задают некую топологию предметностей и номинаций, которые связаны имманентно (ныне здесь постструктуральная анархия); неликвиды, оставшиеся после археосемиотических аппликаций, в языковых играх не участвуют. Гераклитов Логос атомизирован. Пифагорейские целые числа в чем-то соответствуют китайским гексаграммам. Интересно, что своя нумерология была разработана в культуре древних *майя*. Традиции и ритуалы придавали аборигенам Юкатана чувство уверенности в жизнесложениях². Чтоб не кривился мир при ароморфозах, кифозах и сколиозах.

Не будем подводить черту. Человек есть *Homo eloquens*, а его элоквенция сомнительна в смысле исходной прямизны, т. е. способности вещать Истину, соблюдая необходимые осторожности – грамматические, логические, эстетические и прочие. *Альбер Камю*: «Следует познать... не является ли наш язык ложью как раз в тот момент, когда мы думаем, что выражаем истину, не являются ли слова пустой оболочкой, или лишь порывом

¹ Eliade M. Le Mithe de l'éternel retour. – P., 1975. – P. 48–49.

² Ко М. Майя: исчезнувшая цивилизация / Пер. с англ. – М., 2001. – С. 197.

ветра»¹. Вся галактика Гутенберга под большим вопросом, за которым «принцип фальсификации» Карла Поппера, если его гипертрофировать. Нас подстерегает всечеловеческая лингволого-катастрофа.

А впрочем, катастроф хватает и помимо виртуальных. *Джон Голсуорси* говорил о дисгармонии распыленных пониманий. «Ирония вещей заключается в их дисгармонии. Мы мечемся туда-сюда, и нет в нас покоя. Мы ищем решения, поднимаем знамена, работаем руками и ногами в тех сферах, что находятся в поле нашего зрения; но у нас нет ощущения целостности мира...»². Добавьте сюда альянсы, вековечную дихотомию *свой/чужой*, где Герменевтики никакой и неистребимые превосхождения. И всё это в общем потоке «восстания масс». Сфарагматика – по диагностике великого испанца *Ортеги-и-Гассета*. Истины теперь в негативах, наоборотах, мутациях и бифуркациях.

Автор продолжает разработку человековедческой проблематики, опираясь на новейшие достижения наук и учитывая реальные тенденции в развитии социокультурных процессов. Опубликовано монографии:

- Феномен случайности: Методологический анализ. – Рига, 1988.
- Очерки по семиотике: Археология знаковых систем. – Рига, 1992.
- Миф. Символ. Метафора: Модальная онтология. – Рига, 1994.
- Мир человека и человек в мире: Антропоморфный универсум. – Рига, 1995.
- Введение в метафизику: Театр сознания. – Рига, 1996.
- *Nomo incognitus*: Аберрации о человеке. – Рига, 1997.
- Антропос: Изваяние невозможного. – Рига, 1999.
- Логос: Этюды к философии языка. – Рига, 2000.

¹ См.: Фокин С. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь. – СПб., 1999. – С. 193.

² См.: Дюпре К. Джон Голсуорси / Пер. с англ. – М., 1986. – С. 120.

- *Ego et mundus*: Синкрета. Псевдоморфоз. Мистерия. – Рига, 2001.
- Философия жизни: Сказы о несказуемом. – Рига, 2002.
- Единое и многое: Абракасас. Сфарагмос. Горизонт. – Рига, 2003.
- Мир как текст: Вербальный универсум. Опыт-предел. Археписьмо. – Рига, 2005.

Космос, по-видимому, скорее
похож на громадную мысль,
чем на громадную машину.

ДЖЕЙМС ДЖИНС

Вне нас и в нас едино бытие.

С. КОЛЬРИДЖ

Мой мозг! Всех горестей и радостей исток!
Величия дворец и подземелье пыток,
Где бродит, словно виноградный сок,
Проблем отравленный напиток!

Э. ВЕРХАРН

Домен первый

КОРНИ И КРОНА. ОТ АНИМИЗМА К АПОФАТИКЕ

Древнегреческие мыслители (индоарии вообще) искали первоначала Сущего, откуда возникли все вещи и явления, составляющие видимый мир. Теперь тут ризоматика, ничтожности и «Тошнота». В индийской культуре – предел самоотрицания личностного Я–сознания: нирваническое сверхбытие, абсолютная редукция всех возможных и сущих явлений.

Запад обещает человекам (теологически) небесный Ершалаим: «Мы ищем, мы ищем потерянный Рай». Профанное прочтение ключевой сверхидеологемы – прогрессизмы и светлое будущее на глиняном астероиде, где все Мы. Деконструктивный анализ этой *сверх* (звезда Вифлеемская для падшего бытия) и глобальный практикум показывают: «Отвлеченное понятие

«прогресс человечества» – чистейший миф...»¹ *Всечеловек* (Владимир Соловьев) – категория умозрительная и кабинетная. Даже тривиальная как будто таблица умножения оказалась трудно постижимой: теорема Гёделя². «*Век простоты миновал*» (Овидий). Да и не было его никогда: люди верили своим *кажжимостям*. Поклоняются миражам и поныне: теологически, геополитически, психейно и эмпирейно.

Человек изначально и континуально был и остался синкретой, взирающей на внешний мир и на с свое место в нем. Синкрета эта – триадическая: Психо-Космо-Логос. Сия призма высвечивает мир (и самого наблюдателя), поворачиваясь к объекту исследования одной из граней, которые войдут в комплексную модель. Последняя будет *объективно-субъективной* в любых ситуациях (по существу многофакторный рандомизированный эксперимент). «Мозг – это машина, создающая модели, подобные себе»³. Сознание как функция мозга, т. е. человека мыслящего, дает собственные и неустраняемые инвестиции в любые модели, картины мира, откровения, инсайты и нирванические уложения. При этом должны быть учтены функциональные право-левые асимметрии мозговой деятельности, которые составляют своеобразный *принцип дополненности*, характерный для психоментальных процессов. «...Функциональные асимметрии опосредуются пространственно-временными факторами», поскольку «пространственно-временная организация составляет наиболее фундаментальную характеристику целостной нервно-психической деятельности человека»⁴. Первоосновы подобной ориентации у живых существ формируются на этологическом уровне (К. Лоренц). У человека в раннем онтогенезе складывается *универсальный предметный*

¹ Мориак Ф. Не покоряться ночи... Художественная публицистика / Пер. с фр. – М., 1986. – С. 254.

² Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Гёделя / Пер. с англ. – М., 1970.

³ См.: Прибрам К. Языки мозга / Пер. с англ. – М., 1975. – С. 10.

⁴ Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. – М., 1981. – С. 3.

код, на который ложится затем звуковая речь. «Неслышная лингвистика» (внутренняя речь) тоже перебирает струны этого изначального инструмента и кода.

С момента рождения человека ему навязывается *социокультурная матрица*, которая императивно повествует о разрешениях и запретах (табуизмах), о векторизации (канализации) обучения, о дозволенных поведении и т. п. Просыпаются потомки Трикстера в подсознании, схемы рефлексивного поведения, игровые модальности – адъективы *карнавального сознания* в смысле М. Бахтина.

Кстати, корни (люди) и крона (небожители) в ранних мифосказаниях составляли некую единую двухэтажку. Как повествуют китайские мифы, люди и боги, сходявшие с небес, могли общаться друг с другом¹. Потом – богочеловек (синкрета) рождается в яслях на скотном дворе, возносится на небо после распятия (искупление первородного греха) и обещает вернуться для воздаяния праведникам (второе пришествие).

Экология и картография Сознания непрозрачны, и все экспликации тут условны. Проще выявить *топосы*, где ютится человек с его сознанием. Отсюда ведь точки и углы зрения, амплитуды сомнения и смыслы разумения – их азимутальности, тривиальности, складки, шифры и узоры. Э. Ионеско: «Я живу в невозможности. В густом тумане. Между этажами»². Такая диспозиция (когда-то ауспиции) и открывает дальние горизонты и резоны, видимости и ландшафты. А где-то идут на пленер и в карьер для задуманных скульптур.

Продуктивна, как нас уверяют, и охота за маргиналиями ради новых (небывших) перспектив в разборках внутреннего мира³. Трансперсональные переживания – эмпирические расширения сознания за пределы обычных горизонтов телесного «эго».

А для начала презент и потлач старателям вокруг пробле-

¹ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М., 1987. – С. 281.

² Ионеско Э. Противоядия / Пер. с фр. – М., 1992. – С. 356.

³ Гроф Ст. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания / Пер. с англ. – М., 1994.

матики Сознания. У. Джемс, хрестоматийный психолог: «Вот уже двадцать лет, как я усомнился в существовании сущего, именуемого сознанием»¹. Куда теперь пристроим *Cogito ergo sum?* Наши вздохи и сполохи, турбулентности и валентности, идеаты и суррогаты, превосхождения, умозрения, нарциссизмы, профетизмы, Мнемозину и Клио, всю мифологику, казуистику, эйдосы, монады, иеремиады и эскапады. Нет уж. Оставьте нам нашу Психею – мы с ней всегда дома, а «дома и солома съедома» (паремия).

1. ДОИСТОРИЯ – СНОВА И ВСЕГДА. ОБОРОТНИЧЕСТВО КАК МЕТАПАРАДИГМА

И старым бредит новизна.

А. ПУШКИН

Недаром храню я, житель земли,
Морскую волну в артериях,
С тех пор как предки мои взошли
Ящерами на берег.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Всякая вещь имеет множество видимостей,
Бесконечное количество видимостей.

РАЙМОН КЕНО

Человек принадлежит прошлому. Хотя он и может вообразить себя идущим по границе прошлого с грядущим. Вся его соматика,

¹ Джемс У. Существует ли сознание / Новые идеи в философии. – М., 1910. – № 4.

идеатика, догматика и грамматика (парадигматика, стиль жизне-творений) предзадана сложившимися социокультурными формациями, уложениями и зрениями. Таков наш филогенез и таков же онтогенез. А. Бергсон говорил, что прошлое («онтос») всё целиком каждый миг сопровождает нас: «Всё, что мы чувствовали, думали, желали со времени первого детства, всё это тут, – всё тяготеет к настоящему, готовому к нему присоединиться, всё напирает на сознание, отказывающееся дать пропуск»¹. События эти внерефлексивны, т. е. они произвольно вкладываются в континуальный процесс жизнетворений – психоментальный, речевой, мануальный и любой другой. (Позднейшая корректура и редактура общей картины не меняет.) Человек исторический брошен в единый поток Гераклитовой реки без берегов. За каждым здесь-и-теперь, «как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории; мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу»². Это идеально обобщенный случай, а ситуативно кому-то хватает бантустанных и тотемных столбов, где расклеены родовые символы.

А если устремиться в недра человекообразования вслед за деконструкцией и декомпозицией, то мы попадем прямо в «затерянный мир», где палеонтология, этология и река Neander. М. Метерлинк: «Благодаря уродливым полчищам крылатых или плавающих гадов мы обладаем нашей нервной системой и мозгом... Они видоизменили материю, как им было предписано». Мы довели «частицы этой самой материи до степени необычайной раскаленности, которая свойственна человеческой мысли...»³ Гераклитов огонь в наших ментальностях. Очаги высоких культур, просветлений и откровений. Но там же и адские пламена факельные: *Über alles!!* А ныне и новейшие вывихи в геополитике.

Ранние неантропы знали промискуитет, антропофагию⁴ и другие дивертисменты, ныне реликтовые или сдвинутые в пси-

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М., СПб., 1914. – С. 4–5.

² Герцен А. И. Былое и думы. – М., 1946. – С. 561.

³ Метерлинк М. Полн. собр. соч. – Пг., 1915. – Т. 3. – С. 373.

⁴ Диденко Б. Цивилизация каннибалов: Человечество как оно есть. – М., 1999.

хопатологию. Берег Маклая и свидетельство русского путешественника. «О людоедстве я узнал только, что... едят только убитых на войне. Женщины, как и мужчины, едят человеческое мясо, и от жертв ничего не остается... Голову варят в обломке горшка, так как она в горшок не влезает»¹. Особо акцентирован ритуальный каннибализм. Охотники за черепами обитают и поныне в сельве Амазонии. А впрочем, им наследуют киллеры. Левиафан (чудовище), как усложненный Тотем, сохранил все функции подавления. Люди «стараятся погубить или покорить друг друга»². В. Розанов называл современное общество (государство) гидрой. Тут и древнегреческий миф, и новации. Спрут.

Все исторические напластования – формации, фармации, констелляции – человечество преодолело в режиме спринт и спурт. Х. Альвен, лауреат Нобелевской премии, известный астрофизик: «С космологической точки зрения, всё развитие человеческой истории произошло на бешеной скорости»³. Ни остановиться, ни оглянуться, ни задуматься, как роденовскому «Мыслителю». «Время, вперед!» *Уторопленная история* (Куприн). Форсированная история: эскапады XX века. В результате утрачена способность самопонимания – личностная, психоментальная, историологическая. «*Порвалась связь времен*» (Шекспир. «Гамлет»).

Сказанное характерно для Запада. Традиционный Восток бытийствовал в иных координатах. *Синтоизм* – древняя религия Ямато (Япония). Для синтоизма... характерно панхронистическое представление о времени, основной особенностью которого является его обратимость. Прошлое представлялось тогда неизменной нормой: настоящее – это прошлое, будущее – это тоже прошлое»⁴. Однородность и гомогенность темпоральной оси. Где тут Кайрос (рассуждая по-гречески)?

¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. – М., 1993. – Т. 3. – С. 117.

² Гоббс Т. Левиафан. – М., 2001. – С. 86.

³ Альвен Х. Атом. Человек. Вселенная. – М., 1973. – С. 62.

⁴ Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М., 1988. – С. 109–110.

Боги синто – *ками*. Синтоизм отличается простотой – ритуальной и учительной. Мир *ками* не потусторонность. *Ками* обитают в том же самом мире, что и люди, – ведь они в свое время спустились на землю из небесной страны Таками-га-хара. Поэтому человеку нет необходимости искать спасения в каком-то запредельном мире. Человек достигает спасения, привнося *ками* в обыденную жизнь. Спасение достигается гармоничным развитием нашего мира, жизнью в духовном единстве с божеством¹. Синтоизм апеллирует к реальному миру, органично входя в стилистику житийно-святых. При этом он имеет дело только с японцами. Большинство японцев исповедуют одновременно две религии – синто и буддизм. Духовное родство.

Психо-Космо-Логос явил себя жизненным мирам и нам (иерофания) как Миф и Ритуал, которые нераздельны, хотя и не совпадают буквально – стилистически и грамматически. *Миф* – это непосредственное (спонтанное) переживание, психологема и онтологема (архетип позднейших теологов, философов, священных гимнов и героических сказаний), глубоко архаичный и не угасший донныне тип ментальности и образ жизни, мироощущение и мировоззрение, дорефлективный и ритуальный уклад, тотальность. О. М. Фрейденберг: «Это чистейшая условность, что мы называем мифом только словесно выраженный рассказ. На самом деле таким же мифом служат и действия, и вещи, и речь, и «быт» первобытного человека, то есть всё его сознание и всё то, на что направлено его сознание»². Жизненный мир, деятельность, словесная амальгама (подсветка) всех узальностей: *Hic-et-nunc* и Универсум. Миф не остался в своей колыбели, где археозтнография, палеолит, петроглифы, дольмены и рунические знаки. Он всегда с нами – вокруг нас и в нас самих.

¹ Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. – М., 1968. – С. 15.

² Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 28.

Логика мифомышления не знает альтернатив. «Древнейший человек жил в мире абсолютных истин; у него были точные и окончательные ответы на все кардинальные вопросы: как произошла вселенная, его страна, народ, что случится с ним после смерти и т. д.»¹ Беспроblemный менталитет. Доминантность абсолютов: так начиналось и нам досталось. Священные сказания (затвердевшая лава когда-то раскаленных вероучений), «алтарные имена» метафизические (Логос, Первоединое, Абсолютная идея), установки межэтнические (*свой – чужой*) и неизбывные превосходения. Массовое сознание насквозь мифологично – по всем своим адъективам. Такова и политология. К. Леви-Строс: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую»². Инобытийности: без мифологом никакой социум вообще не жизнеспособен.

Массовая культура без устали вращает карусель мистификаций. «Для современной «массовой культуры» совершенно очевидно стремление к возрождению гипнотических способов воздействия на сознание, почти фанатической веры в обрядность, культового поклонения идолам и богам «массовой культуры»»³. Если снять кавычки с массовой культуры и посмотреть на собственные реалии *неблизорукими глазами* (по выражению Марины Цветаевой), то мы увидим, что массовая культура залихват вторым изданием Ноева потопа все меридианы и параллели нашей голубой планеты (взгляд из космоса) с ее вершинами, где элитарные творения и дум высокое стремление. Даже гора Арарат скроется под водой.

Брошены в эфир и прессу новые векторы: информационный империализм, культурный империализм... Ничто не устоит против натиска этих векторизованных «измов»...

К. Ясперс: «Объединение людей земного шара привело к процессу *нивелирования*, на который мы взираем с ужасом.

¹ Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. – М., 1983. – С. 6.

² Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. – С. 186.

³ Шестаков Вяч. Мифология XX века. – М., 1988. – С. 7.

Всеобщим сегодня становится поверхностное, ничтожное и безразличное...»¹ Наблюдатели говорят, что современные общества подвержены процессам *архаизации* вместо утопических *прогрессизмов*. Легко сбрасываются на минимум и даже на нули вековые культурные наработки. Культура без «дрессуры» (педагогика, выучка, традиция) быстро усыхает, выветривается и падает в энтропию. Нет внутренней цензуры, эссенциальных мотиваций и экзистенциальных повелений, императивных.

Однажды и вдруг «косматый зверь очнулся человеком» (Макс. Волошин). А что это за чудо – двуногое без перьев? «Человек должен был научиться играть в людей»² Играть? *Homo ludens*. Но где автор «*Человеческой комедии*»? (Она еще не написана.) Режиссер? Публики даже нет. *Заветы* утопичны, риторичны, романтичны и отнюдь не практичны. А время не ждет. Обратились к месопотамским гороскопам, но знаки Зодиака не слышали о появлении терракотовых человечков и до сих пор не поняли, почему они очутились по ту сторону Рая.

Мифосказания были сакрализованы и утвердились в сознании людей как первичные и витальные аксиомы, определяющие весь психоменталитет. К. Леви-Строс: «Мы пытаемся показать не то, как люди мыслят в мифах, а то, как мифы мыслят в людях без их ведома»³. С этим «наоборотом» мы не справились и поныне. «Мы идеи, но не люди» (А. Белый). Идеи возвышают и унижают человека, бросают его на асфальт под ноги прохожих, стирают в порошок и в ничто даже память о нем.

Миф – предприятие негэнтропийное, мироустроительное. «Для архаичного сознания граница проходила не между возможным и невозможным, а между извечным порядком и тем, что этот порядок нарушало, между древней нормой быта и ломавшим

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 335.

² Виппер Б. Введение в историческое изучение искусства. – М., 1985. – С. 210.

³ Леви-Строс К. Мифологии. – М.; СПб., 2000. – Т. 1. – С. 20.

его новшеством»¹. Торжествовала неизменная традиция: аутоцитирование всех идеологом, культурем и житнетворений вообще. А потому *Миф против Истории*, т. е. каких бы то ни было изменений в существующем укладе. «*Остановись, мгновение!*» Примитив считал свой язык и весь образ жизни наилучшим, образцовым и космологичным. (Когда-то История станет Мифом.) М. Элиаде: «Архаический человек всеми доступными ему средствами пытается противиться истории, понимаемой как последовательность событий необратимых, непредвидимых и имеющих самостоятельное значение»². Подлинны, реальны, онтологичны, космологичны и бытийны только деяния первопредков, учредителей всех культурем первобыта: *алчеринга* (времена сновидений, *sacrum*). *Гомеостаз*, если переходить на современную терминологию.

Миф и Ритуал: *Sacrum*. «Для архаичного самосознания высшим престижем обладает то, что сакрально, а сакрально то, что «космологично», что находится в *начале* творения и что может и должно воспроизводиться в основном *ритуале* данной традиции»³. Прошлое всегда с нами – в настоящем и сущем: космология, онтология и *hic et nunc* склеены. Потом они разойдутся по трем департаментам – физично, метафизично и логично. Обращенность архаического мышления к «началам», надо полагать, послужила образцом для ранних греков, искавших первоначала мироздания в «стихиях» (вода, огонь и т. п.) и атомах.

Не лишним также будет заметить, что наша метagalактическая Ойкумена не забыла своего первоначала: *Big Bang*. Реликтовое излучение и разбегание галактик. Астрономическая «Вселенная в каждый момент «помнит» начальные условия»⁴. Эхо Большого взрыва, мироустроительного, дошло до нас, очнувшись с недоумением на скользкой вершине Антропного

¹ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. – М., 1982. – С. 51.

² Элиаде М. Космос и история. – М., 1987. – С. 93.

³ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995. – С. 11.

⁴ Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Строение и эволюция Вселенной. – М., 1975. – С. 635.

принципа. Не сорваться бы вниз, где сингулярности (сверхвысокие температуры и давления).

Если космофизические гипотезы уходят в глубокую деконструкцию, то для экзегетики Священных писаний вполне оправданно будет артезианское бурение сакральностей в поисках неких первоистоков. Отсюда «желание выставить свой культ более древним, а, следовательно, и истинным»¹. Истина – на дне колодца, археологического и палеолитического (культ камня, где мегалиты и Кааба, которой поклоняются и поныне).

Тут же (корреспондентность интенций) культ Подсознания, где «старые демоны» задают сценарии для обычных психологем, запротоколированных в учебниках. – Не говорим о внутридерных источниках энергии. Не упоминаем о точках бифуркации в неравновесных системах, которые тематизированы синергетикой.

Первобытный человек имел единую и абсолютную систему отсчета (универсальную матрицу) для всех реальных жизнетворений. Это мифосказания, записанные априорно в нейронных сетях и мозговых извилинах. Ямато, страна Восходящего солнца: «Через миф объясняются устои существования людей: в пределах любой феномен – космический или социальный – находит соответствие в мифическом существовании, а ритуал призван сохранить между ними однозначное соответствие, нарушаемое действительным ходом жизни»². Ритуал как регулятив и «выпрямитель» поведений, их унификация и стилизация по образцам сложившихся в древности сказаний. По тем же канонам люди прибиты гвоздями к иным религиям, идеологиям, имиджмейкерам и модам. Аутсайдеры выдают свои стилевые флуктуации, которые общих тенденций не меняют.

Ритуал – не простой итерационный прием по отношению к основному мифу, космогоническому, – не мультипликат и не

¹ Финикийская мифология. – СПб., 1999. – С. 67.

² Мещеряков А. Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм (проблема синкретизма). – М., 1987. – С. 129.

мумификат. «Ритуальное «повторение» имеет своей целью *обновление*, которое, однако, никогда не является радикальным, поскольку имеет в виду не сотворение абсолютно новых форм, а обновление старых»¹. Таковы, к примеру, древнеегипетские сказания о солярном боге Ра, который ведет борьбу с божеством мрака (хтоника), чтобы обеспечить движение солнечной ладьи по своему маршруту.

Мифосказания народов мира содержат в себе исходный, стержневой, основной миф, который принимает различные формы, констелляты и отливки. Е. М. Мелетинский: «Переход от хаоса к космосу – основной пафос в принципе всякой мифологии»². Это не древний урок эволюционной космологии. Тут читается, как шифр, общементальная и психогенная метапарадигма, откуда можно сделать шаг к новейшей астрофизике, космогонии и космологии. От *Хаоса* – к *Космосу*. Меон, гумус, «роскошь бесформенного» (А. Грин), «бесформенная цельность многообразного (Гегель), великая Ризома, нечитаемый Мега-Миф без названия.

Основной миф в отложениях славянских древностей узнаваем в текстах былинного эпоса, в сказках, заговорах и т. п. Противоборствующие герои: Громовержец (Перун) и Велес; трансформы первого Илья-пророк, царь, богатырь, святой Георгий и др. Его противник оборачивается демоном, змеем, чертом и т. д. «...Основной миф может рассматриваться как сокращенная модель мира, данная через сюжет». Вторичные тексты, «в том или ином отношении сопоставимые с основным мифом, обнаруживают тенденцию к такому объединению с мифом, при котором они могут рассматриваться как разные его реализации применительно к данному жанру»³. Основной миф выступает как *Орг*.

¹ Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993. – С. 168.

² Мелетинский Е. М. Предисловие // Луомала К. Голос ветра / Пер. с англ. – М., 1976. – С. 10.

³ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. – М., 1974. – С. 164.

Хаос не остался в глубокой архаике, мифологической. Он всегда с нами и в нас самих. *Агни Йога*: «Напрасно думают, что Хаос где-то далеко»¹. Мироустройство, где натура и всё человеческое, продолжается непрерывно. Торможения, срывы, отливы требуют новых и новых сил противодействия, *чтобы не покоряться ночи* (Мориак). Суррогаты торжествуют, но тотальности им не даны. *Поль Валери*: «Мир беспорядочно усеян упорядоченными структурами». Оазисный ландшафт мироздания. Опасна денудация: плоскостопие в нейронных сетях.

Космос – это клубящийся хаос, энергичность, бьющая через край. *Дао*: апофатика и бытийная неисчерпаемость виртуальных существований. Иерофания на все времена. Конфессиональные религии тонут в этих откровениях. «*Дао* покрывает небо, поддерживает землю, разворачивает четыре стороны света... сообщается с бесформенным. Бежит источником, бьет ключом. Пустое постепенно наполняется. Клокочет и бурлит»². Пустота, Шуньята и Ничто, где Всё. Запад столетия спустя пришел к тому же: *Апофатика*.

Дао не знает хоженных троп. И не с Востока ли повеяли ветры в сторону новоевропейского Метаповествования? *Юлия Кристева*: «Это кипение страсти и языка, в нем тонут любые идеологии, тезисы, интерпретации, мании, коллективность, угрозы или надежды... Сверкающая и опасная красота, хрупкая изнанка радикального нигилизма... Музыка, ритм, танец без конца, без цели»³. Танец ницшеанский и первобытно-экстатический. Восторг. Самозабвение. Больше ничего не нужно. «*Всё ритм и бег*» (Бунин).

Тибетская религия «бон»: эзотерические судороги жреца – транс. «Жрец шен в ходе ритуала теряет всякий сознательный контроль над собой, он ведет себя подобно сумасшедшему, обнаруживая совершенно непредсказуемые силы. Не столько

¹ Агни Йога. – СПб., 1992.

² Померанцева Л. Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. – М., 1979. – С. 109.

³ Kristeva Y. Pouvoirs de l'horreur. – P., 1980. – P. 241.

жрец здесь управляет энергией, сколько энергия правит им, проявляясь через него. Его ритуальное и магическое искусство абсолютно неуправляемо»¹. Автоматическое письмо сюрреалистов *volens nolens* подражало жречеству «бон».

Мы бытийствуем в интервале – в интерьере между экстремалиями (горизонталями, вертикалями), где хаос и «космос» одновременно. Принцип дополнительности, который удивил нас в копенгагенской физике. *Ф. Степун*: Человек «дан себе как хаос и задан себе как космос»². Не ищите в себе «сущностей», априорий – там одни фантазмагии, «вихри под черепом» (Виктор Гюго), луперкалии (их симбионт – трансценденталии) и некий калейдоскоп от кинескопа (столпотворение от забытых образов, переживаний, впечатлений и разночтений).

Отсюда молитва, ловитва и вопль: «Всё, что нам нужно, – немного порядка, чтобы защититься от хаоса... Это бесконечные *переменности*, для которых исчезновение и возникновение совпадают... Мы всё время теряем свои мысли. Поэтому нам так хочется уцепиться за устойчивые мнения. Пусть только наши идеи будут взаимосвязанными согласно каким-то минимальным постоянным правилам, – и ассоциация идей всегда только это и значила, давая нам предохранительные правила (сходство, смежность, причинность), позволяющие навести хоть какой-то порядок в своих идеях... не давая нашей «фантазии» (бреду, безумию) пробегать в одно мгновение всю вселенную, порождая в ней крылатых коней и огнедышащих драконов. Но в идеях нельзя было бы навести никакого порядка, если бы его не было также и в вещах или состоянии вещей – если бы не было объективного антихаоса»³. Тут инвектива по адресу *Différance*, где безудержное дробление событий и знаков, чтобы показать их открытость для бесконечных семиотических переплетений. И психоментальные основания для

¹ Молодцова Е. Н. Тибет: сияние пустоты. – М., 2001. – С. 54.

² Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992. – С. 40.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / Пер. с фр. – М.; СПб., 1998. – С. 256–257.

буддийской логики и метафизики, где постулируется наличие мгновенных возникновений и уничтожений, т. е. пустотелых дхарм, составляющих видимый мир. Все философы рождаются из пены морской, где сперматофоры психологом, пусть и бессознательных. Дж. Сантаяна: «Никакая идея или цель не была бы влиятельной, если бы мы не были первоначально направлены на нее»¹. Корневая система (теперь ризома) любых интенционалов, фиденциалов, логик и педагогов. Не говорим о прагматических установках.

Космический и человеческий *порядок* был онтологически сакрализован. Древнеиндоиранское божество Митра (буквально *mitra* означает договор) «удерживает небо и землю и заставляет восходить солнце» («Веды»). Митра обеспечивает мир на земле, охраняет мораль и порядок². Тот же мотив в стихах А. Пушкина «Подражания Корану».

В древнем Китае поддержание упорядоченных жизнотворений было доверено *Ритуалу*. «Только в Китае этико-ритуальные принципы и соответствующие им нормы поведения уже в древности были решительно выдвинуты на передний план и явственно гипертрофированы...»³ (Реликты глубоко архаичных мануальностей.) Однако с течением времени содержательная часть ритуалистики выдыхалась. Конфуцианство утвердилось именно вокруг ритуала: культурема. «Последняя сводится к строгому выполнению предписанных обрядов. Обряды же, чинные, сдержанные, совершенно лишены какого-либо вдохновения, религиозной экзальтации»⁴. *Сфинксы медленно выветривались*. Энтропия беспощадна.

Ритуальные танцы в истории народов теряли свой сакральный мироустроительный характер. *Рокуэлл Кент*: «Старые

¹ Santayana G. The Letters. – N. Y., 1955. – P. 244.

² Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. – М., 1972. – С. 39.

³ Васильев Л. С., Кобзев А. И. // Этика и ритуал в традиционном Китае. – М., 1988. – С. 3.

⁴ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М., 1976. – С. 264.

танцы были драматическими произведениями – образным воплощением чувств танцующего. Современные танцы – просто выступление»¹. Фольклор в лучшем случае. Психо-Космо-Логос может лишь вспоминать о своем синкретическом триединстве.

Если из Гренландии переселиться в Шумеро-Аккадию («История начинается в Шумере»), то мы увидим, погрузившись в археотнографию: «Главной составной частью шумерского религиозного ритуала были процессии»². Вся духовная культура имеет ритуальный характер. *Шествия* (процессии, демонстрации) не утонули в бесчисленных ритуалах. «Крестный ход в Курской губернии». Факельные шествия: *Über alles!*

Ритуальная строгость была основой всех культов. «Жертва, принесенная по всем правилам ритуала, обязывала божество исполнить желаемое. Всё сводилось к точному знанию искусства жертвоприношений»³. Обменные процессы и теургия. (Не отсюда ли алгоритмы и «строгая наука» феноменология?) Строгость ритуальных действий – залог продуктивного диалога между *sacrum* и *profanum*. Формируется элитарный слой жречества (каста).

Случайные нарушения ритуала вели к утрате его магической силы. Древнеримская обрядность. «Римлянин жил в постоянном страхе, что не совершил обряды, как надлежало. Малейший пропуск в молитве, какое-то неловкое движение, внезапная помеха в религиозном танце, поломка музыкального инструмента при жертвоприношении – этого было достаточно, чтобы тот же самый обряд повторить заново. Бывали случаи, что всё повторялось с самого начала до тридцати раз, пока жертвоприношение не совершалось полностью»⁴. И это Великий Рим, где Воля-к-власти была основой имперского могущества.

¹ Кент Р. Гренландский дневник / Пер. с англ. – М., 1969. – С. 190.

² Косидовский З. Когда солнце было богом / Пер. с польск. – М., 1968. – С. 49.

³ Харузина В. Н. Введение в этнографию. – М., 1941. – С. 150.

⁴ Иорданский В. Б. Звери, люди, боги. – М., 1991. – С. 19.

– Метафизика, возникшая из сакральных текстов, унаследовала ритуальный характер теогонии.

Мифосказания вращаются вокруг тотального релятивизма, где *логика оборотничества*, на которой мир держится: этологический, человеческий, микрофизический и магический. А. Ф. Лосев подчеркивает досубстанциальность архаических миропредставлений. «Первоначально понятие субстанции еще не выделилось из общей смутной и нерасчлененной сферы человеческого мышления и сознания... Ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твердо определенного. Каждая вещь может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности любой другой вещи. Другими словами, всеобщее универсальное оборотничество есть логический метод такого мышления»¹. Зевс оказывается (радикальный бриколаж) и небом, и землей, и воздухом, и морем, и подземным миром, и быком (В. Серов «Похищение Европы»), и волком, и орлом, и человеком, а иной раз просто жуком или геометрическим телом. Индивид мыслит себя носителем каких угодно сил.

Из этой амбивалентной и безразмерной плазмы взойдут:

- Гераклитовы сказки: «Из всего одно и из одного всё»;
- буддийская онтология: поток пустотелых дхарм;
- новейшая микрофизика: взаимопревращаемость элементарных частиц – «Всё состоит из всего»;
- «Божественная комедия» и «Человеческая комедия»: ойкумена наша и онтологема;
- Археписьмо: семиотическая неустойчивость (еще одна Гераклитова река) мирообразований;
- «Вихри под черепом», хаосогенные и креативные (искусство, наука, социальная технология);
- инфантильная уловка: мы способны изменить «форму мира в соответствии с требованиями момента»².

¹ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957. – С. 12–13.

² Голдинг У. Зримая тьма. – Киев, 1997. – С. 153.

Говоря о магии, имеют в виду шаманов, колдунов, предсказателей, заклинателей и других персонажей, продвинутых по направлению к «эзо» и «экзо». Особо выделяют церемониальную магию – коллективные ритуалы, связанные с производственными циклами, празднествами, военными акциями, управлением погодой и т. п. Страна азанде. Э. Эванс-Причард: «Азанде верят в то, что колдовство представляет собой некоторую субстанцию, находящуюся в теле колдуна, и эта вера распространена среди многих народов Центральной и Западной Африки. Страна азанде находится на северо-восточной границе зоны распространения этих представлений. Однако трудно сказать, с каким именно органом азанде связывают колдовство»¹. Аборигены говорят, что колдовская субстанция прикреплена к краю печени. Колдуна можно узнать по его красным глазам. Атрибутика колдовства передается по наследству. Заметим, что и шаманский дар наследуется.

История утвердилась в пространствах человеческих существований, она смешала все карты, в которые играл *Интеллект*. Героические сказания стали священными письменами (Ветхий завет). Фольклорные историзмы случайны и спонтанны – там слишком много волонтеризма и нарциссичного. Современные мыслители пришли к выводу: «История не подвластна человеческому разуму»². Метагалактика приоткрывает свою криптографию – историография нет. Остается придворная магия: проснулись оракулы вокруг стортинга, принялись за дело доморощенные летописцы и скорописцы. *Мигель де Унамуну*, великий иберийский мыслитель: «...Нет истории более правдивой, чем вымышленная»³. Которая ко двору – ложка к обеду *ликующих* (берем отмеченную вокабулу у Н. Некрасова из XIX столетия. Не померкла).

А теперь заглянем в геополитику – искусство явно алхимическое и магическое (для нейтрального наблюдателя). Ну, скажем,

¹ Эванс-Причард Э. Колдовство, оракулы и магия у азанде // Магический кристалл. М., 1994. С. 30.

² Рикёр П. История и истина / Пер с фр. – СПб., 2002. – С. 11.

³ Унамуну М. де. Избр. – Л., 1981. – Т. 2. – С. 160.

от Чингис-хана и Тамерлана до эпохи новейшей. Установка, девиз и сказ Тимура: «Человеческий род и того не стоит, чтобы иметь двух руководителей, им должен управлять только один, и то уродливый, подобно мне»¹. Великий завоеватель заботился об укреплении веры и шариата. Покровительствовал он и философам.

Человеческая трагикомедия всегда была сдвинута, смещена, деформирована. Мишель Фуко сравнивал экспериментальное вмешательство в природные процессы с Инквизицией². Что же говорить о социальностях, которые бесконтрольно творятся «сильными мира сего»? Под сапогом человечность и французская триада: *Liberté, Egalité, Fraternité*. В ошейниках она и наручниках. Ш. Монтескье: «Мы видим людей не такими, каковы они на самом деле, а какими их принуждают быть»³. Пресс, а для кого-то интерес. Эссенциальная томография двуногих, которые без перьев – Г. Честертон (очень экспрессивно): «Только самое худшее поднимается у нас к небесам. Только преступники могут у нас, подобно ангелам, парить в высоте»⁴. Таковую социальную физиографию мы не проходили. А впрочем...

Земная ось накренилась вкось. Не потому ли на силикатном нашем астероиде одни курвиметры? Жан-Поль Сартр: «Человеку невозможно быть самим собой» В перистальтике Левиафана и в междуцарствие Митрофана.

Когда-то Ева-Хевва аутогерменевтически обернулась существом экспериментальным (Марк Твен. «Письма с Земли»). Выпадение из игры? Никак. Событие отнюдь не уникальное и не сингулярное. Р. Олдингтон: «Мы все Великий эксперимент»⁵. Значит, и наш Социум (потомки изгнанных из Рая). А как же еще?

¹ Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. – М., 1992. – С. 471.

² Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С. 331.

³ Монтескье Ш. Персидские письма. – М., 1956. – С. 9.

⁴ Честертон Г. Избр. произв. – М., 1992. – Т. 2. – С. 99.

⁵ Олдингтон Р. Все люди – враги. – М., 1983. – С. 215.

Оборотничество, не изменяя самому себе, но, переходя в режим самоорганизации, выдает социальностям и культурам уникальное произведение (констеллят, кристаллоид, гиперболоид), реликты и трансформы которого демонстрируют себя и поныне. Тотем (на языке ирокезов «его род») – первичный стагис для Примитива (в отличие от бродячей орды), эндо-универсум и космос, щит и меч (*свой–чужой*), магическое имя (обычно зооморфное: я – леопард, кенгуру и т. п.), изначальная традиция, амбиция, коалиция (племя, союз племен) и край сознания. Там же охотники за черепами, скальпы и наргиле (ныне ядерное оружие).

Тотемизм (функция гиперцикла в смысле М. Эйгена) произошел раз и навсегда. Он меняет только свои личины, масштабы, номинации и претенциозности. От локальных модусов (австралийские скрубы; сельвасы, пампасы, прерии), полисов и бантустанов до сверхдержав и геополитических альянсов. О. М. Фрейдберг: «Система новой культуры сознания складывается на основании тех самых принципов построения, которые были и раньше в прежних системах. Тотемизм – это увертюра к будущим культурам, это пролог будущей человеческой «трагедии». Он сразу всё открывает и прячется, как угасшая комета. Потом культура начинает свой путь сызнова, варьируя во времени и в каузальности всё сказанное раньше»¹. Генотип и геном для позднейших азимутальностей и социальностей.

Сам по себе, сущностно и бытийно, Тотем пуст: это высший Символ (вспоминается Шпенглер). На виду и на слуху (рочот шаманского бубна и тамтамов) только его знаки: чуринга (в тайнике), нагуаль, татуировка. Потом произойдут: имманенция, экзистенция и метафизический трансцензус. Тотем, переполненный смыслами, пуст? Как департамент тотальной Апофаттики. Томас Элиот, Нобелевский лауреат: «Мы пустые люди. Мы люди чучела». Стефан Малларме: «Да, я знаю, – мы лишь пустые формы материи, однако достаточно высоко вознесши-

¹ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. – С. 167.

еся, раз мы измыслили Бога и собственную душу»¹. И бесконечно много измышлений – духовных и греховных. Пустотелых.

Переход от тотемизма к религии (если их разделять) связан с изменением семантики. «...Остается вся сумма готовых ритмов, вещей, слов, действий и представлений. Сохранено решительно всё... Тотемистическая схема начинает функционировать в виде структуры религиозной системы; тотемистическое содержание исчезает, переходя в одну лишь форму, которая подсказывает новые религиозные смыслы...»². Фактура религии сплошь принадлежит не ей. Она даже не перекомбинирует тех элементов, которые пришли к ней из кладовых и арсеналов тотемизма. При желании в «Новом завете» без труда различаются тотемические адъективы, императивы и табуизмы.

Эмиль Дюркгейм, основатель французской социологической школы, отвергает определения религии через веру в бога (поскольку существуют религии без богов), через веру в сверхъестественное («естественное» – это позитивная наука, возникшая в Новое время). С его точки зрения, отличительной чертой религиозных верований всегда является деление мира на две резко противоположных сферы: *священное* и *светское*. Круг священных предметов не определен заранее. Любая вещь может стать священной – как необычная, так и вполне заурядная. Дюркгейм характеризует религию как «связную систему верований и обрядов, относящихся к священным, то есть отделенным, запретным вещам; верований и обрядов, объединяющих в одну моральную общину, называемую церковью, всех, кто является их сторонниками»³. Церковь – святилище, храм (у парсов под открытым небом), катакомбы, культовые роши (у кельтов) и т. п. Религия, по Дюркгейму, – это символическое выражение общества, его наиболее «духовной» части.

¹ Малларме Ст. Соч. в стихах и прозе. – М., 1995. – С. 357.

² Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – С. 129.

³ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. – P., 1912. – P. 65.

Французский социолог подчеркивает сходство между религиозными и гражданскими церемониями. Ритуал, где нуминозные и светские культы.

Тотемное (титульное, гербовое) животное состоит в таинственной, мистической связи с родом. Ему поклоняются как священному зверю. О перуанских индейцах рассказывается, что члены рода *ягуар* при виде своего гербового зверя ложились на землю и без сопротивления предоставляли ему возможность растерзать себя. Тотемное животное – первопредок данной родовой общины, и после смерти все люди-ягуары возвращались к своему родоначальнику. Тотемизм сливается с культом предков¹. Здесь, как в основном ритуале и мифе, доминируют первоначала, первоистоки. Не случайно ранние греческие философы ориентировали себя на поиск исходных субстанций: вода, воздух, огонь. Потом четыре стихии. В древнем Китае их пять.

Метафизика со временем переключилась на поклонение высшим идеатам, где Логос, Благо, Первоединое, *Cogito ergo sum*, Абсолютная идея, Интуиция, Бытие, Ничто. На Востоке – *Дао*. Всё это исторический перезвон древнейших тотемизмов, которые заложили основы мирообразования. Древнекитайские мудрецы мыслили проблему «архе», отринув корни вещественных субстанций. (Поиск «архетипов» уцелел в метапсихологии.) В. В. Малявин: «Даосы настолько верны своим поискам подлинного, абсолютного Истока сущего, что даже не поставили ему предел в виде какого-либо метафизического принципа, перво-вигателя, «первичной материи», первоначала и т. п. Ведь исток бытия, если он в самом деле, реален, не может быть ни хронологическим рубежом, ни «данностью опыта», ни умственной абстракцией по той простой причине, что такое начало вносит ограничение в мир, и в итоге само оказывается условным, придуманным, неживым. Мысль же даосов – о Начале, которое само безначально...»²

¹ Шурц Г. История первобытной культуры / Пер. с нем. – СПб., 1907. – С. 97.

² Малявин В. В. Восхождение к Дао. – М., 1997. – С. 8.

Философская антропология требует глубоких деконструкций. З. Фрейд в своей метапсихологии положил начало археологии психоментальностей у высколенных сапиенсов. К. Юнг: «Мы должны раскопать в себе первобытного человека...»¹ Архетипы – подобие палеонтологических формаций. А впрочем, давно все психоидные констелляты склеились адгезийно и перемешались (свой дикий флиш, агломерация, метамиксер). К. Поппер отмечал, что за последнее время социальная антропология, т. е. этнология, из прикладной дескриптивной дисциплины, обращенной к примитивным обществам, была возведена в ранг фундаментальной науки. «Теперь бывший социолог-теоретик должен быть счастлив найти применение в качестве полевого работника и специалиста с задачей наблюдать и описывать тотемы и табу белых туземцев в странах Западной Европы и Соединенных Штатах Америки»². Вот так. Давно же сказано: «...Вне атавизма мы вообще не существуем»³. Атавизмы, модернизмы, постструктурализмы, оккультизмы, историцизмы и философические «измы» – клубок змей. Хватило бы одной анаконды.

Мифы, нативные, греко-римские и первобытные, как «золотые сны человечества». Суррогаты мифоидные, всюдные и обоюдные (человек творит их постоянно, сам дополняясь мифами), – разговор особый. В. Розанов: «Мифы – тупы нам; то же, что чугунная решетка в Летнем саду. Но ведь они были живы, они были тело с кровью, с дыханием. Оставим их. Важны не мифы, а дух, из которого родились мифы»⁴. И дух этот – *миротворение*, которое субстантивно присуще Человеку. Неоантроп живет не столько в реальном мире, сколько в воображаемом, трансцендентном, восполнительном. Так было во все

¹ См.: Нолл Р. Арийский Христос: Тайная жизнь Карла Юнга / Пер. с англ. – М.; К., 1998. – С. 384.

² Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Пер. с англ. – М., 2000. – С. 302.

³ Газданов Г. Призрак Александра Вольфа. – М., 1990. – С. 323.

⁴ Розанов В. В. Во дворе язычников. – М., 1999. – С. 193.

времена – языческие и *post*. «Язычество столько же истинно, как и христианство, и притом в таких же существенных [частях]. Оно было побеждено насилием и риторикой...»¹. Опьянение души нуминозными идеатами. Не трогайте святилищ, где гибидеи ненцев, тотемные столбы, мегалиты, шаманские камлания, *Notre Dame de Paris*, Айя София, Ватикан и Оптиная пустынь. Храм Сераписа – память о нем. Всё едино, неисповедимо, непостижимо, как и сам человек – их учредитель и строитель.

Трансляции тотемизмов в диахронии бросают свои магические отсветы на элитарные или «сдвинутые» сообщества, родственные по духу, целевым функциям, установкам, интересам. Это салоны, неформальные группы, криминальные «орги» и т. п. Таковы кабаре «Ловкий Кролик» на Монмартре (Париж) – аттрактор для корифеев искусства, реальных и виртуальных, признанных и не нашедших места в жизни². А в Санкт-Петербурге...

« – Что же ты не входишь? – пробуждает меня от забытья глухой отклик Гумилева.

Мы стоим в темной подворотне перед поблескивающей дверной медной дощечкой с надписью «Аполлон», во дворе же сверкает электрическими буквами лампочек подъезд ресторана «Аполло».

Знакомая широкая белая с малиновым половиком лестница – сколько раз с волнением поднимался я по ней, чтобы застенчивым и неловким юношей жаться в сторонке от блестящего общества!.. Собрание уже открылось. Гумилев, раскланиваясь, звякая шпорами и целуя ручки у дам, проходит вперед...

Этот двухэтажный темно-красный особняк с балконом на Мойку... избрал накануне войны Аполлон Мусагет для своего парнасского святилища. И как на дельфийский треножник, в папиросном дыму садился на председательское место верховный прорицатель с

¹ Там же. – С. 5.

² Рохас К. Мифический и магический мир Пикассо / Пер. с испан. – М., 1999.

Таврической Вячеслав Иванов, зажигая от электрической люстры над строгим момзеновским лицом и черным пасторским сюртуком нимб серебряно-золотых косм и звучным медоносным тенорком изрекал свой суд над поэтами, посвящая их в дионисийские таинства: *A realibus realiora* [От реального к реальнейшему]...¹ – Серебряный век.

Доистория – это деконструкция сложившихся позднее верований, культов и катехизисов. В архетипах есть свои «архе», которые уводят нас в палеолит и к людям одного огня. Фридрих Ницше («Рождение трагедии») обрисовал нам дихотомийную структуру древнегреческого миропредставления, где Аполлон (светозарное начало) и Дионис (буйство хтонических сил). Дионисийский персонифицированный образ сложился на основе до-личностных, навеянных стихиями мирочувствий. Вяч. Иванов: «В самом деле, древнейшая эпоха Дионисовой религии есть эпоха безыменного или иноименного «пра-Диониса». Одним из свидетельств об этой подготовительной стадии религиозно-исторического процесса, приведшего к объединению местных оргиастических культов под определенным именем одного общеэллинского божества, может служить пустой престол некоего бога, заполненный впоследствии малым кумиром Диониса, по изображениям на монетах Фракийского Эна... Вид прадионисийского культа представляет собой почитание безымянного Героя...» Местные демоны синтезируются (момент самоусиления) номинативно и мифогенно. Затем: «Раздвоение божества на лики жреческий и жертвенный и отождествление жертвы с божеством, коему она приносится, было исконным и отличительным достоянием прадионисийских культов»². Так формировалась реальная биография Иисуса из Назарета – Героя Нового завета.

Если библейские Заветы (Ветхий и Новый) провести аналитически через все интертекстуальности, где корпус известных

¹ Зенкевич М. Эльга: Беллетристические мемуары. М., 1991. – С. 36–37.

² Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. – СПб., 1994. – С. 17, 26.

Священных писаний и сакральных сказаний, литературных ассоциаций¹, объективных исторических данных, культурологических исследований, фольклористики, палеоэтнографии и антропологии, то в них не останется ничего автохтонного (*differentia specifica*), исключительного и поразительного. Расстаться с превосхождениями и стать Всечеловеком, дифирамбы которому слагал Вл. Соловьев. Раствориться в единствах, почти нирванических.

И еще одна несшиваемость: Миф и Символ. *Н. Гумилев*: «Миф – это самодовлеющий образ, имеющий свое имя, развивающийся при внутреннем соответствии с самим собою, – а что может быть ненавистнее для символистов, видящих в образе только намек на «великое безликое», на хаос, Нирвану, пустоту? Поэтому метод символический неприложим к мифотворчеству»². (Не считая Апофатики.) Но сделаем шаг в сторону и вверх: диагональ. Любые слова метафоричны, отчуждены от реальных вещей, образуя Лингвосферу. Поэтохроника творит свою мифологию.

* * *

Обряды перехода: алхимия инициаций. Архаические общества создают – имитационно и ритуально хаосогенные ситуации в переломные периоды жизнетворений (витальные складки). Таковы инициации, испытания, посвящения. Все переходные обряды, согласно В. Тэрнеру, структурированы тремя фазами: отделением, лиминальным (коммунитарным) состоянием и воссоединением. Первая фаза – отключение индивида или группы от занимаемого места в социальном бытии (иерархии). Лиминальность – состояние аморфное, энтропийное, неопределенное. На третьем этапе ритуальный субъект обретает новый статус, более высокий по социокультурному раскладу. Промежуточный стазис уподобляется утробному (эмбриональ-

¹ Жолковский А. К. Блуждающие сны. – М., 1994.

² Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. – М., 1990. – С. 160.

ному) существованию, небытию, пустыне, затмению солнца и луны. В период возрастных инициаций лиминалии подвергаются жестокой экзекуции (на вырост – Инквизиция). Не упоминаем Дантов «Ад».

Посвящения высшего порядка (вступление в тайный союз и т. п.) под названием *энгвур* (австралийское племя *аранда*) сопряжены с обрядом испытания огнем и надрезами числом от четырех до восьми дорсально по обеим сторонам позвоночника и один средний на шее под затылком. Так требовали от аборигенов времена *алчеринга*¹. Начало отсчета австралийских мифосказаний, которое ритуально содержится в актах инициации. Этнографы отмечают, что священный ритуал «может быть выполнен лишь определенными людьми, которым известны детали... имеющие особо важное значение, ибо именно знание деталей дает, по их убеждению, власть над тотемным видом»². Тотем – воплощение сущностей; о *существованиях* заговорили совсем недавно. Устроители (мейкеры) инициаций станут потом жрецами, блюстителями ритуальной строгости, «священномудрыми». А высокие религии отложились в сознании масс ритуально-барочной стилистикой вместо Платоновых «эйдосов». *Бог – в деталях*. Доистория удивительно современна.

Коммунитарное состояние в тех или иных формах обнаруживается на всех этапах человеческой истории³. Катакомбы, казармы, концлагерь, тюрьма, карантин, СИЗО, толпа, карнавал, богадельня, дурдом (для радикалов), ссылка, опала, сиротский дом, больница, стадион, зрелищный зал, очередь, баня, пляж, зал ожидания. Рабы, крепостные, иноверцы, инородцы, метеки, перизки, пеоны; военнопленные, заложники и разные прочие, которые на обочине (бомжи, апаши). Голгофа. Реформация. Монастырь. Ожидание «второго пришествия». Флагелланты. Столпники. Пустынники. Затворники. Хлысты (*А. Бе-*

¹ Хайтун Д. Е. Тотемизм, его сущность и происхождение. – [Душанбе], 1958. – С. 46.

² Там же.

³ Тэрнер В. Символ и ритуал / Пер. с англ. – М., 1983.

лый. «Серебряный голубь»), молокане. Предбанник «светлого будущего» и проективный Сверхчеловек или хотя бы человек *настоящий*. На Востоке соискание Сатори и Нирваны. Медитация.

Возрастные инициации и духовные преобразования процедурно напоминают алхимические лаборатории, если не камеры пыток. Алхимик стремится получить в своей реторте *materia prima*, а отсюда «философский камень»¹. Спуск в основания и чудодейственный *lapis*. Алгоритм и целевая функция едины.

Арнольд ван Геннеп, известный этнограф и фольклорист, отмечает, что в церемониях перехода употребляются особые языки – «похищенные»². Прием *остранения*: реликты жреческой обрядности и шаманских камланий. Такова по своей природе и метафизика, где «план выражения» и в древности, и поныне нередко прикрывает «нищету философии». Риторика – великая вещь, хоть сама по себе и пустая.

Уильям Уорнер: «Живые и мертвые». Исследование ритуально-символических форм, бытующих в современном обществе³. Ментальности, сакральности; политграмматизмы; историческая память. Энциклопедия без ортопедии. Матрицы для рассеянных ритуалом – забытых и которые всегда с нами.

Все магические практики входят в общий ритуальный комплекс. Заговоры, заклинания, ворожба бытийствуют и поныне. Месопотамская магия – архетип для позднейших оккультных сложений: «Заклинание предельно формализовано, оно являет собой собрание клише, в которых каждое слово в целях достижения большего эффекта не должно сходить со своего места»⁴. Окаменевшие грамматизмы, застывшая стилистика. Обилие повторов: мизансценография. Отсюда легко сделать шаг (символический) к новейшим алгоритмам. А еще к суггестии текс-

¹ Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. – М., 1979.

² Ван Геннеп А. Обряды перехода / Пер. с фр. – М., 1999.

³ Уорнер У. Живые и мертвые / Пер. с англ. – М.; СПб., 2000.

⁴ Фоссе Ш. Ассирийская магия / Пер. с фр. – СПб., 2001. – С. 209.

тов, где ставка сделана на *план выражения* – от сакральных и метафизических до публицистических. Задача – «найти свою собственную риторику...»¹ Проблема далеко не простая: отыскать чистый лист в галактике Гутенберга, которая вся уже зарифмована, исписана вдоль и поперек, диагонально и скандально. Ищите – и обрящете остракон папируса. На риторике мир держится, хоть и скрипит земная ось, накренившаяся вкось.

Индийская философско-религиозная мысль широко использовала традиционное уподобление: дом – Космос – человеческое тело, поскольку тело, равно как и Космос, в конечном итоге не что иное, как «положение», система жизнеобеспечения, данная человеку. «Позвоночник уподобляется Космическому столбу (*skambha*) или Горе Меру, дыхание – ветру, пуп или сердце – «Центру Мироздания» и т. п. Однако аналогия проводится также между человеческим телом и ритуалом во всей его полноте: место жертвоприношения, жертвенная утварь, ритуальные жесты уподобляются различным органам и физиологическим функциям. Человеческое тело ритуально воплощает Космос или ведический жертвенник (который является неким *imago mundi*), но также уподобляется и дому»². Уподобление осуществляется и в обратном направлении: храм или дом в свою очередь могут сравниваться с человеческим телом. – Не случаен индийский мотив в российской словесности: «Вселенная – всем своим благородством и горечью – билась в его сердце»³. Космические антропоморфизмы через ритуал оборачиваются космизацией человека – его органики и витальных функций.

Тотем – материализованный трансцензус, прародитель и хранитель всех животворений, нуминозный субъект. Диалог и реальные связи с ним находят себя в жертвоприношениях. Витальная и сакральная озабоченность на все времена – от

¹ Понж Ф. На стороне вещей / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 116.

² Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. – М., 1994. – С. 108.

³ Пильняк Б. Избр. произв. – М., 1976. – С. 397.

пещерных до ноосферных. Жертвенные обряды исторически эволюционировали, пройдя путь от человеческих жертвоприношений Ваалу (Финикия, Угарит, Карфаген) до мелких отчислений в пользу бедных. Всечеловек исторический приносил многомиллионные жертвы во имя имперских амбиций (глобалистика), насаждения истинных вероучений (религиозные войны), расовой чистоты (холокост), этнических превосхождений или утопических проектов (алломорфы миллениаризма). Костры святой Инквизиции пылали во имя строжайшего соблюдения канонических уложений Римской церкви¹. Фанатизм – адский пламень.

Как пишет Мери Дуглас, энциклопедия ритуалов и табуизмов имеет целью привести человека к гармонии с остальным миром². Голубая и розовая мечта мыслителей – *Гармония* (у греков дочь Арея, римский Марс, и Афродиты). Пифагор: гармония сфер, которую слышит только сам основоположник числовой метафизики. Ритуальная чистота, лепота, где золотая пропорция, конкорданс, полифония и моноидеизм. Эмпирей для ангелов и духовных парений. Космос? Да это же груда сора (Гераклит). И нет в мире, и никогда не бывало ни «чистых», ни «нечистых». Но игра эта до сих пор не угасла. Совсем наоборот. Всечеловек всегда вращался вокруг сей дихотомии и не расстается с ней экзистенциально и витально. *Гюнтер Грасс*, немецкий писатель (Нобелевский лауреат) и художник: «Нет на свете ничего чистого»³. Глас вопиющего в пустыне. Никаких ревербераций в анемичной душе Всечеловека. Анабиоз в подлунном мире.

Обозначился общий знаменатель и определилась единая установка (азимутальность) жертвенной эффективности. «Знаменатель этот – внутреннее насилие: жертвоприношение пытается устранить раздоры, соперничество, зависть, ссоры меж-

¹ Сабатини Р. Торквемада и испанская инквизиция / Пер. с англ. – М., 1999.

² Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. – М., 2000. – С. 260.

³ Грасс Г. Собр. соч. – Харьков, 1997. – Т. 2. – С. 355.

ду собратьями, восстанавливает в коллективе гармонию, усиливает социальное единство»¹. Опять гармония! Клапан и дроссель: снять избыточное давление в кипящей биомассе. Демпфер: притушить турбулентности. Расправиться с альбигойцами, тамплиерами. Подавить вендетту, гусистскую ересь. *Череда очищений*: козел отпущения, фармак, король (плаха, гильотина), костер, камера пыток, гаррота. Охотники за черепами. Крестовые походы. Ленский расстрел («Угрюм-река»). Джихад. Газават. Холокост. Места не столь отдаленные. «Лишние люди». Иностранцы. А бомжи и мафиози все по местам, как знаки Зодиака. Киллеры всегда готовы. Маринеры ждут приказа. Да можно ли на «Острове фарисеев» (это весь круг земной и квадрат, а не только роман *Голсуорси*) сделать приличную Историю? Аксиоматику надо менять в *исторических априориях*. М. Элиаде: «Новая аксиома выявляет какую-то реальную структуру, ранее неведомую»². Вот: плюралистическое общество – либертинаж, пародийный и комедийный. Но всё это уже было: «Человеческая комедия». Повторение – всегда новизна. *Хронос* другой и *Кайрос* небывший – с подсветкой порнолатрии в литературе (Жорж Батай) и выгоревшей либидозности в натуре («Посмотри в окно, и ты увидишь весь мир», говорили конфуцианцы). Новооткрытая экзистенция спасается в погашенной Имманенции.

Где просветление, спасение, умиротворение? В *Язычестве*. Древнейший этот культ был предан анафеме ранней патристикой, присягнувшей Проповеднику из Назарета. Да пусть Он ектлезиаствует и далее, – все моноидеизмы как причащение Бытию, пересечения человеческих духовностей с трансцендентными сферами, где первозданный туман и океан.

Уильям Батлер Йейтс: «Коммерция и производство обезобразили мир, конец языческого культа природы лишил зримую красоту ее высокого смысла. Я был убежден, что все уединенные и романтические места населены множеством невидимых

¹ Жирар Р. *Насилие и священное* / Пер. с фр. – М., 2000.

² Элиаде М. *Азиатская алхимия*. – М., 1998. – С. 23.

существ, с которыми возможно вступить в контакт». «В душе я был язычником...»¹. Российский мыслитель *В. В. Розанов*: «Душа остается язычницей». Несмотря на все поверхностные напластования, каноны и органы (логосы и опусы). *Религия есть состояние души*. Наклейки здесь не в зачет.

Почему мы должны отвергнуть исконные сакральные откровения разных народов, спецификум нуминозных изводов и отгородить свой особый крааль как самый лучший, истинный и звучный? (Первоосновой всех сказаний является именно *звук*. Значит, иноязычный перевод любой исходной керигматики есть не более чем суррогат.) В свое время *Уолт Уитмен* заявил, что принимает на равных все известные вероучения – от самых древних и примитивных до мировых религий. В. Брюсов: «Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов»². Вивекананда и необрахманизм вещают о том же.

Сущее не делится на разум без остатка. Всегда остается незанятый Трон, предназначенный для неведомых, бестелесных, но в Подсознании уместных сил, обитаний, ожиданий, демонов, неведомых Игр, которые без названия и лампадного масла. *Марсель Мосс*, известный французский этнолог, отмечал, что архаический номинатив (интенционал) «мана» аналогичен априорным синтетическим суждениям, кантианским³. *Мана* соответствует *принципу партиципации* (сущностное сопричастие, постулированное в первобытном мышлении). *Ratio* прозрачно только для самого себя, да и то в случае хорошо формализованных логических исчислений. *Логос* – Гераклитов и какой угодно – произведение беспроглядное, неопишное и непредставимое. Тесты Роршаха тут неуместны.

Индийские мыслители провели глубокую деконструкцию принципа партиципации. Знания, ведущие к спасению, основаны на *памяти*. Ананда и другие ученики Будды принадлежали

¹ Йейтс У. Б. *Роза и Башня*. – СПб., 1999. – С. 415–416, 418.

² Брюсов В. *Дневники*. 1891–1910. – М., 1923. – С. 61.

³ Мосс М. *Социальные функции священного*. – СПб., 2000. – С. 430.

к тем, кто «помнит рождения». Вамадева говорил о себе: «Ощув себя в лоне, я осознал все рождения богов». Кришна знал все предшествующие существования. «Когда человек *знает* в этом смысле, он является тем, кто *может вспомнить начало*, или, если быть более точным, тем, кто стал современником рождения мира, того времени, когда впервые проявились время и существование»¹. Отказ от мирского времени – исцеление от страданий бытия. На Западе радикальное богоравенство не шло далее подражаний Голгофе.

Мирча Элиаде разбирает – в общем контексте мифогенных эсхатологических доктрин – новейшие тенденции в истории западного искусства. «С начала нашего века пластические искусства, так же как и литература и музыка, испытали трансформацию столь радикальную, что в данном случае можно говорить о «разрушении художественного языка». Начиная с изобразительного искусства, это «разрушение...» распространилось на поэзию, на прозу, а в последнее время, с Ионеско, и на театр. В отдельных случаях можно говорить о настоящем уничтожении всей вселенной искусств. При изучении некоторых недавно созданных произведений создается впечатление, что всю историю изобразительного искусства авторы хотели свести к *tabula rasa*. Это более чем разрушение, это погружение в Хаос, во что-то вроде первозданной *massa confusa* [неопределенная масса]». Автору «надо было уничтожить руины и обломки, оставленные в наследство предшествующими революциями в пластических искусствах; ему необходимо было подойти к зародышевым формам материи, чтобы иметь возможность начать с нуля историю искусства»². Это напоминает алхимию, которая стремится получить *materia prima*, откуда взойдет «философский камень», чудодейственный.

Художник хотел бы обрести первозданный «чистый лист» (нулевой палимпсест), на котором можно начертать незаемные

¹ Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 54.

² Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. – М., 1996. – С. 79–80.

эндо-иероглифы. *Анри де Тулуз Лотрек* однажды воскликнул удивленно и просветленно: «Наконец-то я разучился рисовать!»¹ Смахнуть на обочину, в песок, гумус и меон все правила, штампы и эстампы и – да будет новое зрение, третий глаз и некий ревертаз.

2. МИРООБРАЗУЮЩАЯ НЕБЕСНАЯ КОРОВА МЕХЕТ-УРТ И ВЫРЕЗКИ. КОСМОС, ЭЙДОС И МОНАДА. МАНДРАГОРА И ГИПЕРЦИКЛ

Весь мир, вся жизнь загадка для меня,
Которой нет обещанного слова.
Всё мнится мне: я накануне дня,
Который жизнь покажет без покрова;
Но настает обетованный день,
И предо мной всё та же, та же тень.

Князь П. ВЯЗЕМСКИЙ

О предки дикие! Как жутко-крепок
Союз наш кровный. Воли нет моей,
И я с душой мятущейся – лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней.

М. ЗЕНКЕВИЧ. «Темное родство».

Древнеегипетские мифы о сотворении мира. Согласно дошедшей до нас версии, солнце было рождено в виде золотого теленка небом, которое представлялось огромной коровой с рассыпанными по всему ее телу звездами. Специалисты полагают, что подобный сюжет был, возможно, одним из основных египетских мифов о происхождении мироздания. Небесная

¹ См.: Матисс А. Статьи об искусстве; Переписка. – М., 1993. – С. 96.

корова фигурирует в сценах рождения солнечного младенца из лотоса. После своего появления на свет солнечный младенец сел на спину небесной коровы Мехет-Урт и поплыл по горизонту. Фараоны, уподобляясь солнцу Ра, изображали себя сынами небесной коровы, вскормленными ее молоком¹. Вспомним Ромула–Рема с волчицей. Древние народы переживали свою доисторическую эпоху в воображении с его архаической экзотикой, примитивными синкретизмами и собственным логосом.

Синкретизмы – изначальные целостности, с которых начинало примитивное мышление (продуцент – правая гемисфера, мифогенная тогда и всегда). Только греки стали рассуждать аналитически, обратив этот резец на свою менталистику. *Эмне-докл*:

Узки способности [познания], разлитые по членам.

...Повидав на своем веку лишь малую часть Целого,

...Они улетают, взметнувшись словно дым,

Поверив лишь тому, на что каждый [случайно] наткнулся,

...Гонимый во все стороны. А <кто> похвалится, что открыл Всё?

Таким образом, не постичь это [целое] людям ни зрением, ни слухом, Ни умом не обнять².

Но человеку нужны *целостности*: гештальты, единства, картины мира, мифы и апокрифы, логосы и опусы, фуги и центрифуги (разделение смесей), портреты и силуэты, печати (сфрагистика), формации, унификации, ядерные структуры, позвоночники и распознавание образов. Матрицы, интегралы, скейлинги, морфизмы. Холизмы. Фреймы. Апофатика: Дао-принцип.

Азимутальности телеологические: экстраполяции, интерполяции, интуиции (когда-то ауспиции), восполнения, другая аксиоматика, генерализация, комбинаторика, небывшая риторика,

¹ Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. – М.:Л., 1956. – С. 16.

² Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1982. – Ч. 1. – С. 342.

сюрграмматизмы, новый алфавит (какой угодно), сакрализации любого извода, девиантное зрение и умозрение, микширование телепрограмм, дикий флиш (из геологии в метафорику)... Всё это вырезки – модели, предположения, допущения, эксперименты (ментальные, прагматические, футуристические) и позументы, ожидающие «принципа фальсификации» в смысле Карла Поппера. Да и целостности сюда же, потому как все они релятивны.

Опасайтесь моноидеизмов, где одна формула и весь мир. Вот Гераклитова река: *всё течет*, неудержимо и непредставимо, поскольку *stasis* есть стояние, мизансцена, натюрморт, бьеф, штиль для потока ощущений и мыслеобразований. Остановись мгновение! Так возникли Платоновы *эйдосы*, которые себетожественны как мегалиты в хаосе всеобщего первобытного оборотничества. По свидетельству Диогена Лаэртского, Платон многое повторяет за комедиографом Эпихармом. Чувственно воспринимаемое Платон определяет как то, что никогда не пребывает ни в качестве, ни в количестве, но всегда течет и изменяется, не обладая чтойностью. Это то, чему становление присуще всегда, а бытие никогда. «Умопостигаемое» же он определяет как то, от чего ничто не убывает и к чему ничто не прибывает: «это природа вечных вещей, которой присущи подобия [самой себе] и вечная самотождественность»¹. *Эпохэ*. Отсюда произошли атомы Демокрита, Первоединое Плотина, монады Лейбница, моноидеаты Спинозы, понятия в системе Гегеля и его Абсолютная идея, затем Бытие–Sein («фундаментальная онтология»), монеры Геккеля, хламидомонады протистов и гиперциклы Эйгена. Не говорим об электронах, фотонах, протонах, кварках и струнах. Корпускулярно-волновая картина мира, дихотомическая. Струны обещают нам устройство единой физической картины мира при наличии тензорных напряжений в геополитике.

Сюда (корпускулярные интенции) надо добавить поиски корневых инвариантных словоформ. Акад. Н. Я. Марр: четверица – *сал, бен, йон, рошд*. Ныне исследования в этой

¹ Там же. – С. 259.

области проводит А. Вежбицкая (Польша)¹. Число атомизированных универсалий приближается к тридцати.

К. Юнг обратил внимание на особые сложения в глубинах психики – *архетипы*. Последние представляют собой формообразующие структуры, которые наполняются конкретным содержанием у каждого человека. «Сам по себе архетип пуст и чисто формален, – ничего кроме способности сформировать, возможности представления, которая дана *a priori*»². Сознание тоже пусто (Ж.-П. Сартр) – там виртуальные структуры, которые возникают спонтанно: вызов–и–ответ.

Грамматика наследственности: отрезки ДНК, их монтаж и судьба человека. Генные инженеры способны изменить биоту – по своему разумению и неразумию³. Небывшая склейка «эйдосов».

Гераклитова река отзывчиво переключается с *буддийской логикой*, где постулируется существование пустотелых дхарм. Акад. Ф. И. Щербатской: «Элементы бытия – это моментальные появления, моментальные вспышки в феноменальном мире из неведомого источника... Они исчезают, как только появляются, для того чтобы за ними последовало в следующий момент другое моментальное существование»⁴. Вселенная как гигантская флуктуирующая система. Такова и наша Психея: микрокосм. В современной физике элементарные частицы рассматриваются как флуктуации вакуума. Гегель сопоставлял случайности в природном универсуме и случайности в сфере человеческого духа.

Если к Гераклиту и буддийской бессубстратной логике добавить семиотические исследования Чарльза Пирса⁵, то мы

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. – М., 1999.

² Юнг К. Аналитическая психология. – СПб., 1994. – С. 123.

³ Чирков Ю. Ожившие химеры. – М., 1991.

⁴ Щербатской Ф. И. Избр. труды по буддизму. – М., 1988. – С. 141–142.

⁵ Пирс Ч. С. Избр. филос. произв. / Пер. с англ. – М., 2000.

вплотную приблизимся к *Архетипу* и *Грамматологии* Жака Деррида. Последний раунд – наработки постструктуралистов, где широко разводятся *означающие* и *означаемые*. Неизбежность нагромождения дискурсивностей и поток праздных комментариев. Всякий комментарий предполагает избыточность как означающих, так и означаемых. «Эта двойная избыточность... обрекает нас на бесконечную, ничем не ограниченную задачу: всегда есть дремлющие означаемые, которым нужно дать слово; что же касается означающих – они всегда предлагают изобилие, вопрошающее против нашей воли о том, что оно «хочет сказать»... В пределе одно могло бы существовать без другого и начать говорить о себе самом...»¹ Мы обитаем не только между этажами, но и в проеме, где разошлись означающие и означаемые. Галактика Гутенберга, расколотая на две несшиваемые части, висит в нежилых пространствах.

Прежде разговора о чем бы то ни было, нужна минимальная пропедевтика рефлексивно-методологического извода и огорода. На первый случай и на все остальные – вот:

1. «В действительности всё происходит между мной и мной самим. Правда при этом нам лишний раз приходится убеждаться в двусмысленности понятия «я сам», в его исконной нетождественности»². То есть в интервале между *cogito ergo sum* и отчуждением от него – ближним или дальним, где бриколаж, мотивации, логосы, стилизации, объективации и прочие *экзо*.

2. Отсюда: «Нет такого предмета, который не был бы искажен человеком...»³ *Объект* (зрения, умозрения, откровения) становится *предметом*, отнесенным к синтетическим априориям, матрицам, уложениям и спряжениям. На экстремальных: «в афишу коза».

3. Любые когнитивы (не говорим об аккузативах, где падеж винительный) проходят через предбанник *воображения*, миновать который никак невозможно, да и не нужно, ибо тут идет

¹ Фуко М. Рождение клиники. – М., 1998. – С. 18.

² Marcel G. Le mystère de l'être. – P., 1951. – V. 1. – P. 76.

³ Леопарди Дж. Избр. произв. – М., 1989. – С. 187.

сотворение миров – священных коров Мехет-Урт (египетских) и зебу (индийских), а также всех остальных мифологем, искусств, мистицизмов и наук.

4. *Морис Бланио*: «Я думаю, значит я не существую»¹. Эндо-ментальности не идут дальше суррогатов. Экзо-инвенции все заемные, на прокат от «других», где наезженная колея, шлея и неизбежные табуизмы от историзмов. – *Самоотрицание* как императив, а мы глаголем о самости, личности, яйности и прочих деликатесах, которые к столу не подаются. А престол? Ритуал в квадрате и в кубе, где «Поручик Киж», пустотелый.

5. Здесь можно было бы поместить «Тошноту», порнолатрию и волю–к–власти (не говорим о Сверхчеловеке) и в качестве коронарного сияния Ничто, которое не имеет даже грамматичности.

Между Человеком и Миром всегда *Homo erectus, habilis* и *sapiens* – сфинкс, «молодой моряк вселенной» (Брюсов), фараон, погонщик верблюдов, ландскнехт, укротитель уссурийских тигров, курильщик опиума, Пульчинелла, *das Man*, кокни и бомж.

Естествоиспытатель Макс Ферворн утверждал, что охотник в древнекаменном веке «не создавал себе никаких идей и теорий о вещах, которые воспринимал с помощью чувств, кроме тех представлений, которые образовывало непосредственно чувственное впечатление... Он вообще не размышлял о вещах. Не искал ничего *позади* них. Не знал метафизики»². Палеоэтнография говорит о другом. «Принцип партиципации» (Леви-Брюль) складывался, очевидно, еще у архантропов, жизнетворения которых описаны У. Голдингом («Наследники»). А вот чукотский танец кита, который был когда-то сакральным. Исполняет его старый Атык, хранитель традиций.

¹ Художественные ориентиры зарубежной литературы. – М., 2002. – С. 185.

² Ферворн М. Речи и статьи. – М., 1910. – С. 191–194.

В этой пляске, в действе странном,
Многочасном и простом,
Был он сразу океаном,
Человеком и китом.

В нем имел свое значенье
Каждый жест и поворот.
Он вставал как обобщенье
Тысяч ловель и охот.

И была в нем суть раскрыта,
Смысл искусства воплощен
От времен палеолита
Вплоть до нынешних времен.

С. НАРОВЧАТОВ.

«Танец кита».

Миф, ритуал, фольклор и семиозис: синкрета. Время спресовано до предела – от древнекаменного к нам. Всё едино.

Язык человеческий начинался с метафор, а тропизмы (общезыковые и литературные) это свернутые мифы. Ранние языки эмоциональны и суггестивны. В них акцентировано, схвачено *отношение* говорящего и внимающего к вещам и миру в целом. Они психологичны и личны в смысле всеобщего оборотничества. Доминируют чувственно-конкретные и предметно-вещные образы. Первобытный мифолог – космолог, психолог, антрополог, спирит и оккультист, пришитый к своему Тотему. Нераспустившийся лотос – дикарь на все времена. «Принцип партиципации» необходим примитиву эссенциально и витально. Во всех архаических культурах обнаруживается некая магическая сила, субстанция (потом провиденция) и восполнение, без которых мир был бы полностью отчужден от человека. У полинезийцев *мана*. Страна Ямато, где чайные домики, икэбана и синто: духи гор, лесов, морей – *ками*. Монголия (Чингисхан, Тамерлан, мертвый город Хара-Хото и ламаизм) – на горных перевалах: *обо*. Таймыр – нганасаны (самодийский ареал ураль-

ских языков): *нго*¹. Позднее у пифагорейцев (это уже метафизика): «Всё есть число. Число правит миром».

Изначальный и радикальный шаг в диалоге Человека с Природой – это *аниматизм* и *анимизм*. З. Фрейд: «И этот первый шаг – очеловечение природы. С безличными силами и судьбой не вступишь в контакт, они остаются вечно чужды нам. Но если в стихиях бушуют страсти, как в твоей собственной душе... если повсюду в природе тебя окружают существа, известные тебе из опыта твоего собственного общества, то ты облегченно вздыхаешь, чувствуешь себя как дома среди жути, можешь психически обрабатывать свой безрассудный страх. Ты, может быть, еще беззащитен, но уже не беспомощно парализован, ты способен, по крайней мере, реагировать, а может быть ты даже и не беззащитен, ведь почему бы не ввести в действие против сверхчеловеческих насильников, т. е. сил внешней природы, те же средства, к которым мы прибегаем в своем обществе; почему бы не попытаться заковать их, умиловить, подкупить, отняв у них путем такого воздействия какую-то часть их могущества. Такая замена естествознания психологией не только дает мгновенное облегчение, она указывает и путь дальнейшего овладения ситуацией»². Высокие религии не прошли мимо этих откровений (молитва, ритуал, покаяние и весь набор диалогических контактов).

¹ Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. – Л., 1983.

² Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992. – С. 29.

* * *

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры
В театре господ бога.

Н. ГУМИЛЕВ

Как жизни яростна игра,
Рассветы, полдни, вечера
Сменяют завтра на вчера.

Н. АСЕЕВ

Играют люди в «нет» и «да»,
А всё проходит мимо.

М. КУЗМИН

Игра как откровение, мироустройство, витальность, киральность, одержимость (рулетка), творческий изыск, агон, стадион (состязания), имидж, рефлексивное управление и экзистенц-вакуум (компьютерные игры).

Императив от Неба. Платон: «Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же... это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением... Надо жить играя. Что же это за игры? Жертвоприношения, песни, пляски... чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны истине»¹. Урок теологии, которая исконно инфантильна и примитивна. Кукловоды на небесах и за ширмой детского театра. Тронный зал и Левиафан разыгрывают пьесы, сочиненные на Олимпе.

¹ Платон. Соч. – М., 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 283.

Теперь опрокинем универсум Сознания – повернем его обратной стороной. *Мигель де Унамуну*, иберийский мыслитель: «Каждый из нас играет свою роль; мы думаем, что действуем сами, а на самом деле нас дергают за ниточки, и мы только играем пьесу, читаем роль, заученную там, в потемках подсознания, в нашем смутном предбытии...»¹ Антисимметричный демарш – и мы оказались ближе к тому «принципу реальности», которого так не хватает в истории Метафизики. Острый дефицит.

Пляшут и комедианствуют сами небожители и властители земные: имидж, личина и маска. *Жан Поль Сартр*: драма «Мухи». Юпитер и царь Эгисф вдруг обнаружили взаимные подобию. Оба они создают свой собственный образ, притягивающий взоры людей (синергетически это аттрактор, публицистически – хвала и слава). Пока внимание их векторизовано, они забывают о том, что можно и нужно посмотреть и на самих себя, причем рефлексивно². Имидж – опора трона, геологическая плита для массового сознания (а прозаически – антураж). Но вот рефлексия проснулась, и полетели с королевских голов инсигнии, а сами головы – в корзину палача. Бифуркация и сатисфакция, не считая зрелищности.

А сколько было самозванцев, авантюристов, подсадных уток в тронных хоробах! Лже-Нерон: горшечник Теренций, убедительно и поразительно сыгравший роль римского императора. Управляющий керамическим делом у Теренция киликийский раб Кнопс стал премьер-министром. Фельдмаршалом – капитан Требоний. Провинция Антиохия. Финал: пародийная Голгофа. «И вот все трое висят. С Лисьей горы открывался красивый вид. Распятые видели у своих ног реку Оронт с ее островами, многочисленными дворцами, портики, памятники, виллы и сады прекрасной Антиохии, в которую они еще так недавно надеялись вступить триумфаторами. Солнце поднялось, и солнце стало спускаться, а трое висели, привязанные веревками, уронив

¹ Унамуну М. де. Избр. – Л., 1981. – Т. 1. – С. 92.

² Сартр Ж.П. Философские пьесы. – М., 1996.

набок головы с отвалившимися челюстями, становясь все недвижимее»¹. Нельзя не вспомнить аналогичную сцену из романа Флобера «Саламбо». И не все ли изгои висят на крестах вдоль Аппиевой дороги?

Теория игр, чисто формальная, разработана математически. «Игра состоит из совокупности правил, которые ее описывают»². В реальных жизнетворениях – игра без правил: *кто-кого*. Полемология, агон и успех. От Гераклита (метафизика) до синклита (теология), от косметики до геополитики, от риторики до общей комбинаторики, от мироустройства до рокировки в структурах Я–сознания, от составления анаграмм до микширования телепрограмм, от... до...

Согласно индийским преданиям, боги творили мир в процессе игры – *лила*. Библейская версия: мир возник по слову Вседержителя. Североамериканские индейцы сохранили легенду о том, что креативные акты, мирозидательные, заключались в назывании предметов. Высокие религии не ушли дальше глубокой архаики.

Традиционная игра в кости. «Кауравы, сыновья Дхритараштры, предлагают пандавам сыграть в кости. Юдхиштхира вступает в игру с Дурьюодханой и постепенно проигрывает ему все свое достояние и царство, даже самого себя, всех своих братьев и общую супругу – Драупади»³. Потом новая игра. Юдхиштхира вновь проигрывает и, по условиям игры, вместе с братьями и Драупади удаляется в изгнание на двенадцать лет, а тринадцатый год он должен провести неузнаваемым.

Заметим, что индийская космогония начинает отсчет с огромного яйцеобразного субстрата Махадивья (Великое божество), где заложено вечное семя всех существ. В нем подлинным светом был вечный браhma, непредставимый и вездесущий. Из этого яйца (мотив овуляции) возник всевышний Брахма,

¹ Фейхтвангер Л. Собр. соч. – М., 1994. – Т. 6. – Кн. 5. – С. 326, 327.

² Нейман Дж. Фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. – М., 1970. – С. 49.

³ Махабхарата: Адипарва. Кн. 1. – М.;Л., 1950. – С. 598.

прародитель и владыка всех тварей. Позднее возникли природные стихии: вода, небо, земля, ветер, воздушное пространство и страны света. Далее – годы, времена года, месяцы, дни и ночи и всё другое, засвидетельствованное людьми. Поколение богов составляет тридцать три тысячи, тридцать три сотни и тридцать три¹. Библейская космология и теология значительно проще, а синоптические евангелия легко складываются в одно.

Африканская мифология примитивна, но именно это очень важно для выяснения первоначал мышления. У народа *динка* (Южный Судан) бытует легенда о том, что давным-давно, в Золотой век бог жил среди людей и ничем от них не отличался. Разрыв с богом в этом африканском эдеме произошел по вине женщины, которая однажды ударила бога мотыгой (земледельческий сюжет). Тогда бог поднялся на небеса и послал синенькую птичку, чтобы она порвала веревку, по которой раньше люди могли взбираться на небо². Наплывом – библейский Рай и лестница Иакова.

Аборигены Африки хорошо знакомы с представлением о Высшем Боге, который создал мир в далекие счастливые времена. У народа *эве* сохранилось воспоминание о божественном спасителе Нуммо – сыне Высшего Бога Маву, посланном на землю, чтобы расчистить леса и сделать орудия. Монотеизм сохранил способность связать вместе единство и множество³. Чистый монотеизм – это ислам, однако он не искоренил представлений о низшей демонологии.

Первобытный социум гомеостатичен по своим витальным принципам. «При выполнении священных обрядов, пересказывании и инсценировках мифологических сюжетов основное внимание уделяется неизменности, точности: то, что совершается в настоящем, должно точно воспроизводить то, что проис-

¹ Там же. – С. 9–10.

² Дэвидсон Б. Африканцы: Введение в историю культуры / Пер. с англ. – М., 1975. – С. 24.

³ Там же. – С. 26.

ходило в прошлом, когда раз и навсегда были заложены все основы человеческого существования. Этот период «созидания», или «творения», известен под разными названиями, однако у всех племен с ним связаны весьма сходные представления... Поступая определенным, предписанным образом, в соответствии с правилами, установленными действовавшими в тот период мифическими существами, люди могут поддерживать контакты с этими существами, использовать то «могущество», которое эти существа «излучают» до сих пор»¹. У разных племен «период созиданий» («время сновидений», «начало всего») имеет такие названия, как дьюгуба, бугари, унгод, алдьеринга (алчеринга) и другие.

Современная дихотомия, где фигурируют *холодные* и *горячие* культуры, связана как-то с устойчивостью, самоповторением архаических обществ (Миф против Истории) в отличие от мобильных, энергично векторизованных констелляций, ориентированных на поиск иных жизнетворений. Традиционный Восток и стремительный Запад – такова бифуркация. Европа одержима новыми идеями, теориями, измерениями бытия и дальними горизонтами. «Вечно она искала идеалы, выливая их в бронзу, из камня выбивала, ковала из железа, творила словом, линией и звуком...»² И вот – увядание, эрозия, сумерки – «Закат Европы» (Западного мира): пророчества Освальда Шпенглера.

Но именно сейчас мы начинаем понимать уникальность глубокой архаики. «Если не бояться парадокса, то можно сказать, что все великие исторические достижения человечества приходятся на доисторическое время»³. Это касается не только материальных элементов культуры, но и духовных откровений, где Миф с его предфилософией, Тотем (изначальные формы религиозности), первобытное искусство, Трикстер (рефлексив-

¹ Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев / Пер. с англ. – М., 1981. – С. 158–159.

² Шмелев И. Пути небесные. – М., 1991. – С. 227.

³ Чанышев А. Н. Начало философии. – М., 1982. – С. 44.

ное управление), Ритуал жертвоприношения, гомеостаз, утопия, великий эксперимент в человековедении (многообразие языков и культур), шаманизм (первопредок жречества и харизматических лидеров), тайные союзы, потестарные (предгосударственные) образования, альянсы (союз племен) и охотники за черепами. И еще: имидж, престиж (потлач) и анимизм для поэтохроники и языка вообще. «Козел отпущения»: фармак. Экзорцизм. Амулеты и фетиши. Инициации (возрастные, должностные, конфессиональные). Мегалиты (поклонение камню). Этнонарциссизмы. Антропофагия (голокоост).

Необходимо отметить, что стремление к новизне в мироведении, искусстве, литературе – явление относительно позднее. В древнерусской литературе, – пишет академик Д. С. Лихачев, – произведения жили многими столетиями. «Традиционность древнерусской литературы – факт определенной художественной системы. Стремление к новизне, обновлению художественных средств – принцип в полной мере развившийся в новой литературе... Стремление... к обновлению своего восприятия мира отнюдь не является извечным свойством литературного творчества»¹. Сказанное касается, так или иначе, других искусств и культурных реалий.

Когда в «музее искусств» все исторические формы стали рассматриваться в синхронии – как модальности единого художественно-эстетического универсума (Андре Мальро), в западном искусстве наступил своеобразный ренессанс примитива и архаики. Спуск в основания – с высот рафинированных умозрений к абиссальным залежам Сознания. Ведь «*ты всё та же, душа, что встарь*» (Вяч. Иванов. «*Cor ardens*»). Когерентности по вертикали: начала и концы сходятся – Уроборос. Как пишет В. Виленкин, в начале текущего столетия (XX-го) в художественную жизнь Западной Европы «бурно ворвалось и все шире распространялось новое увлечение древними или экзотическими примитивами. Художники и скульпторы заново открывали

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – С. 100.

для себя египетскую и греческую архаику, кхмерскую и негритянскую пластическую культуру, произведения перуанского и индейского искусства отдельных эпох»¹. Кубистический стиль Пикассо сложился под сильным влиянием негритянской скульптуры.

В. Мириманов отмечает поворот в живописи начала XX века от модернистской изошренности к примитивизму. Через примитивистский этап прошли почти все российские художники нового поколения. В повороте к примитивизму различаются две тенденции. «Первая – та, которая имплицитно несет идею опрощения (в руссоистском смысле)... Вторая... также выражает себя в обобщенных, условных формах, однако целью ее является лаконичная форма как таковая, универсализация формы, ее упрощение. В первом значении примитивизм нашего авангарда имеет основания в русской ментальности, в специфике ее крестьянского уклада, в мифологизации собственного народа, в толстовских проповедях опрощения... образ боготворимого народа... воплощается... в обращении к различным формам русской традиционной художественной культуры: к городскому фольклору, обрядам, национальной одежде, архитектуре, лубку, народной игрушке и т. п.»². Билибин, Нестеров, Кустодиев, Малявин, Петров-Водкин, Ларионов, Гончарова и др. Уместно будет сопоставить эту тенденцию с русской поэзией начала века, где Есенин, Клюев, Орешин, Городецкий, отчасти Бальмонт и Блок.

Если обратиться еще раз к истории искусств (изобразительных и не только), то мы увидим противостояние (диалог, дивергентность) *содержания* и *формы* картин. Это проблема аристотелианская и гегелианская. Предмет изображения должен быть узнаваем, идентифицирован, и в то же время стать иным, другим. *Х. Ортега-и-Гассет*: «Этот хитрый трюк, эта вечная волшебная метаморфоза и составляет суть искусства.

¹ Виленкин В. Амедео Модильяни. – М., 1989. – С. 75–76.

² Мириманов В. Искусство и миф: Центральный образ картины мира. – М., 1997. – С. 206.

В нем заложена чудесная способность вызволять любую вещь из неумолимых пут судьбы, из того плена, где каждый предмет приговорен быть только таким, какой он есть, и дать ему возможность стать немного другим, отдохнуть от самого себя, вырваться из границ привычного бытия...» Тут момент истины искусства как такового – мифологизация реальностей через «логику оборотничества», кажимости, видимости (феноменологический транс и некий трансцензус). «Внутренняя драма картины, которая, по сути, придает динамику всему искусству, заключается в том, что, будучи заинтересованы в стиле, мы всякий раз просим «больше стиля»... пренебрегая содержанием ради формы... Каждое новое поколение [художников] стремится к господству все более чистых стилистических форм, изнуряя себя попытками превратить реальные предметы в то, чем они не являются, раскрепостить их, иначе говоря, окончательно их стилизовать. И вот наступает такой момент, когда искусство почти полностью избавляется от содержания и изобразительности, трансформируясь в чистый стиль, голую форму, после чего оно испаряется, улечучивается, рассеивается, как дым, гибнет. Всякое искусство... погибает от стилизации... Так происходит не только в живописи, но и в истории других видов искусства, как, впрочем, и в истории любых форм человеческой деятельности»¹. Отсюда произойдут супрематизм, постструктурализм и постмодерн, искусственные языки (своеобразные «Записки из мертвого дома»), манекены, роботы, протезы, Рене Шар (стилизиция стиха под неандертальцев) и Роб-Грийе (де-психологизация, де-историзация и деградация персонажей), а также откровения Владимира Набокова (де-идеологизация словесности). Сюда же приобщает себя *volens nolens* и Велимир Хлебников, где числовая поэтика и даже способ писать вирши из одних знаков препинания². В пределе – *белизна бумажного листа*.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Веласкес; Гойя / Пер. с исп. – М., 1997. – С. 148.

² Зенкевич М. Эльга. – С. 38.

Человеческие ментальности и прагматизмы замыкаются на себя. Великий Уроборос – инцестуальность и нескончаемые самоповторения (аутоцитирование). *Альбер Камю*: «В конечном счете, мы получаем образ наших собственных истин»¹. Доморощенных, пусть и трансцендированных. Отсюда «Тошнота», поклонение древним письменам, утопии, абсурдизмы, ничтожности и все метафизические «измы». Таков человек, вылепленный из красной месопотамской глины с подсветкой своего собственного недомыслия. Всевышний – это запредельный сакрализованный Конструкт и наш соавтор (*Alter Ego*) в сотворении всех миров, мыслимых и немыслимых, говоря профанно. Тут принцип дополнительности.

Наглядно, философически, симметрично-математически и динамически ситуация абсурда представлена в орнаментах *Морица Эшера*. «Все мои произведения, – пишет голландский художник, – это игры. Серьезные игры». Гравюра «День и ночь»: правая и левая части композиции зеркально симметричны и служат своеобразными негативами одна другой. Квадраты полей превращаются в белых птиц, летящих в ночи, и в черных птиц, летящих на фоне светлого дневного неба (наплывы). «Иногда, когда я рисую, мне кажется, будто я медиум, находящийся во власти существ, порожденных моим же воображением», – говорил Эшер. Хаос преодолевается гармоническими структурами. «Среди окружающего нас нередко хаотического мира, – пишет М. Эшер, – они служат непревзойденным по своей выразительности символом извечного стремления человека к гармонии и порядку. В то же время их совершенство вызывает у нас ощущение собственной беспомощности». «Правильные многогранники совершенно лишены человеческого элемента»². Д. Пидоу, английский математик и педагог, отметил, что Эшер часто изображает несуществующие трехмерные предметы с самыми необычными свойствами, – к примеру,

¹ Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990. – С. 75.

² Гарднер М. Математические новеллы / Пер. с англ. – М., 1974. – С. 138–143.

лестницы, поднимаясь по которым можно, тем не менее, вернуться в исходную точку. «Его произведения захватывают зрителя и оставляют странное, тревожное чувство»¹. Под ними *хаос шевелится*. Или скрывается brutальный принцип неопределенности.

Симметрия, как природный феномен, сложилась в полиморфизмах не случайно. Академик *А. Е. Ферман*: «Симметрия должна рассматриваться как выражение физических сил устойчивости системы»². Методологически принципы симметрии нацелены на выявление структурных инвариантов, обеспечивающих целостность, стабильность и качественную определенность объектов. Теория элементарных частиц говорит с нами на симметричном языке (математически – на теоретико-групповом диалекте). Однако жесткие структуры, всегда правильные и симметричные, не пригодны для биоорганической эволюции, которая протекает в условиях неравновесных систем и оттока избыточной энтропии. «...Жизнь содрогается перед лицом этой точности, этой абсолютной правильности», которая равноценна небытию³. Река жизни: борьба с энтропией, т. е. хаосогенностью сложных биохимических процессов.

Мышление, т. е. целостный комплекс психоментальностей, – функция всего человека (Антропос и его социокультурный контекст), но говорят обычно о функциях мозга и нейронных сетях, где кора головного мозга. Сверхсложная галактика нейронов как продуцент ментальностей, которые витают где угодно – в краниосфере, в космических пространствах и между строк в неслышной лингвистике, не упоминая всей галактики Гутенберга. *Грей Уолтер*: «Иногда, когда мы просто хотим извлечь какой-то смысл из наших наблюдений, нам следует рассматривать мозг как некий «нервный газ» – громадный ансамбль нервных молекул, обладающий вероятностным пове-

¹ Пидоу Д. Геометрия и искусство / Пер. с англ. – М., 1979. – С. 68.

² Ферман А. Е. Избр. труды. – М., 1958. – Т. 4. – С. 101.

³ Манн Т. Волшебная гора. – М.; СПб., 1994. – Т. 2. – С. 161.

дением»¹. Но ведь именно здесь прячется *экзистенция*, надзирают над хаотичностью мыслей («вихри под черепом») аксиомы, синтетические априоры, трансцензусы, теоремы, доминанты, установки, катехизисы, риторика и комбинаторика. Там триада Фрейда, архетипы, диада «свой–чужой», охотники за черепами и весь этологический шлейф. *И никуда нам не деться от этого*.

Искусство классицизма (эпоха Возрождения): симметрия, пропорция, мера, гармония – нормативность. В XVII веке формируется стиль *барокко* (итал. *barocco* – странный, причудливый) под влиянием идей контрреформации. Новации эти характеризуются сложной уравновешенностью динамических композиций, повышенной экспрессивностью, многоплановостью художественных решений, стремлением сочетать реальность и иллюзию. Барокко – течение общекультурное: духовная векторизация. Новый жизненный идеал. Аффект и движение во что бы то ни стало.

*Генрих Вёльфлин*² формулирует пять пар понятий, где называются эволюционные переходы от классицизма к барокко. (1) Развитие от линейного к живописному. В одном случае делается акцент на границах вещей, в другом явление (образ) расплывается в безграничном. [По-видимому, началом здесь может служить *сфумато* Леонардо да Винчи.] (2) Переход от плоскостного к глубинному. Нововведение барокко означает иной способ изображения натуры. (3) Сдвиг предметов от замкнутой к открытой форме. Смягчение тектонической строгости означает не просто усиление «ангажированности» восприятия, но является последовательно проведенной новой манерой показа. (4) Переход от множественности к единству. В классике единство достигается гармонией свободных частей, в барочном исполнении – отнесением элементов к *одному* мотиву или подчинением второстепенных элементов мотиву безусловно руководящему. (5) Абсолютная и относительная ясность пред-

¹ Уолтер Г. Живой мозг / Пер. с англ. – М., 1966. – С. 20–21.

² Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Пер. с нем. – СПб., 1994.

метной сферы. Классическая эпоха выработала идеал предельной ясности. Барокко: ясность мотива перестала быть самоцелью изображения.

Заметим, что картезианское *Cogito ergo sum*, где ясность и отчетливость познания (понимания), относится к идеалам и нормам классического мышления, адресованного, прежде всего, математическим образам. Первым барочным мыслителем можно считать Лейбница, с его монадологией, анализом бесконечно малых и относительной самостоятельностью сознания. Монадология каким-то образом корреспондирует с «Дон Кихотом», метафизику которого эксплицировал Ортега-и-Гассет.

От барочных интенций протягиваются нити к художественным установкам экспрессионизма. Как отмечают исследователи, В. Воррингер («евангелист» экспрессионизма) полагал, что руководящий принцип нового течения – «вчувствование» нашел воплощение в первобытном искусстве, в готике и отчасти в барокко. Итог развития культуры – возвращение к исходной стадии инстинкта, омраченного рефлексией (осознанием) собственного бессилия перед лицом жестокой и беспощадной действительности. «То, что раньше было инстинктом, является теперь последним результатом сознания. Современный человек противостоит образу вселенной таким же затерянным, таким же беспомощным, как примитивный человек»¹. Отсюда и новейший «религиозный ренессанс», и оживление интереса к эзотерике, магии и оккультистике.

Искусствоведы особо выделяют момент равновесия в живописных образах. Пабло Пикассо: «Мои картины – это совокупность разрушений» Никаких априорий – одни апории. Но и в любых экстравагантностях остаются некие зримые *epoche*. «Я хочу равновесия, которое возникает на лету... но не того равновесия, которое устойчиво и инертно»². Затормозить полотно пунктурой равновесия – подобием мизансцены.

¹ Worringer W. Abstraction und Einfühlung. – Leipzig, 1909. – S. 19.

² Дмитриева Н. А. Пикассо. – М., 1971. – С. 114.

Э. Хемингуэй говорил, что подлинный художник пишет под звездой вечности. Г. Малер называл музыку языком вселенной. А. Швейцер: фуги Баха «из преходящего создают вечное»¹. Сотворение Бытия.

Игра стеклянных бус. Homo ludens расфасован спектрально по всем геймингам и скейлингам, психоментальностям и тривиальностям, мифоидам и алкалоидам (ядохимикаты в социетарностях). «Таким образом, наша Игра стеклянных бус есть игра со всеми смыслами и ценностями нашей культуры, мастер играет ими, как в эпоху расцвета живописи художник играл красками своей палитры. Всем, что в свои творческие эпохи человечество создало в сфере познания, высоких мыслей, искусства, всем, что в последующие столетия было закреплено в научных понятиях и стало, в результате, общим интеллектуальным достоянием, – всем этим неизмеримо богатым духовным материалом мастер Игры владеет, как органист своим органом, и орган этот обладает почти непредставимым совершенством, его клавиатура и педали воспроизводят весь духовный мир, его регистры почти неисчислимы, теоретически на таком инструменте можно проиграть всё духовное содержание вселенной»². Идеальная модель Комбинаторного Мироздания, посетившего наше Сознание. Тут нужны гомогенность смыслов (гетерогенность приводится к общему знаменателю) и герменевтические их экспликации. В качестве простейшего машинного архетипа (и алгоритма) можно видеть изобретение Раймунда Луллия. Если вооружить дискотеку Луллия китайскими гексаграммами, то мы станем вполне современными мыслителями, машиноподобными.

А как быть, если Сознание взбунтовалось, повернулось азимутально «не в ту степь» и даже совсем наоборот? Л. Добычин, писатель из Динабурга: «Я стал думать о том, что до этого всё, что я видел, я видел неправильно»³. Нужна, как говорят свя-

¹ Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. / Пер. с нем. – М., 1965. – С. 7.

² Гессе Г. Игра в бисер / Пер. с нем. – М., 1989. – С. 38.

³ Добычин Л. Город Эн. – М., 1989. – С. 124.

зисты, *приставка*, которая перекодирует радикальный бриколаж (сохраняя равновесие) на грамматику обычную и привычную. Катастрофы подобного рода (Рене Том) экзистенциально и сингулярно невыносимы.

На других меридианах и параллелях произошло событие идентичное. Перуанский писатель *М. Льюса* замедлил шаг и остановился в позиции роденовского мыслителя. «Так устроен мир... думает он. Да так ли устроен мир, думает он»¹. Выбор – эссенциальный: начало иной биографии и другой сценографии (*Книга жизни* и *Книга бытия*). Пошатнулись мировые столбы.

А вот российские метели, от которых устои обрушатся в провалы.

В. Н. Муромцева-Бунина: воспоминания.

Я нашла среди бумаг Ивана Алексеевича страницу: «С начала нынешнего века началась беспримерная в русской жизни вакханалия гомерических успехов в области литературной, театральной, оперной... Близился большой ветер из пустыни ... И все-таки – почему же так захлебывались от восторга не только та вся новая толпа, что появилась на русской улице, но и вся так называемая передовая интеллигенция – перед Горьким, Андреевым и даже Скитальцем, сходила с ума от каждой премьеры Художественного театра, от каждой новой книги «Знания», от Бальмонта, Брюсова, Андрея Белого, который вопил о «наставшем преображении мира», на эстрадах весь дергался, приседал, подбегал, озирался бессмысленно-блаженно, с ужимками очень опасного сумасшедшего, ярко и дико сверкал восторженными глазами?.. Скиталец, некое подобие певчего с толстой шеей, притворившийся гусяром, ушкунником, рычал на литературных вечерах на публику: «Вы – жабы в гнилом болоте!» и публика на руках сносила его с эстрады; Скиталец все позировал перед фотографами то с гусями, то в обнимку с Горьким или Шаляпиным! Андреев все крепче и мрачнее стискивал зубы, бледнел от своих головокружительных успехов...»² Серебряный век. Созвездие талантов, представленное в

¹ Льюса М. Разговор с «Соборе» / Пер. с исп. – М., 2000. – С. 550.

² Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина: Беседы с памятью. – М., 1989. – С. 187.

раскованной обстановке и со стороны. (Бунин оставался классиком в стихах и прозе. Позднее Нобелевский лауреат. В числе кандидатов на эту премию были Куприн, Мережковский и Горький.)

Культур-гейминг: матрица рассеянная и соборность. Игры всеюды (земля и небо, этология и антропология, меридианы и параллели, скипетр и театр), многообразны по исполнению, энергично заряжены (сцена) или автоматичны (фатика, быт). *К. Леви-Строс*: «Совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем, они образуют системы. Я убежден, что число этих систем не является неограниченным и что человеческие общества, подобно отдельным лицам, в своих играх, мечтах или бредовых видениях никогда не творят в абсолютном смысле, а довольствуются тем, что выбирают определенное сочетание в некоем наборе идей, который можно воссоздать. Если составить перечень всех существующих обычаев, и тех, что нашли отражение в мифах, и тех, что возникают в играх детей и взрослых, в снах людей здоровых или больных и в психопатологических действиях, удалось бы создать нечто вроде периодической таблицы химических элементов, где все реальные или просто возможные обычаи оказались бы сгруппированы по семьям. Нам оставалось бы только распознать среди них те, что были действительно восприняты обществом»¹. (Наплывом: «семейные сходства» в языке, по Витгенштейну.) Некое подобие таблицы Менделеева разработано в археологии. Тут же и опыты Андрея Белого по технологии поэтического творчества. Шпенглер: базальные социокультурные символы, где гейминг-события имеют общую грамматику и стилистику. Возможно, что существуют иные «периодические таблицы», пока еще скрытые в туманных тезаурусах.

Культура как Метаигра: Станислав Лем². На основе структурного анализа и теоретико-групповых представлений Ст. Лем

¹ Леви-Строс К. Печальные тропики / Пер. с фр. – М., 1984. – С. 78.

² Лем Ст. // «Вопр. филос.», 1969, № 8.

разработал целостную модель культуры, которая выступает как Метаигра. Эта «мета» включает в себя стратиграфически все иерархически соподчиненные игровые ситуации. В системе «человек – природа» образуется люфт (просвет, каньон), который заполняется смыслами, интерпретациями, интерполяциями, демонологией, табуизмами, философизмами, догматикой, апофатикой, риторикой, ритуалами, фиденциалами, жертвоприношениями, очищениями, апокрифами и другими складками в психоментальностях. Формируется *идеология* как управляющее устройство для всех духовностей и жизнетворений.

Все формы духовного освоения (и присвоения) мира достаточно условны, хотя они функционально и отвечают экологическому бытию людей. Но первый глобальный эксперимент сотворила человеческая популяция в целом с момента ее становления и растекания по глобусу. Лаборатория, алхимическая реторта и гаррота. *Маргарет Мид*: «...С того времени, когда в человеческой истории произошел перелом (символически представленный в библейском рассказе о смещении языков и рассеянии народов после вавилонского столпотворения), в распоряжении исследователя человеческой природы оказалась своего рода лаборатория. Во всех частях мира, в непроходимых джунглях и на маленьких островках океана группы людей, отличающихся по языку и обычаям от своих соседей, экспериментировали над тем, что можно сделать с человеческой природой. Необузданное воображение многих людей шло по разным путям истории, изобретая новые орудия труда, новые формы правления, новые и отличающиеся друг от друга решения проблемы добра и зла, новые воззрения на место человека во вселенной»¹. Синергетически: спектр бифуркаций, пролифераций и констелляций.

Огнестрельное оружие, спирт, евангелизм и туберкулез, – продолжает М. Мид, – сбрасывали в небытие один примитивный народ за другим. Жернова цивилизации, бездушные и беспощадные, перемалывали традиционные (экзотические, а для

¹ Мид М. Культура и мир детства. / Пер. с англ. – М., 1988. С. 172–173.

нас уже романтические) культуры в энтропию и безликий антропосоциосуррогат. Разнотравье человеческое гибнет безгласно, как флора и фауна. Нет ничего более противоестественного, чем насильственная «прививка» аборигенам «высоких» религий, языческих вместе с гибидеями¹ и всеми иными сакральностями. Нуминозный радикал един. *Alibi?* «Человек был и остался варваром»². Лестница Эшера: поднимаясь вверх, мы спускаемся вниз. Такова логика и магия истории: кольцевая и круговая. Уроборос.

Французская литература на рубеже XIX и XX столетий показывает обостренное внимание авторов к индивидуальному, как оно проявляется в человеке. *Марсель Швоб*: «Искусство противоположно общим идеям. Оно описывает только индивидуальное, стремится только к единичному. Оно не собирает вещей по категориям, а дифференцирует их по индивидуальностям»³. Общее – это безликое. *Реми де Гурмон* добавляет: «Мир – это лес различий. Постичь мир – значит, понять, что абсолютного тождества не существует. Принцип этот очевиден и превосходно реализуется в жизни. Сознание бытия – не что иное, как восприятие явлений различного характера. Науки о человеке нет, но есть искусство, его изображающее». – Не отсюда ли *Différance* и Грамматология Жака Деррида? Почва усеяна, зерна дали всходы, и поле заколосилось, когда семиозис стал структуральным.

Стереть все иероглифы на собственном палимпсесте, выбелить исписанные страницы жизни. *Андре Жид*: «О, если бы вновь родиться! Забыть всё, что другие написали, нарисовали, думали, – и даже то, что думал сам! Родиться заново!»⁴ Первый день творения собственной личности.

¹ Успенский С. М. Гибидеи – ритуальные жертвенники ненцев. – «Природа», 1979, № 7. – С. 36.

² Фейхтвангер Л. Собр. соч. – М., 1991. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 274.

³ Цит. по: Де Гурмон Реми. Книга масок / Пер. с фр. – Томск, 1996. – С. 163.

⁴ См.: Владимирова А. И. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890–1914). – Л., 1976. – С. 20.

Поэт сливается с вещами, воспевая свою интуицию. Он «выражает свое отношение к миру в виде душевных состояний. Он... ничего к этому не прибавляет, но воссоздает истинный ритм своей души» (de Visan T.)¹ *А деревья и поэты дышат ритмом мировым* (Вс. Рождественский). Ритм и стиль: целостность дискурсивностей и психоментальностей.

Весь мир *театр*, а люди в нем *актеры*. Изначально – театр одного актера, где не фигурант еще, а фигура, зачинатель рефлексивного управления, демон-совратитель и голос ниоткуда – *Трикстер*. Докультурный констеллят – инфантильный суррогат. Выпадение человеческих поведений (речевых, ролевых, ритуальных) из наличных ситуаций в некие виртуальные сценарии (утопические, фантастические, сакральные) и прелиминарии. *Ю. И. Манин*: «Понимание того, что содержание речи может быть независимым от конкретной наличной ситуации, было великим открытием человека. Овладение речевой свободой на практике показало, что речь может моделировать отвлеченные и воображаемые предметы, а также управлять поведением. Рассказы плута – это первые попытки управлять поведением партнера, не используя грубой силы, и тем программировать длинные цепи неожиданных событий»². Все проповедники, исповедники, рукоположенные и стреноженные «священными писаниями»; любые инвенции от архангелов и апостолов, трансцензусы и казусы (устрашающие, обещающие, внушающие) обязаны редактуре и авантуре трикстериады, где эскапады сверхразумные и безумные. А Проповедник из Назарета? В плане палеоонтологии, археоантропологии и психологии далеких времен... Конфессиональные вероучения выше всяких *логий*, за исключением изначального *Логоса* – Слова, сотворившего мир и клир, и кумир, и лир («Хвала и слава»). – Шаманство как культурема – откуда?³ Трикстер: кружащие-

¹ Там же. – С. 16.

² Манин Ю. И. «Мифологический плут» по данным психологии и теории культуры. – «Природа», 1987. – № 7. – С. 44.

³ Радин П. Трикстер / Пер. с англ. – СПб., 1999.

ся и воюющие дервиши, хлысты («чан»), молококане (прыгуны), столпники и «Соборяне» (Ахилла Десницын). Но тут уже новый жанр, да всё тот же – *юродство*, исторические образцы которого специально изучаются¹. А современные фиоритуры? Кто не юродствовал на трибунах, в ареопагах, в публицистике и аферистике разного рода?

Проделки Трикстера («по ту сторону добра и зла») узнаваемы в ницшеане (Сверхчеловек), философии бунта, дадаизме, сюрреализме, бубновых валетах, футуризмах... А «Дон Кихот»? Если не видеть ничего, кроме сценографии.

Играют люди в «нет» и «да», а всё проходит мимо.

Полузабытый писатель Сигизмунд Кржижановский приводит фрагмент из Писцовой книги конца XVII века: «Объявившихся на службу великого государя почитать в естех, а протчих людишек писать нетами».

Далее очень интересно:

«Один расфилософствовавшийся нет сказал: «Бытие не может быть, не превращаясь в небытие, а небытие не может быть, не становясь от этого бытием», – и это настолько справедливо, что трудно поверить, как нет, несуществующее существо, могло – десятком слов – так близко подойти к истине». Игра в кажимости [феноменология].

«Удивительному искусству казаться, будучи ничем, уметь быть всем, я особенно изумляюсь в специфически нетовом учреждении, театре. Мы, ести, неизменно пребываем в своей самости; неты же с поразительным проворством рядятся в чужую жизнь, там, в их театрах на ненастоящей, из досок сколоченной земле, при свете лампочек, подменивших свет солнца, среди ненастоящих, нарисованных вещей, неты живут придуманными жизнями, плача над несуществующими горями, смеясь измышленным радостям». Однако для них, нетов, театр – это «школа жизни».

Далее повествуется миф, где Хаос, Океан, обретение берегов и Кай, попавший в учебники по логике (не считая братоубийства). Самое противобытийное в нетах – это их рассудок, строитель множества: «итак»,

¹ Иванов С. А. Византийское юродство. – М., 1994.

«поэтому» и пр. Мысль нета тянется от колючки кактуса к его корню [ныне ризома]¹. И много других в этой книге необычных разворотов, поворотов и наоборотов.

Бытие и Ничто: сто томов столоверчений вокруг *Sein*, которое (через Небытие) посещает нас на мгновение интроспективно или эзотерично, как откровение. А нужен тут всего лишь остаточный здравый смысл. *Людвиг Фейербах*: «Мышление не может выйти за пределы существующего, потому что оно не может выйти за пределы самого себя, потому что разум есть только утверждение бытия, потому что только то или иное бытие может мыслиться как ставшее, а не само бытие... Мышление о ничто есть мышление, *само себя опровергающее*»². Если нужна *магия*, то ищите ее здесь – на ладони (папирус) и в нейронных сетях (голография). Тут эксплицитно представлен первопринцип о тождестве мышления и бытия, высказанный еще Парменидом. Отсюда взшла на Олимп *Абсолютная идея* Гегеля.

Поскольку древнегреческое мышление ориентировано на зримость, телесность и скульптурность, то все деяния богов и культурных героев можно представить себе как сакрализованный паноптикум – огромный театр под открытым небом при смене декораций, одеяний и деяний. Там боги как люди (антропоморфизмы) и люди как боги: взаимный миметизм. Исследователи отмечают *агональный* характер греческой культуры, ведущий свое происхождение от гомеровской эпохи³. Тут неисчерпаемый источник острых сюжетов, драм и комедий, который питал древнегреческий театр, сложившийся уже на подмостках. Отметим, что *Аристофан* реализует прием *наоборотов*, известный нам по Гюисмансу и другим новейшим авторам.

¹ Кржижановский С. Боковая ветка. – М., 1994. – С. 14–15.

² Фейербах Л. Избр. филос. произв. – М., 1955. – Т. 1. – С. 89.

³ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. – Л., 1985. – С. 27–28.

Индийская культура: Ритуал. «Трудно отрицать, что любой развитый торжественный ритуал, совершаемый при большом стечении верующих, содержит определенный момент театрализации, будучи не только сакральным действием, но и мистериальным зрелищем¹. Концепцию ритуального генезиса древнеиндийского театра разрабатывал *Ф. Кёйнер*. Он пришел к выводу, что первые драмы были сценическим воплощением ведийского космогонического мифа². Театр как сценический феномен – констеллят грандиозных мифоэпических сказаний, дошедших до первых драматургов из глубины веков.

На ранних стадиях мифообразования боги (дэвы) и демоны (асуры) не были непримиримо враждебными. Оппозиция существовала изначально, но антагонизма тут не отмечено. Ситуация, близкая к андрогинной, – деталь, характерная для глубокой архаики мифомышления. Библейский Бог испытывал на духовную прочность Адама и Еву (собственных творений) через своего фактотума – Искусителя. Пращуры наши не выдержали инициации, но... в результате возник человек, где и мы с вами. Нарушение высочайшего Табу положило начало антропогонии.

Анализ красоты. Английский художник и теоретик-искусствовед (XVIII век) *Уильям Хогарт* предлагал смотреть на людей, изображенных им на картинах и гравюрах, как на актеров, одетых согласно тем ролям, какие они исполняют, – то драматическим, то комедийным, то фарсовым, в соответствии как с драматургическими разграничениями, так и с важнейшими социальными сферами действительной жизни. «Я старался разрабатывать свои сюжеты как драматический писатель; картина была для меня сценой, мужчины и женщины – моими актерами, с помощью движений и жестов разыгрывающими пантомиму». «Движение есть род языка, который, быть может, со временем

¹ Гринцер П. А. Основные категории классической индийской поэтики. – М., 1987.

² Сахаров П. Д. Мифологическое повествование в санскритских пуранах. – М., 1991. – С. 35.

будет изучаться с помощью чего-либо вроде грамматических правил, но в наши дни оно постигается лишь путем заучивания и подражания»¹. Вклад в изучение нелингвистических форм языка и потлач современной Грамматологии (Жак Деррида). Сейчас акцент падает на *семиологию* коммуникативных средств², где встречаются и расходятся означающие и означаемые. По направлению к постструктурализму и постмодерну.

Этический театр. Исторические персонажи (да и все мы) играют свои роли, не сливаясь с предзаданной сценической фигурой («анти» по отношению к методу Станиславского и Рейнхольдта). Образуется люфт, разрыв, просвет – пространство выбора и рефлексии: театр Бертольда Брехта. «Наряду с данным поведением действующего лица нужно было показать и возможность другого поведения, делая, таким образом, возможными выбор и, следовательно, критику»³. Возникает эффект «отчуждения». Потлач окружающей действительности, где хамелеонство, оборотничество, травести и низости – за личинами, фасадами, игрой на публику и бижутерией. Подношение эксплицитное постструктурализму, который отверг жесткие связи (еще аристотелианские) между означающими и означаемыми. «Не должно возникать иллюзии, будто бы изображающие тождественны изображаемому» (Брехт). Но ведь на этом буквализме держатся все нуминозные откровения. И первобытные миропредставления. Мы находим в пещерах Альтамира «черты образного буквализма в выражении отвлеченных понятий...»⁴ Слово (звук, графема) и вещь как одно. Тут *Археписьму*, где одни различия, делать нечего.

Потерянный Рай. Новейшая семиотика вернула нам изначальные абсурдизмы миробразования, расколов треугольник

¹ Хогарт У. Анализ красоты / Пер. с англ. – Л., 1987. – С. 23, 196.

² Вейман Р. История литературы и мифология / Пер. с нем. – М., 1975. – С. 227.

³ Брехт Б. Театр. – М., 1965. – Т. 5 (2). – С. 133.

⁴ Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М., 1985. – С. 275.

Фреге – основу любой «дорелятивистской» герменевтики: сфарагмос. Но и без этого мир держится только на этюдах акварельных, где эпидермис на пленере. *Альбер Камю:* «Стоит спуститься на одну ступень ниже – и мы попадаем в чуждый нам мир. Мы замечаем его «плотность», видим, насколько чуждым в своей независимости от нас является камень, с какой интенсивностью нас отрицает природа, самый обыкновенный пейзаж. Основанием любой красоты является нечто нечеловеческое. Стоит понять это, и окрестные холмы, мирное небо, кроны деревьев тут же теряют иллюзорный смысл, который мы им придавали. Отныне они будут удаляться, превращаясь в некое подобие потерянного рая. Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира. Он становится непостижимым, поскольку на протяжении веков мы понимали в нем лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали, а теперь у нас больше нет сил на эти ухищрения. Становясь самим собой, мир ускользает от нас». Остается «только эта плотность и эта чуждость мира – этот абсурд¹». Экзистенциальная и бытийная абсурдность мира – вместо кантианской *Ding-an-Sich*. Лучше не трогать «Тошноту», немоту, подкожный слой и всю протоплазму, на которой биос держится, наше дыхание и кровообращение. Человек – воплощенное и полное самоотрицание. «Люди также являются источником нечеловеческого»². От гиперциклов до эпициклов и Антропного принципа, водрузившего на своей вершине (смотровая площадка – силикатный астероид) двуногого без перьев. Синергетически – *складка*. Зачем?

Метафизически А. Камю ставит в центр внимания *принцип дополнительности*, который ушел от Нильса Бора в дихотомийную связку «субъект–объект» и в глубины миропонимания. Коварные абиссалии.

Поэт-романтик Альфред де Виньи не находил духовных связей, которые соединяли бы человека с природой. Его слова:

¹ Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр. – М., 1990. – С. 30.

² Там же. – С. 31.

«Природа – это наш враг. Человеческий род только и делает, что защищается от нее... Она ненавидит нас, и наша жизнь ей мешает. Она естественно беспорядочна и грязна и пренебрегает порядком и чистотой, которые мы ей навязываем. Право, мы слишком изощряемся в любезностях по отношению к ней...»¹ Сейчас и природы не осталось почти – окружающая среда только. Антропогенное загрязнение биосферы и ее радикальная деструкция.

Театр абсурда: функция отклика на абсурдизмы, которые вокруг. Э. Ионеско и С. Беккет, зачинатели небывшего странно-нигилистического жанра, назвали его *театром парадокса*. «Разве жизнь не парадоксальна, не абсурдна с точки зрения усредненного здравого смысла? – ставил вопрос Ионеско. – Мир, жизнь до крайности несообразны, противоречивы, необъяснимы тем же здравым смыслом или рационалистическими выкладками... Человек чаще всего не понимает, не способен объяснить сознанием, даже чувством всей громады обстоятельств действительности, внутри которой он живет. А стало быть, он не понимает и собственной жизни, самого себя»². Не заглянуть в реторту, где гомункулус, отчужденный от всего и вся. Люди не понимают, да и не слушают друг друга: необитаемый остров в студеном морях, ледовитых. Угасшие, вырожденные интерперсональности – анабиоз. Имитационное моделирование социетарностей, куда брошен человек, создающий этот вне-экзистенциальный мир.

Супердраматургию подобного рода западная критика характеризовала как «театр остановившихся часов». Театр парадокса – это прежде всего *другой* язык. Разрушается привычная логика ментальностей и сообщений. Выставляется, демонстративно, картинно и стилизованно, абсурдность обычного языка, на котором уже не хочется больше разговаривать. Персонажи имитируют в гротескном ключе подчеркнутые арготизмы.

¹ Соколова Т. В. Философская поэзия А. де Виньи. – Л., 1981. – С. 126–127.

² Театр парадокса / Пер. с разн. яз. – М., 1991. – С. 5.

И. Дюшен: «Ионеско, безусловно, опирался на опыт сюрреалистов... Но Ионеско шел иным путем, чем дадаисты и сюрреалисты. Он оставался верен себе и, «подкапываясь» под саму семантику слов, выворачивал их наизнанку, «чтобы посмотреть, что внутри». Он предпочитал необычно употреблять слова...»¹ Эксперимент? По департаменту *деконструкции*. Скрытая экзотика речений. Диалоги манекенов.

Театр Жана Жене («Святой Жене», рукоположенный пародийно и назидательно в одноименном сочинении Жан Поля Сартра). Ароморфоз Самости: возможность стать другим, играя роль другого. В театре? В натуре («Весь мир – театр»). Пьеса «Служанки» – превращение реальности в иллюзию и наоборот². Это не проказы Майи – трансформы историцизмов и катаклизмов. Ритуальная мистерия: симулякры, ассимилировавшие участников игры. Кажимости торжествуют (без феноменологии) вместе с логикой оборотничества, которая произошла в первобыте и бытийствует ныне на всех меридианах и параллелях. Радикальные социальные перевороты – вот о чем речь. Тут библейские откровения сработали строго: *Последние становятся первыми*. Паремия (с инвариантом): *Из грязи в князи*. «Восстание масс» (Ортега-и-Гассет) на крутой волне зашвырнуло плебеев в аристократию (когда-то натуральную, а ныне поминальную). Повторили Мольера: «Мещанин во дворянстве». Мутная водица на всех этажах социальных зиккуратов. Бантустан как Гулистан. Инородцев – на обочину. *Сатана смеется громко* (Генрих Гейне).

Слишком много прогрессизмов придумали ... мыслители? обыватели? Всё едино. «Не будь никогда на свете Шекспира... много ли переменялся бы теперешний мир? Зависит ли прогресс цивилизации от великих людей? Улучшилась ли участь среднего человека со времен фараонов? Является ли участь среднего человека критерием, по которому мерится уровень цивилизации? Нет, вероятно. Вероятно, для высшего блага

¹ Дюшен И. // Ионеско Э. Театр / Пер. с фр. – М., 1994. – С. 411.

² Театр Жана Жене / Пер. с фр. – СПб., 2001.

общества требуется существование рабов»¹. Триада сохраняется: элита (нобили, нувориши, преуспевшие дельцы) – средний слой – меон и гумус (отринутые, задвинутые, ничейные; метеки, периэки, илоты – им подобные и какие угодно).

Театр Арто: спуск в основания всех известных сценографий. Нулевой жанр – театр жестокости Антонена Арто. Традиции балийского театра (Индонезия). Манифестации Бессознательного. Речь до слов: спонтанность жестов, поз, мимики и криков. Ожившие иероглифы, мумии и манекены. Метафизика и экзотика довербальных знаков и примитивных ритуалом. Затерянный мир коммуникаций.

Театр Запада подчинен *тексту*: метафизика чисто ментальная и дискурсивная. Нужна метафизика в действии – на сцене, в постановке. Физика и метафизика как одно– архетипически, изначально и актуально (*hic et nunc*). Алхимия и ужас. Механические существа, которым не принадлежит ничего экзистенциального. Глубокое опьянение, возвращающее нам стихию экстаза. Психоанализ и силы древней магии – с нами. «Я предлагаю вернуться посредством театра к идее физического постижения образов и средств погружения в транс»², подобно тому, как китайской медицине были ведомы особые точки (чакры), откуда можно было управлять всей органикой. Жестокость инициаций, где дух вступает в новую жизнь.

«Признаемся ли мы в этом или нет... состояние поэтическое, трансцендентное состояние жизни, – это и есть, по сути, то, чего ищет публика посредством любви, преступления, наркотиков, войны или бунта.

Театр жестокости и был создан для того, чтобы внедрить в театр представления о жизни страстной и судорожной; и жестокость следует понимать именно в смысле такой неистовой суровости, крайнего сгущения сценических элементов».

«Театр жестокости будет избирать сюжеты и темы, отвечающие возбуждению и беспокойству, свойственным нашей эпо-

¹ Вулф В. Избранное / Пер. с англ. – М., 1989. – С. 197.

² Арто А. Театр и его двойник / Пер. с фр. – М., 1993. – С. 87.

хе»¹. Не катарсис, не реверансы по направлению к интеллигентной «Тошноте», а реконструкция Доистории, с которой человек внутренний никогда не расставался. Имитация жизнетворений, сложившихся в Палеолите у архантропов. Деконструкция лингвоэтноса, отшлифованного у лордов и эсквайров. Тут двойной язык: (1) миметический – *anamnesis* по отношению к докультурным абиссалиям; (2) зарисовка новейших социетарностей, за которыми грядет недалекая эпоха манекенов и протезов. *Кайрос*: «театр жестокости» – за окном и на телеэкране. Прогрессирующая архаизация человеческой популяции.

Жак Деррида, оценивая перспективы театра Арто, сказал так: «...Вопрос театра жестокости, его отсутствия в настоящем и его неминуемой необходимости обладает значением *исторического* вопроса. Исторического не потому, что его можно вписать в так называемую историю театра, и не потому, что он стал особой эпохой в становлении форм театра, занимая свое особое место в последовательности театральных моделей представления. Этот вопрос историчен в некоем радикальном и абсолютном смысле. Ведь он предвещает предел представления. – Театр жестокости – это не *представление*. Это сама жизнь, поскольку она несет в себе непредставимое. Жизнь – это непредставимое начало представления... Эта жизнь несет человека, но первоначально это не жизнь человека. Человек – это лишь представление этой жизни, в чем и заключается предел – гуманистический по своему существу – метафизики классического театра»². Театр – не царство, не показ *характеров*. Он должен равняться на жизнь вообще, стирающую человеческую индивидуальность. Не флуктуации или эфемериды самости, но абиссальные, глубинные, бытийные основания – архаические, внетемпоральные и предковые по своей сути. Падение на дно и придонные структуры жизнетворений, где примитив и языки Подсознания. Это не абсурд и не парадокс сценический, а фото-

¹ Там же. – С. 133.

² Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 372, 373.

робот вполне натуралистический – оссуарий, в котором стерты все следы нищенского Сверхчеловека.

Глядя вперед, мы забываем или просто не хотим вспоминать свои первые шаги на глиняном астероиде. *Эрве Базен*: «Мало просто быть; еще меньше – казаться. Мы живы лишь постольку, поскольку стремимся к чему-то нам необходимому, нас увлекающему, но остающемуся всегда впереди. Человек познается в пути. Только ночь неподвижна. Свет во тьме – всегда движение»¹. А теперь посмотрим назад, где наши первоистоки. Откровение: ранний неантроп интересен и как музейный экспонат, и... как наш современник. Загляните в свой интим или боевые искусства Востока.

Дзэн-буддизм. Еще один театр? В каком-то смысле... Метафизика приземлена и стянута в точку: *hic et nunc*, здесь-и-теперь. Култ мгновения: Экзистенция скользит по Гераклитовой реке без сущностных рефлексий, проектов и темпоральных калькуляций. Иллюзия и реальность, мистерия и тривиальность, тождество бытийностей и существований, истин и естин (*есть*, тут, вот)... Модель «истинного человека». [Когда-то произойдет «Повесть о настоящем человеке».] Апофатика: он «без ранга», «без качеств» [будет «Человек без свойств»], ни от чего не зависит, не имеет одежд [кого-то встречают по одежке], неопишум и неопределяем. *Линь-цзи*: «У него нет формы, нет признаков, нет корней, нет истоков, нет места обитания, но при этом он стремительный и бодрый... Поэтому когда вы ищите его, он всё больше отдаляется; когда вы гоняетесь за ним, он оказывается совсем в других местах. Это называется «Сокровенным»². Дао-антропоморфизм: центр Универсума, средоточие витальностей. Всё иное и постороннее (речения, учения, факелы и флоккулы) развеяно по ветру. Он самый и есть – званый, призванный

¹ См.: Балашова Т. Эрве Базен и пути французского психологического романа. – М., 1987. – С. 242.

² Дюмулен Г. История Дзэн-буддизма: Индия и Китай. – СПб., 1994. – С. 208.

и уникальный. А на Западе столетиями искали (варили) в ретортах «философский камень».

Фигура (бесфигурная, размытая) «истинного человека» позволяет увидеть единство сакральных установок индуизма, даосизма и дзэн. «Натьяшастра» (*натья* – театр, *шастра* – священная книга): сценография. «Сакрализация сцены начиналась с выделения ритуально наиболее значимой области – центра сценического пространства, воплощающего собой центр всего мироздания. Символически он конкретизировался в *Брахмамандале* – круге Брахмы, где, по указанию Натьяшастры, божество незримо присутствовало лично...»¹ [Когда-то на российских горизонтах произойдет, правда, сильно сниженный, «Поручик Кижее».] Потому в середине сцены совершается рассыпание цветов. *Дао* не знает особых маркированных мест: центр повсюду и нигде. Таков же и *человек истинный*. Буддизм (родина которого Индостан) исходит из того, что каждый человек, просветленный и призванный, может стать Буддой. Богоравенство (прикосновение к высшей сакральности) возвышает человека до пределов своего воображения.

Роман-утопия Олдоса Хаксли «Остров»². Говорящая птица – герольд буддийских откровений: «Здесь и теперь, друзья! Здесь и теперь!» Ради чего живут люди на этом несбыточном острове? Чтобы стать полнокровной личностью. Люди, события, слова – это проявления Тождественного Разума, Пустоты, где Всё. А вы (обращение к иным) смотрите на Мир сквозь сетку искусственных концепций и понятий. Смотрите на цветок так, будто никогда не было никакой флоры, а вы только что родились. Кстати, Михаил Пришвин отмечал способность человека «захватывать в себя мир при помощи первого глаза...»³ Ищите новые метафоры, анафоры, сравнения, системы, эпистемы, координаты, проекции, ассоциации, восполнения, срав-

¹ Лидова Н. Р. Драма и ритуал в древней Индии. – М., 1992. – С. 15.

² Хаксли О. Остров / Пер. с англ. – СПб., 2000.

³ Пришвин М. М. Собр. соч. – М., 1956. – Т. 3. – С. 492.

нения, усекновения (редукция разнообразия. Удаление лишнего из глыбы мрамора – стан богини), нагромождения (всё связано со всем) и дискурсивности. Найдите мета-метафоры и мета-коды¹. Да что угодно. Только не изобретайте абсолютных истин – для антиквариата. *В. И. Вернадский*: «Художественное творчество выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа». Научное мышление по сути таково же. Добавим сюда микрокосм, т. е. самого человека и все сказки о нем.

Нирвана: Высшее Бытие, Благо и телео-экстремаль. «Это – цель совершенства, а не бездна уничтожения. Путем разрушения Всего, что в нас есть индивидуального, мы входим в общение со всей вселенной и становимся неотъемлемой частью некоего великого процесса. В таком случае совершенство есть чувство единства со всем сущим, когда-либо бывшим и когда-либо могущим быть. Горизонт бытия расширяется до границ всей действительности»². Собственно, уже нет ни границ, ни горизонтов, ни чувств и ничего человеческого. Безначальность и бесконечность. Пустота и переполненность, где всё есть всё. Я-сознание с его псевдоподиями аннигилирует – диссолютивно.

Д. Судзуки, видный современный буддолог, делает упор на *медитацию* и саториальное откровение. «...Сатори можно определить как интуитивное проникновение в природу вещей в противоположность аналитическому или логическому пониманию этой природы»³. Интуиция – потенциал человеческий, еще до-нирванический. И вообще Нирвана никак не описуема, непредставима и невыразима. Абсолютная Апофатика. «Вы должны быть полностью открыты, без груза прошлого или соблазна надеяться на будущее, что совсем не означает отчаяния.

¹ Кедров К. Поэтический космос. – М., 1989.

² Радхакришнан С. Индийская философия / Пер. с англ. – М., 1956. – Т. 1. – С. 381.

³ Судзуки Д. Основы Дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993. – С. 163.

Если же вы в отчаянии, то нет пустоты, нет открытости»¹. А мы всегда *около, возле* – завязли в каких-то остатках жизне-творений, ментальностей и психологизмов. Даже если речь идет о пустынных, забытых миром и клиром.

Выгоревший ритуал: потухшие огни. Начало начал – священный танец: миротворение. Алчеринга всегда с нами. Стилизованный ритуал, как и все итеративные социокультурные процессы, переходит в автоматический режим. Буддисты и ламаясты (дочернее предприятие индийского буддизма) бесконечно тиражируют, подобно тотемическим знакам, магическую формулу «*Ом мани падме хум*» (Блажен Сидящий на лотосе, т. е. Будда). Мультипликация (распечатка) осуществляется с помощью «хурдэ» – особого устройства, где полые цилиндры, набитые молитвенными текстами, вращались вокруг продольной оси. Считалось, что один оборот цилиндра равнозначен прочтению всех текстов. «Эти машины, – по свидетельству В. Верещагина, известного русского художника, писателя и путешественника, – устраиваются иногда в колоссальных размерах при быстрине горных потоков или рукавов от них, причем воды вертят уже целые миллионы строчек молитв и, конечно, быстро замаливаются всякие грехи, вольные или невольные»². Автоматизация молений и прощений. Энергичность сакральных интенций вложена в горный поток. – *И еще*: Иисус на кресте и Будда на лотосе: момент истины в сравнительном религиоведении.

Выгорание лампадного масла в ритуалах вообще: вот *Ч. Метьюрин*: «Нет людей более чуждых религии, нежели те, кто постоянно занят соблюдением ее форм»³. Ритуальные *формы* отлетели от своей «материи», где нуминозные *содержания*. [Такие наобороты не вместины в краниосфере – нужна переукладка нейронных сетей.]

¹ Кришнамурти Дж. Проблемы жизни / Пер. с англ. – М., 1993. – Кн. 1–2. – С. 329.

² Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М., 1990. – С. 280.

³ Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец. – Л., 1977. – С. 116.

Олдос Хаксли: «По большому счету, ритуальная религия – это не духовность, а оккультизм, утонченная и добродушная форма белой магии. Но если ритуальная белая магия сама по себе считается истинной религией, если порожденное ею сверхъестественное «нечто» считается Богом, а не человеческими мыслями о Нем и чувствами по отношению к Нему... – тогда это уже идолопоклонство... Последствия поклонения Богу, как чему угодно, но только не Духу, и в какой угодно форме, но только не в истине и не в душе, совершенно нежелательны...»¹ А где эхолот и где лакмусовая бумажка, посредством которых можно измерить или хотя бы опознать абиссальные глубины души человеческой, внеритуальной, довербальной и обращенной только к нуминозным откровениям?

Игры в несурязицу, но весьма поучительные. Ироническую, сатирическую, саркастическую, гиперболическую и прочая в том же роде, изводе и огороде. *Франсуа Рабле*, монах, доктор медицины и смехотворец: детские годы великого Гаргантюа. Вертушка из крыльев ветряной мельницы. «Потом, чтобы из него на всю жизнь вышел хороший наездник, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, и он заставлял ее гарцевать, скакать, круто поворачивать, брыкаться, танцевать, и все это одновременно; ходить шагом, бегать рысью, сбитой рысью, галопом, иноходью, полугалопом, тропотом, по-верблюжьему и по-ослиному. Он заставлял ее менять масть, как иеродиаконы меняют в соответствии с праздниками стихари, и она у него была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышинной, то саврасой, то чалой, то соловой, то игреневой, то пегой, то буланой, то белой»². Чудеса, да и только. Так это же детский лепет. А мы? Не изменились с тех пор – огнеупорно. Говорим одно, а думаем совсем наоборот. Тематизируем свои речения и свечения, а от боковых мерцаний никуда не денешься. Не по тонкой веревочке мы ходим, а проторенными дорогами. В воображениях летаем и свой тезаурус на землю опускаем.

¹ Хаксли О. Вечная философия / Пер. с англ. – М.; К., 1997. – С. 289.

² Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. – М., 1981. – С. 44.

Книжки читаем – критику наводим. За истинами охотимся, а нашли архетипы, суррогаты, расхожие идеаты, кроссворды и сканворды. И вообще, как сказал французский гений (Артур Рембо), «Настоящей жизни нет, мы живем не в том мире». А скандинавский корифей добавил (Кнут Гамсун): «Мы притворяемся, что живем». Астрономически – на глиняном астероиде и на верхней экзотической (где «Шутовской хоровод» Хаксли) площадке Антропного принципа.

Игры в несурязицу (через монтаж сюрреалистического склада) вошли в новейшую литературу и стали популярными. Шедевры – *Уильям Барроуз*: метод *нарезки*. Вот интервью, взятое у Барроуза: «...Совершая путешествия, я всё записываю в трех колонках блокнота, который всегда при мне. Первая колонка содержит элементарный отчет о путешествии, о том, что происходит: как я приехал в аэропорт, что говорили там служащие, что я случайно услышал в самолете, в какой гостинице остановился. В следующей колонке отражены мои впечатления: о чем я в то время думал, какие воспоминания навеяны неожиданными встречами. И в третьей колонке, которую я называю «читательской», содержатся цитаты из любой книги, которую я беру с собой». Из этих трех колонок в результате монтажа и редактирования и получается книга. Кстати, первым образцовым коллажем, составленным с помощью «нарезки», Барроуз называет «Бесплодную землю» Т. Элиота, лауреата Нобелевской премии¹.

Мягкая машина и стратегия, заложенная в нее. «Технически грамотный Специалист учится мыслить и писать ассоциативными блоками, которыми впоследствии можно манипулировать в соответствии с законами ассоциации и сопоставления... Любой объект, чувство, запах, слово, образ, сопоставленный с любым другим объектом, чувством, запахом, словом или образом, будет с ним ассоциироваться... Наши специалисты учатся читать газеты и журналы, скорее желая выявить формулы

¹ Барроуз У. Мягкая машина: Трилогия / Пер. с англ. – СПб., 1999. – С. 6.

сопоставления, чем ради их сомнительного содержания... Мы выражаем эти формулировки Формулами Сопоставления...»¹ По направлению к кроссвордам и сканвордам. Господство формул, формуляров, анкет, индексов, расписаний и всяких эпидермисов, где *кожа*, *кожимит* и *макияж*: коллекция вернисажей.

Тот же автор (с иным переводом фамилии) пишет, обобщая свои наблюдения в области постмодерной антропологии: «Изучение мыслящих машин больше любых интроспективных методов помогает нам разобраться в работе мозга. Западный человек приобретает черты новейших технических устройств»². К манекенам, роботам и протезам. Техносфера поглощает антропосферу. Ноосфера утверждает себя на орбиталях искусственного интеллекта, а коммуникация уходит в Интернет. Инфоспрут осмотически вытягивает «жизненную силу» из человека натурального. Небывшая трофология: нео–антропофагия. Ради удобства, комфорта и *автоматизации жизнетворений* (Это и цель, и средство и гибель великих культур, которые рассеиваются кнопочной цивилизацией). – Хотим мы или нет, *человек внутренний* становится в окрестностях Постмодерна *человеком внешним*. *Оноре де Бальзак*: «Мысль есть нечто противостественное. В раннем возрасте мира человек был существом *чисто внешним*»³. Высокоразвитая цивилизация, погибающая от избыточных потреблений (товарный фетишизм как небывшая онтология и экология, а вместо гносеологии реклама), есть некий возврат к ранним стадиям человеческого бытия. Комплимент нищенскому «вечному возвращению».

Мы расколдовываем *мнимые хаотизмы*, т. е. находим упорядоченности там, где они были скрыты от глаз исследователей. Египетские иероглифы казались сплошной пиктографией, т. е. рисуночным письмом (зримые эйдосы), с которого начинали все ранние системы письменности. Извилистым был путь

¹ Там же. – С. 463–464.

² Берроуз У. Голый завтрак / Пер. с англ. – М., 1998. – С. 56.

³ Бальзак об искусстве. – М.; Л., 1941. – С. 196.

к звуковому алфавиту, где означающие имели дело с акустикой, фонетикой и фонологией, а не с предметами. *Ж.-Ф. Шампольон* разгадал принципы иероглифического письма. Иероглифы выражают то понятия (вещи, явления), то звуки языка¹. Синкрета: переход идеографического письма к алфавитно-звуковому. «О край, где спят иероглифы» (Теофиль Готье). Иероглифы проснулись, и открылась древнеегипетская литература, где предфилософия, поэзия, миф, религия – письменна заговорили. Ломберный столик имел здесь свою стратиграфию. (Когда-то в геологии «луковица» Вернера, еще раньше «О слоях земных» Ломоносова.)

Кстати, то же самое в социальностях. Человек живет в гетерогенном мире, где стягиваются бытийно и событийно различные культуристорические пласты – от глубокой архаики до постмодерна. *Р. Виппер*: «Перед нами на каждом шагу явления необычайной косности человеческой культуры: наше существование заполняют пережитки, находящиеся в непосредственном соседстве с усиленным новаторством. Можно бы сказать, что человек одновременно пользуется кунсткамерой средств разного возраста и происхождения, не представляющих между собою внутреннего сродства»². А мы говорим «эпоха», «современный человек», отсекая шлейф реликтовых констелляций, которые адгезийно сохранились в социальностях и самостях.

Элитарная литература не порывает кровных связей с народом – с его фольклорной, былинной, песенной культурой. *Уильям Батлер Йейтс*: «Я узнал от народа (и только потом из книг), что для него идея искусства или ремесла неотделима от старинных обрядов и таинств. Люди с трудом способны отличить обучение как таковое от колдовства и любят слова и стихи, в которых скрывается какая-то тайна»³. Перевод древ-

¹ Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите / Пер. с фр. – М., 1950. – С. 9.

² Виппер Р. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С. 239.

³ Йейтс У. Б. Роза и Башня. – С., 432.

них сказаний (религиозных, к тому же инокультурных) – это погибель для их исконной керигматики: в итоге остается просто *литература*, не более того. Это касается и ритуала, и ритмики, и всей нуминозной ауры. «Что лирика действительно неперевода, признано всеми»¹. Как же переводить священные писания, где лирика, эпос, метафизика, риторика и сакральный нимб? Это даже не апокрифы. Здесь, по сути, изделия кошунственные. И семьдесят толковников не помогут: останется все равно чистая *словесность*. Керигматика испарилась.

Во всех культурах высокие религии (автохтонные или заимствованные и навязанные извне) существовали сами по себе над океаном исконных, народных поверий. Синологи отмечают, что в истории Китая их (обычаев) «настоящее практически во всех отношениях есть их прошлое, а их прошлое есть их настоящее»². Диахронная гомогенность.

Обычное определение религий Китая – это так наз. *сань цзяо*: Три учения, т. е. конфуцианство (жу цзяо), даосизм (дао цзяо) и буддизм (фо цзяо). Однако конфуцианство – не религия как таковая, а этико-политическое учение. Особый статус имеют народные религиозные представления. Характерной чертой китайской религиозности является *синкретизм*. При этом исследователи оговариваются, что «китайский религиозный синкретизм не есть синтез, то есть взаимодействие разнородных представлений, сюжетов, форм культа, персонажей пантеонов не привело и не могло привести в Китае к появлению некоей новой синкретической когерентной целостности. Скорее мы всегда имеем дело с неким неупорядоченным и конфессио-нально принципиально не различенным конгломератом верований, представлений и культов, целостность которого является целостностью всего архаического типа религиозности, постоянно воспроизводимого крестьянской культурой Китая и соответствующим ей менталитетом. С другой стороны, этот

¹ Манн Т. Письма / Пер. с нем. – М., 1975. – С. 306.

² Де Гроот Я. Демонология древнего Китая / Пер. с англ. – СПб., 2000. – С. 20.

синкретизм не следует смешивать с конвергенцией религиозных традиций в Китае в процессе их исторического взаимодействия»¹. История китайской культуры знает три исторических синтеза, где ханьская эпоха (единая имперская традиция); буддизм и неоконфуцианство; третий синтез (до сих пор не завершённый) связан с акклиматизацией китайского менталитета в условиях взаимодействия его с цивилизацией Запада.

Арлекин и Пьеро – картинные. Из бочки Диогена – в большую литературу. У. Моэм: «Я – как бродяга, напивший на себя штаны, подаренные сердобольной фермершей, пиджак с огородного пугала, два непарных башмака из мусорной кучи и шляпу, подобранную на дороге... Бродяге удобно, и неприглядная эта одежда вполне его устраивает»². Маскарад? Одевание для собирания бытия. «На дне» – позиция безразмерная: от сточных канав и закоулков на «Главную улицу» Литературы.

Поэтохроника – Александр Блок:

Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске,
Хохотал и кривлялся на распустьях
И рассказывал шуточные сказки.

Играют люди в натуре и в литературе. Возникли «Двенадцать». А потом сожаления. Зачем? Важен Кайрос: произведение. Самооценки ситуативны. *Упанишады*: «Это воплощенное время – великий океан творений»³. Время творится не автором. (Согласно теории известного астрофизика Козырева, *время* может в звездных мирах превращаться в *энергию*.) Социальные контексты и декорации меняются – шедевры поэтические остаются. Да будет так!

¹ Религии Китая: Хрестоматия. – СПб., 2001. – С. 6.

² Моэм У. Подводя итоги. – М., 1991. – С. 185.

³ Антология мировой философии. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 80.

Николай Гумилев: «Оборванец»

Я пойду по гулким шпалам,
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.¹

Дайте же погреться бедолаге у Гераклитова огня! А если нет – опять дорога: следить, размышлять, набираться *впечатлений* (как у Марселя Пруста). Прибавка к сюжетике и фабулистике африканской («Абиссинские песни»). Для кафетерия «Бродячая собака».

Странник – вокруг себя. Воспоминания Зинаиды Гиппиус о Розанове.

«Что еще писать о Розанове?

Он сам о себе написал.

И так написал, как никто до него не мог, и после него не сможет, потому что...

Очень много «потому что». Но вот главное: потому что он был до такой степени не в ряду других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать «явлением», нежели «человеком». И уж никак не «писателем», – что он за писатель! Писанье, или, по его словам, «выговариванье», было у него просто функцией. Организм дышит, и делает это дело необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Так Розанов писал, – «выговаривал» – всё, что ощущал, и всё, что в себе видел, а глядел он в себя постоянно, пристально.

Писанье у писателя – сложный процесс. Самое удачное писанье все-таки *приблизительно*. То есть между ощущением

¹ Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. – Л., 1988. – С. 179.

(или мыслью) самими по себе и потом этим же ощущением, переданным в слове, – всегда есть расстояние. У Розанова нет: хорошо, плохо – но то самое, оно, само движение души.

...Хотя и знает, что он не как все, но не всегда понимает, в чем дело. И, сравнивая себя с другими, то ужасается, то хочет сделать вид, что ему «наплевать». И отлично, мол, и пусть, и ничего скрывать не желаю...

Отсюда упреки в цинизме. Справедливые – глубоко несправедливые, ибо прилагать к Розанову общечеловеческие мерки и обычные требования по меньшей мере неразумно. Он есть редкая ценность, но, чтобы увидеть это, надо переменить точку зрения. Иначе ценность явления пропадает, и Розанов делается прав, говоря: «Я не нужен, ни в чем я так не уверен, как в том, что я не нужен». Он, кроме своего «я», пребывал еще где-то *около* себя, на ему самому неведомых глубинах¹. Если быть текстуально точным, то у Розанова есть упоминание о том, что он пишет не всё, что сообщила ему собственная психея. Внутренняя редакция неизбежна и необходима.

Позиция, когда человек обитает, кроме своего «я», где-то *около* самости, может быть перевернута без потери экзотики. Тогда мы должны обратиться к ментальностям древних египтян, где обнаружена уникальная песня, жалоба неудачника (ламентация), адресованная своему духу². – Кстати, выговаривать свой интим можно только через диафрагму, где *рефлексия*, т. е. опредмечивание психоментальностей. Об этом прямо сказано В. фон Гумбольдтом. И еще. Аборигены Австралии представляли душу человека (его жизненную силу) в виде *чуринги*. У народов Сибири душа имела вид маленького человечка, который всегда сопровождал своего хозяина.

Рефлексивное управление (РУ). Это особый, диалоговый, модус управления: бытовой, обыденный, социальный, батальный,

¹ Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. – Тбилиси, 1991. – С. 88–89.

² Тураев Б. А. История древнего Востока. – Л., 1935. – Т. 1. – С. 232–233.

интерперсональный, тривиальный, но формально эксплицированный совсем недавно. Игра по правилам и без. Описательно дело выглядит так. В процессе взаимодействия партнеров, вовлеченных в игровую ситуацию (сотрудничество, конкуренция, конфликт), одна из сторон стремится навязать другой программу поведения, которая отвечает ожиданиям субъекта, инициировавшего рефлексивную ситуацию. В. А. Лефевр, разработавший стратегию РУ, характеризует рефлексивное управление как «процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому... Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще ложь произвольного типа представляют собой рефлексивное управление»¹. Тут раскрыты карты, в которые играют живые организмы (хищник и жертва), люди и боги – модусы и казусы РУ трудно перечислимы. Маски и раскраски – от первобытных до новомодных; финт, флирт и флиш (мутная водица, где хорошо рыбка ловится); социопсихологические сценарии (антикварные, рудиментарные и наспех сколоченные); реклама и телепанорама; раут и реноме; предвыборные программы, акции и специи; дипломатические улыбки и протокольные клише; батальное искусство; гимнопедия и геополитика. В ситуациях и сатурациях самовнушения – аутогипноз как имидж для собственной экзистенции и люминесценции, которая адгезийно уводит нас в трансцензус (по Карлу Ясперсу). Все сакральные ритуалемы (теургия, моления, покаяния, постничество) отвечают позитивно общей схеме РУ. Змий-искуситель, фактотум Вседержителя, действовал по тому же раскладу и уладу. Всё едино в подлунном мире и в «Потерянном Рае».

Сказано открытым текстом, без панцирных укрытий, исповедально – Г. П. Федотов: «Каждое общество существует на известном цементе социальной лжи, называть ли ее условностью, приличием или лицемерием...»² Лжа как ржа, неустра-

¹ Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. – М., 1973. – С. 43–44.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. – СПб., 1992. – Т. 2. – С. 166.

нимая. Иначе Геркулесовы столпы пошатнутся, и звезда Вифлеемская споткнется в беге. *Левиафан* сдержанно и загадочно улыбается: *Сфинкс*. Если устои обрушатся в провалы, Сфинкс пойдет на химчистку, где смена вывесок, а суть единая и неотребимая. Прогресс? Ретушировка, реаранжировка. Экипировка? «Человек меняет кожу».

Древнейшая (не считая примитивного фетишизма и первичной демонологии) brutальная явленность РУ – шаманские камлания, которые имеют целью склонить высшие силы к определенным действиям в пользу соплеменников. Для достижения поставленных задач применяется тактика, известная из теории игр: нападение (авторитарность), просьба (отступление) и задаривание (компромисс). Е. С. Новик: «Подчеркнем, что все три тактики подразумевают рефлексивное управление, когда один из партнеров по коммуникативному акту передает другому такое сообщение, из которого тот сам выводит решение, выгодное для первого, а не управление путем передачи простых команд»¹. Переход от прямых (жестких) методов управления к опосредованной (мягкой) тактике. Понятно, что в ситуациях «любой ценой» никакая система РУ не работает. Максимализация целевой установки; иные потери не в зачет. Такова политология.

РУ – схема абстрактная, формальная, стоящая в целом «по ту сторону добра и зла». Кому из партнеров мы сочувствуем? Одному из них «хорошо», а другому «плохо». Платоновское *Благо* всегда расколото – если не метафизически, то физически. Доминантный персонаж всегда прав: *свой / чужой*.

Примитив, где абиссалии Психеи. В поле зрения и на вынос у нас только обычный нарратив – грамматика, стилистика, эйдос и габитус, коммуникация и визуализация. Оптика и акустика. Имидж. Но человек суть микрокосм, который по скейлингу (масштабная инвариантность) уравнивается в чем-то с космосом. Космос же (перечитывая Гераклита) – это *куча хла-*

¹ Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М., 1984. – С. 106.

ма. Унизительно? Нет, наставительно. А Логос, откуда логика? *Честертон*: это проделки встрепенувшейся обезьяны. К тому же, логосы, как оказалось и сказалось в реальных мышлениях и житнетворениях, никому не нужны.

Глубокая деконструкция – ирландский корифей и Нобелевский лауреат Уильям Батлер Йейтс:

А рассудить, откуда всё взялось –
Дух и сюжет, комедия и драма?
Из мусора, что век на свалку свез,
Галош и утюгов, тряпья и хлама,
Пустых жестянок и пустых угроз
Торговки старой... Хватит с нас тумана;
Пора вернуться на круги своя,
В каморку сердца – лавочку старья¹.

На дне и придонных отложениях Психеи – тривиальности и банальности, утиль, отходы и затонувшие пароходы. А на чем мир держится, короны и троны, идеаторика и риторика? На обыденном, ничейном, незамеченном и неотмеченном: *das Man*. Но там же, в абиссалиях, спонтанные флуктуации, где творческие импульсы, сакральные притчи и метафизические откровения. Деконструкция – это прорыв к сокровенному, бесценному и вечному. Лавочка старья – золотой запас.

Р. Киплинг: Мы сжились с Богами Торжищ – и «где Дух, Идеал, Порыв?» «...Оставили их Гориллам, на Стезю Прогресса вступив»². Экзотический индолог, прозаик и поэт, Киплинг, по словам Андре Моруа, смог установить связь «с самыми древними и глубокими слоями человеческого сознания»³. Религия Киплинга – имперский мессианизм, но писатель приобщил себя к ценностям Востока, оставаясь верным долгу и закону, т. е. корпоративным «Оргам». Образцовое поведение *риту-*

¹ Поэзия Ирландии. – М., 1988. – С. 253.

² Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. – М., 1989. – С. 298.

³ Maurois A. Magiciens et logiciens. – Paris, 1935. – P. 46.

ализируется – сущностно и бытийно: ритуал позволяет человеку показать преданность общему делу и отличить дихотомийно «своего» от «чужого»¹. Писатель формирует универсальный миф о человеке, в котором место богов отдано высшему нравственному Закону, а место культурных героев – простым труженикам, морякам, солдатам, преданным своей корпорации.

Маски древние и повседневные. К. Леви-Строс: Маска как иерофания – мифогенная и первобытно-антропогенная. «Рассмотренный с точки зрения семантики, миф обретает значение, только будучи помещен в группу из своих трансформаций; таким же образом какой-либо тип маски, рассмотренный лишь с точки зрения пластики, отвечает другим типам, контуры и цвет которых он трансформирует, обретая свою индивидуальность»². Первобытная личина не обладает собственным значением: это коллективно-групповой трансцензус. Она обретает свою бытийность на уровне трансиндивидуальном, где Тотем: космос. Предания острова Ванкувер повествуют о том, что в начале времен предки масок упали с неба. Лицом они были во всем похожи на нынешние маски.

Первобытный маск-вернисаж предлагает нам – имплицитно – методологию, заложенную Гете в исследовании о метаморфозах растений:

Образы все и подобны, и всё же каждый несходен
С прочим: их хоровод тайный скрывает закон³.

Знаки и символы могут играть свою роль лишь в той степени, в какой они принадлежат системам, управляемым внутренними законами вовлечения и устранения (переводимость посредством замещений). По Витгенштейну, «семейные сходства».

Маска – это культурема, а потому она могла быть разгадана как синкрета – тугой узел психологии, онтологии, мифологии,

¹ Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. – С. 14.

² Леви-Строс К. Путь масок / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 25.

³ Гете И. Собр. соч. – М.; Л., 1932. – Т. 1. – С. 282.

логики (сравнения, инварианты), антропологии. М. Мерло-Понти: «...Всякий раз, как социолог [антрополог] вновь приходит к живым истокам своих знаний, тому, что в нем самом служит средством понимания самых далеких от него культурных формаций, он непроизвольно философствует»¹. Социокультурная антропология требует от нас спецификации философских представлений применительно к любым социальностям и к самим себе.

С архаикой ни человек, ни социум не расставались никогда. А сейчас, как пишут аналитики, наблюдается интенсивная архаизация общества и *Homo erectus*. Причины? Постмодерн и гибель великих культур, эрозия «человеческого фактора», испарение духовностей. Общество массового потребления: после массового самоистребления (вторая мировая, холокост, «Колымская тетрадь») – либертинаж (распад колониальных систем, плюрализм в человеичнике), неоглобализм (геополитика находит новый Кайрос), лингво-этнонарциссизм и другие дисфакторы. Международный терроризм.

Теснота и давка на рынках сбыта. «Кухня ведьмы» – за кулисами, офисами и придворным ритуалом. Имидж для продвинутых персонажей. Тележурналисты, эквилибристы (риторика). Мейкеры – декораторы видимостей, кажимостей и миражей. Политдизайн. Новое чудовище (Левиафан блекнет): человек-масса. Не маска – натура, фактура и фурнитура. Мусоропровод историзмов – коллективное мышление «не выше сапога». На всех ярусах Вавилонской башни, которую сейчас достраивают после Брейгеля Старшего. «Оно [которое «не выше»] перемещивает сферы реальности, соединяет противоположности, переворачивает то, что можно считать естественной иерархией существ, нивелирует различия, дифференцирует подобия»². Суррогаты: социомеон и гумус, компост, откуда идут в рост толпящиеся вокруг «центральных мест» и вблизи Трона. Светит в гороскопе ярче всех иных фигур Золотой Телец.

¹ Merleau-Ponty M. Signes. – Paris, 1960. – P. 138.

² Дюркгейм Э. Социология / Пер. с фр. – М., 1995. – С. 302.

«Страшная сила маски», по словам Марины Цветаевой.

Дихотомия, древнейшая, где наверху «ликующие», а внизу «униженные и оскорбленные» (номинации эти из литературных источников), – принцип реальности и он же принцип двойственности существований и бытийностей человеческих. «В ответ на эти глубинные противоречия культура затевает игру масок, которые настолько тесно срастаются с человеком, что уже невозможно разглядеть его истинное лицо. Маска становится двойником человека, она позволяет ему обманывать не только других, но и самого себя...»¹. Рефлексивные игры дважды рефлексивны: помимо внешних партнеров они играют сами с собой. (Где-то сказано: игра важнее игроков.) Эпициклы ложных «я» ведут игру между собой как бы без участия индивида. Князь *Одоевский*: «...Всегда человек обманывал себя и обманывал других, но лишь в наше время он достигнул до такого совершенства, что *желает быть обманутым*»². Отсюда новейшая аутосуггестия, некий транс, пятая стихия (добавка к четырем древнегреческим) и семиургия – аббревиатурно и конъюнктурно: *СМИ*. Телегоминоид уже не мыслит себя другим – без дозаправки. Телеология, т. е. целевая функция (если положить ее на ломберный стол для деконструкции), строго векторизована: ее призвание – зашторить белый свет *инфами* (аудиовидео, газетный листопад), переключая реципиенты с Платоновых эйдосов на режиссуру заданных программ, где «категорический императив» для ангажированных нейронных сетей.

Техноструктура торжествует – на плаву *скольжения* ментальные и *эпидермис* визуальный. К. Манхейм: «...Развитие современной науки привело к созданию такой техники мышления, посредством которой исключалось всё то, что доступно только осмысленному пониманию. Эта тенденция концентрации внимания на восприятии чисто внешних реакций была свойственна прежде всего сторонникам бихевиоризма, которые пытались конструировать такой мир действительности,

¹ Мунье Э. Персонализм / Пер. с фр. – М., 1992. – С. 37.

² Одоевский В. Ф. Соч. – М., 1981. – Т. 1. – С. 205.

где существовали бы только доступные измерению данные, только корреляции между рядами факторов...»¹. Тотальная технологизация и автоматизация ментальностей: искусственный интеллект, алгоритмы, программы, инженерная лингвистика, компьютеры, операторы, автоответчики – никакие субъекты и самости больше не нужны. Личности, неповторимости, индивидуальности не востребованы. Интуиция? Деликатесы для романтиков, позавчерашних.

Хаос: укрощение и приращение. Человек как высший Орг, Оаз и сказ, бытийный и событийный, противостоит Хаосу изначально. Таков сапиенс биотически, культурно-исторически и ментально-психологически. И он же вместе со всей биотой умножает энтропию мира, т. е. хаосогенность и беспорядок. Культура человеческая амбивалентна. Она существует за счет утилизации природных ресурсов, их потребления и деструкции. Психоментальность сапиенсов стремится упорядочить хаосогенность впечатлений, получаемых из внешнего мира. «Для первобытных народов внешний мир – непостижимый хаос, совершенно бессмысленное или вызывающее страх смешение событий и ощущений... Мир повседневного опыта в такие эпохи – мир страха, и изображение его в искусстве только усилило бы страх. Поэтому художественная воля первобытных народов обращается в направлении, противоположном натуральному: она сводит явления природного мира к линейно-геометрическим формам – абстрактным формам, обладающим стабильностью, упорядоченностью и гармонией, которые первобытный человек не может обрести в потоке явлений...»² Первый, исходный контрапункт, схваченный примитивным сознанием. Тут Гераклитова река («всё течет»), и позднейший классицизм (симметрия, золотое сечение), и барокко с адъективами движения, разнообразия приемов и т. п. (Возможно, что

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. – М., 1994. – С. 43.

² Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков. – М., 1987. – С. 209.

«геометризм» Спинозы был реликтом изначальных форм мышления.) Бытийная дихотомия и диафрагма. Западная культура сдвигала себя в направлении турбулентностей и неврозоз. Исономия Демокрита, вихри Декарта, случайность и рандомизация, вероятность, взаимопревращаемость фундаментальных частиц, дополнительность и неопределенность, «Крик» Мунка и пляски св. Витта. Ризома. Виктор Гюго: «Вихри под черепом».

А седиментация? *Эрнст Неизвестный*: рынок искусств – водопад макулатуры, где в «мутном, грохочущем потоке графомании всё труднее отличить дилетанта от творца, новатора от простого вульгарного провокатора, творца гениальных провокаций от его жалких имитаторов»¹. Новейшее искусство обустроило себя в тени товарного фетишизма. П. Сорокин, социолог и культуролог: «Из царства абсолютных ценностей оно опускается до уровня производства ценностей товарных... Искусство становится всего лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки и им подобных... Обобщая, можно сказать, что современное искусство – преимущественно музей социальной и культурной патологии»². Пропаганда насилия, жестокости, бесчеловечности. Криминальная хроника. Политграмма для инфантилов.

С начала XX века искусство безудержно растекается на многие десятки школ, течений и направлений. Запасники и катакомбы культурем – в душе человеческой, открытой миру. *Матисс*, основатель фовизма: «Творить – значит выразить то, что есть в тебе. Всякое истинно творческое усилие совершается в глубинах человеческого духа»³. Психея выдает «измы» (художественные, метафизические, риторические) спонтанно и неустанно. Схватить их на лету, на плаву, отдаться им без оглядки, проработать технологично и поэтично. Комбинаторика:

¹ Неизвестный Э. Кентавр: Об искусстве, литературе и философии. – М., 1992. – С. 39.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 452, 456.

³ Анри Матисс. – М., 1993. – С. 90.

свет и тени, цвет и гризайль, расстановка персонажей, акцентуация деталей, перспектива, фактура (пастозная, пуантильная) и гештальт. «С тех пор как разум впервые расчленил действительность на понятия, демон игры постоянно шепчет человеку о прелестях пермутации [комбинаторика]»¹. Гиперциклы когда-то сложились в самоорганизующуюся предорганику (ауторепликация, реактивность, потом чувствительность). «Магия перестановок» (А. Моль).

Вот – наоборот в диахронии. Укрощение окружающего хаоса: линейные и геометрические формы в изобразительном искусстве. Европейский кубизм был обнаружен в африканской скульптуре. Народное искусство сохранило в себе симметричные формы, имеющие древнее происхождение. А ныне хаотизация жанров, дробление стилизаций, а в постмодерне – пародийность по отношению ко всем исторически сложившимся образам и прямое отрицание мимесиса, т. е. распознавания реально существующих фигур. *Тошнота* от «чистых» вещественностей, отринутых от человеческого фактора. В метафизике культ *Ничто* как вырожденного стазиса *Апофатики*. Цветовые бесформенные пятна выдаются за новейшие образцы живописи. Не говорим о компьютеризации искусства.

Эрнандо Кортес – великий конкистадор. Цивилизация ацтеков – апогей и гибель. Испания и западная Европа: «В те времена не существовало искусства, науки, да и самой жизни вне церкви. Всё западноевропейское мышление было христианским. Ограниченность такого представления о мире, абсолютная вера в его правильность, в вечность его существования и его очистительную силу неизбежно порождали нетерпимость. Всё, что не было христианским, объявлялось языческим; кто жил и мыслил по-иному, считались варварами.

Эти представления, присущие людям XVI столетия, мешали им признавать право на существование каких-либо иных воззрений даже в тех случаях, когда эти воззрения являлись следствием совершенно другого взгляда на мир, другого восприятия

¹ Моль А. Искусство и ЭВМ. – М., 1975. – С. 105.

окружающего. Эти представления были весьма ограниченными, и они не могли быть поколеблены даже тогда, когда завоеватели Мексики столкнулись с очевидными признаками высокоорганизованной и высокоразвитой в социальном отношении жизни ацтеков...»¹ Испанцы были уверены, что они имеют дело с дикарями, которые должны быть обращены в истинную веру, где «Espiritu Santo» – «Святой Дух». А на родине идалго пылали костры Инквизиции.

Принципы и стратагемы конкистадоров не угасли и донныне. Религия как политология, а последняя – консеквент идеологии. Абсолюты глобальные и доморощенные. Цивилизацию, культуру ацтеков, инков – на усекновение главы. Прошли века, эпохи и сполохи, а богиня Клио так и не прибавила здравомыслия историцизмам и катаклизмам. «Мь» *contra* «Они». Меридианы и параллели трещали от ауспий и амбиций. Тензоры напряжений ждут своего часа, где Кайрос.

Чарлз Диккенс: «Мистер Пиквик был философ, но в конце концов философы – те же люди, только в доспехах»². Вот и сказка вся – никаких загадок, и нимб погас в нижних слоях тропосферы. Метафизика без доспехов безоружна и на ристалище не выходит – прячется в толпе, где *das Man*. А трансцензусы разные и многообразные? *Н. Рерих*: «Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры»³. Слышите? *Преступление* – обвинительный акт для всей Метафизики, которая укрывается в занебесных и необитаемых пространствах трансценденций, опалесценций (фотосфера Алтарных имен), экзистенций (по Ясперсу) и протуберанцев типа «*Sein und Zeit*».

И еще предупреждение против рацио-наваждений. *Макс Жакоб*: «Стремление постичь некую отвлеченную истину опустошает разум. Человеческий разум обогащается только в

¹ Керам К. Боги, гробницы, ученые / Пер. с нем. – М., 1994. – С. 267.

² Диккенс Ч. Записки Пиквикского клуба. – М., 2002. – С. 142.

³ Рерих Н. Держава света; Священный дозор. – Рига, 1992. – С. 9

познании реального мира»¹. *Не искушай меня без нужды...* Но без абстракций Метафизика останется в ситуации «голового короля» (по Андерсену).

Х. Борхес: «Измышления философии не менее фантастичны, чем вымыслы искусства»². Но метафизические констелляции и суррогаты подстраиваются под науку – нет: они еще в древности увенчали себя лаврами науки наук, высшего знания, которое где-то вблизи откровения, если не эзотерики. Наукоучение: «мета» для всех «prost», Логос для «логий» и познаний. А если развеять философский туман... *Эзра Паунд*: «В 3.27 сегодня днем я открыл историю философии, и «моя голова поплыла», я оказался погруженным в массу обозначений, полностью оторванных от реальности»³. Но ведь Метафизика есть *Иное* – сказ о нем или показ, по Витгенштейну. Всё же должны тут быть и скрепы, и канаты (пирс, швартовы), чтобы не сорвался «Пьяный корабль» (опьяненный собственными изделиями) в открытый безразмерный Океан лингвосферы, которую называют галактикой Гутенберга.

Е. Вигнер, физик, Нобелевский лауреат: «Философия – это злоупотребление специально разработанной терминологией»⁴. Это «зло» (как целевая функция) и посев выдают нам фундаментальных мыслителей и повелителей (харизматических) для всех, вручивших себя метагипнозам элитарных систем.

Начинать же философские штудии следует с «наоборота», где *кающаяся метафизика* (гляциологам известны «кающиеся льды»). *Б. Кроче*: «Следует начать с освобождения от предрассудка или иллюзии, что в философской системе есть раскрытие некой тайны бытия, обнаружение всеобщей окончательной истины, отдохновение мысли в ее сомнениях и примирение с

¹ См.: Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М., 1970. – С. 25.

² См.: Шабловская И. В. История зарубежной литературы XX века (первая половина). – Минск, 1998. – С. 326.

³ Паунд Э. Избр. работы: Путеводитель по культуре. – М., 1997. – С. 116.

⁴ Вигнер Е. Этюды о симметрии / Пер. с англ. – М., 1971. – С. 183.

ними человека настолько, что нечего больше и желать»¹. Энигматика бытия как «яблочко на тарелочке». Но *Дао* не знает хоженных троп. В имманенции человеческие вмонтированы наглухо интенции, где *последние* схватки («это есть наш последний и решительный бой»), вечные пролонгации (жизнь вечная) и другие экстремали подобного рода. Романтическое опьянение – такелаж для мятежного паруса. С эпитафией: «Тайны раскрываются или в самых простых словах или не раскрываются вовсе»². Но простым (затертым) словам никто не поверит. Значит, тайны пребудут. Э. *Чаргафф* (молекулярная биология): «Человек не может быть без тайны»³. А сам Человек, как *Homo sapiens*, не тайна ли? Величайшая и вечная.

Все понятия языка человеческого метафоричны, и категориальный аппарат есть не что иное, как связка, гирлянда, орнамент высушенных, отжатых метафор, о чем говорил еще Ф. Ницше. В этом своем качестве они принадлежат тем же доспехам, которые монтируются из трансценденталий. *Х. Ортега-и-Гассет*, анализируя бытийный статус метафоричности, отмечал, что «метафора вообще не имела бы смысла, если бы за ней не стоял инстинкт, побуждающий человека избегать всего реального». Метафора берет «начало в стремлении избежать фактической реальности»⁴. Осваивая внешний мир практически, человек как бы отталкивается от него теоретически. И так будет всегда, поскольку любая теория (понятия, концепты) условна и коварна (ее расширения ненадежны и бумажны). Отсюда табуизмы, принцип партиципации (Леви-Брюль) и новейший магический реализм (М. Булгаков, Г. Маркес). Отсюда же игра в «непонятные магические знаки», которой прикрывается от рациональной критики «фундаментальная онтология». Не

¹ Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб., 1999. – С. 3.

² Манн Т. Волшебная гора. – М., 1994. – Т. 2. – С. 293.

³ Чирков Ю. Ожившие химеры. – С. 82.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 249.

говорим о новейших ажиотациях, где наведение мостов между сакральным и профанным. Вся религия – это фундированный (бытийный, экзистенциальный) уход, отскок, бриколаж, бегство от слишком грубых и примитивных реальностей.

Ортега-и-Гассет подчеркивал, что «*подлинное имя вещи – метафора*, а не технический термин». Эта живая связь человека с предметным миром «идет от первобытного «одушевляющего» мышления, в котором у каждой вещи есть душа, сокровенная сердцевина, откуда она слышит, понимает зов, отвечает и идет»¹. Сказ Бытия и зов Бытия. Теперь у Самости – *Экзистенция*: внутреннее око, витальный Гомункулус, и одушевляющее мышление вещного мира (панпсихизм) есть не что иное, как диалог внутри нашей интимной субстанции – Самости.

Если это так (все метафоры отталкивают исследователей от предмета, а логосы и концепты суть заспиртованная метафорика), то о какой исторической науке может идти речь? Может, но только орнаментально-символически. А поведение «человека исторического» в реальных событиях? В. Розанов: «Шарлатанит Азия в сказках, как шарлатаном мы в действительных историях»². Все религии (с их поэтикой, мифологией, философией, чудесами и небесами, автоморфизмами сакральных сюжетов и фабул, которые идентичны барочным приемам) возникли, сложились и развивались (от анимизма до высокой Апофатики) на Востоке. Отсюда и азиатские сказки. А мы, европеиды, водим «шутовские хороводы» в реальных и бумажных (документалистика) историзмах. Гомогенность и гризайль. Западный *sacrum* столетиями повторяет древневосточные сказки, ритуалы и фиденциалы. Дробление вероучений тут не в зачет.

Денудация великих культур. Базисные основания культур лежат в символике общественного организма (О. Шпенглер). Культура суть метаигра (Ст. Лем), многомерная – аналитически, параметрически и стохастически (флуктуации и рандоми-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. – С. 313–314.

² Розанов В. В. Во дворе язычников. – С. 123.

зации в театральностях искусств, техницизмов, политесловарей и букварей). Современные экономически продвинутое общества ориентированы на расширение рынков сбыта, монополизацию производства и тотализацию потребления. Социум внедряет искусственный интеллект в системы, адъективы и перспективы жизнетворений. Искусство поглощается постмодерном и растворяется в массовом сознании. Всё земное ушло из объятий Неба. Г. Гадамер приводит слова Фр. Шлегеля о том, что все священные игры искусства – это только отдаленные подобию бесконечной игры мира¹. Ныне эти подобию свертывают свои потенциалы, виртуальности и эссенциальности. Переусложненный мир выбрасывает на поверхность существований небывший продукт – «одномерного человека», который отдает свою сапиенцию и экзистенцию аудио-видеокультуре, комфорту, туризму, буклетам и трафаретам.

Культура сообщений, впечатлений, *инфо* и *видео* неизмеримо возросла – до колоссальной избыточности. Утрата рефлексивности, проблематичности и даже метафоричности мышления, поскольку *разнообразие* поглощается всеобщими стандартами, клише, фатикой и автоматикой. Векторизация культурем – вверх или вниз? Теодор Адорно: «Невозмутимая убежденность в прогрессе культуры и консервативная иеремияда по поводу ее опошления достойны друг друга»². Прогресс? Компьютерная музыка, техника магнитофонной записи (тиражирование), доминантность ритмов... Но мелос и музыкальная классика теряют свое реноме. Инволюционный синдром. «Считают, что современная тенденция музыкального творчества состоит в том, чтобы превратить в *tabula rasa* всю предыдущую историю музыки; это должно произойти постепенно в процессе потребления классической музыки, произведения которой станут «консерватами культуры». Шедевры постепенно превратятся в подсобные средства культуры, через которые человек

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем. – М., 1988. – С. 151.

² Адорно Т. Избранное: Социология музыки. – М.; СПб., 1999. – С. 11.

должен пройти. «Девятая симфония», так же как холодильник, толковый словарь и т. д., станет просто одним из необходимых элементов знакомства с миром в процессе обучения»¹. Пропедевтика без майевтики: словари и буквари для электронного Сверхчеловека. Элитарная культура прошлых веков переходит в музейные экспонаты, где муляжи, мумии, восковые фигуры и разный прочий антиквариат. А судьи кто? Манекенные персонажи.

Сбывается пророчество *Фридриха Ницше*: «Всё то, что мы сегодня называем культурой, образованием, цивилизацией, однажды неминуемо предстанет перед неумолимым судьей Дионисом». Левополушарный Мусaget, Аполлон, сдается на милость победителя, своего «Анти», обитающего в правой гемисфере, в подсознании, в Постмодерне и вокруг.

Т. Адорно: «...Капитуляция людей перед культурой приводит к выводу о капитуляции культуры перед человеком, заставляет думать о том, во что превратились люди. Противоречие между свободой для искусства и мрачными диагнозами о последствиях этой свободы – это противоречие самой действительности...»² Бытийная трагедия, и никакой катарсис тут не светит.

Где же ключевой критерий прогресса для человека? *К. Бальмонт*: для спасения человека от эрозийных процессов, денудаций и выветриваний «есть лишь один архимедов рычаг – мысль личного совершенствования и внутреннего умножения своей личности»³. Сказано сие сравнительно в недавние времена, но звучит как забытый уже контрапункт в нынешнем деловом и прагматичном мире, где одномерный человек, комфорт, дизайн и меркантильный успех. Личность? *Имидж* – вот.

Во всех случаях – в личностных мирах и безличностных – человек остается *мифогенным* персонажем вместе со своим

¹ Моль А., Фукс В., Касслер М. Искусство и ЭВМ / Пер. с фр., нем. и англ. – М., 1975. – С. 194–195.

² Адорно Т. Избранное: Социология музыки. – С. 26.

³ Бальмонт К. Автобиографическая проза. – М., 2001. – С. 13.

стаффажем (окружающие предметы) и арбитражем (онтология, принципы мироустройства в их человеческом наполнении.) *Андре Мальро*: «Нет такой культуры, нет даже такого варварства, которые оторвали бы человека от его наиболее древней силы – от мифов»¹. Мифология не скудеет, она прибывает вместе с новациями, какими бы они ни были.

Писатели и художники выдают нам странные, казалось бы, координаты для ориентировки в окружающем мире. Э. Неизвестный: *провокации*. Ф. Селин: *наглость*. О. Хаксли: *иллюзорность* и *пошлость*. Четырехмерное многообразие – пародия на СТО (мир Минковского) и принцип реальности. Чтобы не утонуть в сточных канавах приусадебных и глобальных историзмов.

Клюдищея. В. П. Бранский, разрабатывая (в контексте истории живописи) абстрактную метаисторию (супер-аттракторное понимание истории), приходит к выводу, что всемирная история есть одновременно и «страшный суд», и «страшный шут». Суд – но ее никто не судит, как таковую, да мы и не знаем всей ее сюжетики, фабулистики, криминалистики, не ведаем о нормативных ее течениях, завихрениях и сложениях. Что касается придворного *Шута*, где допустимы смехи и показаны огрехи двора, то более радикально сыграл бы эту роль *Трикстер*, докультурный и адвентурный. Мировая история – это глобальное художественное творчество. Она всегда в пути – движется к абсолютному художественному произведению. «...Конечный результат, а следовательно, и смысл истории заключается в превращении человеческого общества в целом в *шедевр искусства для человека вообще*»². Тут Гегель, Кроче, Владимир Соловьев и Шиллер с Достоевским («красота спасет мир»). Разбирать отправные позиции автора коллекционного труда здесь не место. Ни логосы, ни искусства, ни философы не позволяют сделать никаких «объективных» анализов, оценок, примерок

¹ См.: Проблемы художественного творчества. – М., 1975. – С. 125.

² Бранский В. П. Искусство и философия. – Калининград, 1999. – С. 689.

касательно Истории. Нужны надежные эйдосы, абсолютные идеаты или хотя бы синтетические априори. Но где их взять?

Шаманы, гуру и столоверчения вокруг Алтарных номинаций. Проложить дорожку – пунктирно хотя бы – от шаманских камланий к продвинутым метафизическим «измам» и «логиям» можно без всяких произвольных инвенций. Шаман заявил о себе как архетип позднейших оракулов, жрецов, пророков, гуру, основоположников перспективных учений, харизматических и трибунных лидеров.

Еще «некоронованный» избранник духов имеет психоментальные предпосылки (поведенчески – нервические) для будущей «профессиологии». Затем инициации (удаление в глухомань или скит, иерофания) и появление на людях в новом качестве. Задним числом составляется необычная биография (рождество, ювенильные годы), и начинается хождение в народ – проповедь нового учения, чудесные деяния, ученики и доносы. Потом богоизбранного и невинного приносят в жертву людскому неразумию, недоверию и консерватизму (Голгофа и растекание новой веры по меридианам и параллелям).

«Избранник духов» ритуально бытийствует в триадической вселенной, где средний мир (ойкумена человеческая), верхний мир (небожители) и нижний мир (у египтян – царство Осириса). Шаманское дерево (Мировой столб) – зримая вертикаль, по которой дух камлающего «избранника» поднимается в небеса. Душа шамана трансцендирует, оставляя телесность на игровой площадке (яранга, юрта, чум, иглу). Одевание шамана, его доспехи космологичны, а диалог с невидимыми персонажами ведут бубен и колотушка (ритмика и ее модуляции)¹. В наши времена вожди и трибунные лидеры призывают к объективным закономерностям, истине, справедливости и другим недосягаемым идеатам.

В древнем Египте обожествлялся первобытный холм (знак снижения уровня нильской воды после разлива реки). «Поэтому

¹ Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. – М., 1991.

царской могиле придавалась форма пирамиды – гелиопольская стилизация первобытного холма»¹. *Индология*: Ригведа. Из какого материала бог-творец создал стихии и всё остальное – что был за лес? «Характерно, что там, где говорится об «изначальном материале миротворения», обычно упоминается именно древесина или просто дерево (лес). Здесь сказалось, вероятно, влияние более древних шаманских представлений о «мировом дереве», как символе всего существующего...»². В одном из позднейших ведийских текстов говорится: «Брахман (безличный космический принцип) был тем «деревом и лесом», из которых выделали землю и небесный свод»³. *Брахма* апофатичен, если обратиться для сравнения к европейской теологии и метафизике (Первоединое Плотина, Абсолютная идея, Бытие).

Более развернутое изложение древнеиндийского мифа о Творении выглядит так. Вначале не было ничего. Из тьмы первозданного хаоса, недвижимого, прежде иных творений возникли воды, которые породили огонь. Великой силой тепла в них рождено было Золотое яйцо. Плавало оно в безбрежном и бездонном океане. Через год (никакого счисления времени еще не было) из Золотого зародыша возник Прародитель Брахма. Он разбил Яйцо, расколовшееся надвое. Верхняя его половина стала Небом, нижняя – Землей, а между ними разместилось воздушное пространство. И утвердил Брахма землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени⁴. Возьмите «Калевалу», и найдете там много совпадений с индийским миротворением (мотив овуляции и т. д.). Возникновение мироздания из ничего – запоздалое откровение ранней патристики на Западе. Еще одна параллель. Новейшая космология: *Big Bang* – Большой взрыв, изначальный, откуда начинается отсчет време-

¹ Франкфорт Г. и др. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. – СПб., 2001. – С. 32.

² Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. – М., 1980. – С. 42.

³ Там же.

⁴ Мифы древней Индии. – М., 1975. – С. 15.

ни. *Алчеринга* австралийских аборигенов парадигмально отвечает такому положению дел.

Для индийских мудрецов инициации (ауто) не отмерены темпорально. «Мудрецы обычно проводят жизнь в лесу, стремясь возвысить свой дух с помощью суровых покаяний и сосредоточенных размышлений (тапос)»¹. Ашрама – обитель отшельников. Прикосновение к Нирване. Заметим, что древнеиндийские *Веды* считаются вечными. То же : *Коран* как предвечная книга.

Сергий Радонежский (инок Варфоломей) уединился в лесу на Маковце – ведь и Сын Человеческий не имел «где преклонить голову». «Не бе бо окрест пустыня тоя близ тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них; ни пути людского ниоткуда же... всё пустыня»². Одиночество – наедине с Богом.

Параллели между шаманизмом и метафизикой ощутимы и в новейшие времена, когда философы сдвигаются по направлению к магии непонятных знаков. Шедевр – «фундаментальная онтология» Хайдеггера. Нагнетаются бессмысленные изречения: Распахнутость бытия; Существо истины есть истина существа; Экзистенция – это стояние в просвете бытия³. А бытие всего лишь *существование сущего*. Сюда входят все реальные вещи, идеи, психологемы и проч. Бывший теолог – соискатель и трубадур какого-то небывшего вероучения. Нельзя не сопоставить подобные стилистические откровения с шаманской экзотикой. Шаман, погружаясь в транс, отягощает демонологию новыми духами – *сеонами*. «Мифы о новых сеонах творятся шаманами всё более сложные и запутанные»⁴. Патиная, окутанная непробиваемой паутиной. Барьер сложности и невнятицы – эффект дистанцирования от «публики». Экологическая ниша. В конце концов (изначально и скандаль-

¹ Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие / Пер. с англ. – М., 1974. – С. 15.

² Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... – М., 1990. – С. 46.

³ Бимель В. Мартин Хайдеггер. – Урал LTD, 1998.

⁴ Лопатин И. А. Гольды. – Владивосток, 1922. – С. 213.

но) всё вышло из дымного чума, яранги, юрты, вигвама и гренландского иглуу (здесь же и *ураса* – временное берестяное убежище, где происходят инициации). Единая плазма и протоплазма, и нет тут «язычества» внизу (гибидеи, священная роща кельтов) и никакой истинной сакральности на самом верху, где Кёльнский собор, Сан-Пьетро и Айя София.

Шаман как первичный оракул: глоссолалия. Жрец: его формулы и сказы бесспорны, но темны. Отсюда Гераклит *Темный* (он происходил из царского рода, и ему принадлежали жреческие функции). Потом упадок индивидуально-авторитарной словесной культуры. *Полис*: «Слово становится главным образом политическим инструментом... средством управления и господства над другими. Власть слова греки превратят в божество... Вместе с тем слово утрачивает ритуальную сущность, претензии на изречение истины. Оно выливается в форму слова, дискуссии, диалога, предполагает наличие публики, к которой оно обращено как к арбитру и которая поднятием рук выносит решение в последней инстанции»¹. Здесь истоки демагогии, групповой суггестии, парламентской говорильни и других пороков мнимой демократии.

* * *

В истории философии, культуры и литературы прослеживается линия *эксгибиционизма* – театрализованного и примитивно-беспощадного. Характерно в этом плане поведение *киников*, откуда стойко датируются и грубые формы *цинизма*. Излюбленные жанры киников-писателей диатриба и сатира. И всюду у них *зрелищная* сторона. Киник всегда в толпе, где и стремится обратить на себя внимание. Лицедейство в его смешных и даже уродливых формах, шок-эффекты, словесная распущенность: воспоминания о низовых (а когда-то и обычных) фольклорных жанрах, фаллических песнях и т. п. Скоморошество

¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с фр. – М., 1988. – С. 68–69.

и тень Трикстера. Уличное аргю, которое взойдет на вершину творчества у Франсуа Рабле. Киник ломает комедию, озорничает – герой рыночной площади, создающий карнавальную ситуацию. Амбивалентность прилюдного кинизма: одних он приводит в восторг, других озлобляет. В общелитературном плане киник – *антигерой*.

Киническая литература выдавала новые приемы: это «смелая переброска действия из одного места в другое, пародийность, дерзкое словотворчество, игра слов, народная, нередко грубая речь, серьезно-смешное, перелицовка привычных приемов и форм, нарушение канонов, смешение родов и жанров¹. Особо выделяется мениппова сатира. Ее отличительные черты – драматизм, напряженный и причудливый вымысел, фантастичность, смесь прозы и стихов, театральность. «Эзоповский язык». Отсюда многое было взято и развито в истории литературы. В постмодерне следы кинизма узнаваемы без труда.

От кинизма (инфантильного) – к цинизму как феномену глобальному, общекультурному, растворившему в своей контактиозной протоплазме философию, идеологию, аксиологию и все духовные деликатесы. Апофеоз цинизма в истории культуры и новейшей социальной формации представлен в книге Петера Слотердайка, недавно переведенной на русский язык. Однако никакие разоблачения не способны противостоять циническому эпилогу социальностей, культурем, философем и психологем. После Фрейда и Юнга ничего более радикально обличительного в человековедении не появлялось.

Философия – в агонии после трехтысячелетнего *агона*. «Она признает: все великие темы были сплошь уловками и полуправдой. Прекрасные, но тщетные взлеты мысли: Бог, Универсум, Теория, Практика, Субъект, Объект, Тело, Дух, Смысл, Ничто – всего этого не существует. Всё лишь словечки для юнцов, профанов, клерикалов да социологов»¹. Слова – словес-

¹ Нахов И. М. Философия киников. – М., 1982. – С. 189.

² Слотердаик П. Критика цинического разума / Пер. с нем. – Екатеринбург, 2001. – С. 9.

са: стоит им воспарить однажды, и полет их всё никак не окончится (Готфрид Бенн). Джинн, выпущенный из бутылки; дух, который не потух в морозных сферах абстракции и в нейронных сетях сапиенсов.

С чего началась погибель Метафизики? С Бэкона Веруламского: «Знание – сила». Потом Фридрих Ницше: воля к власти. А ныне программные штудии (оратории) Мишеля Фуко: «Знание – сила и власть». Эта формула, пишет П. Слотердаик, «ставит точку, завершающую политизацию мышления». Политизировано всё: наука, искусство, философия, религия, педагогика, эстетика, этика и образ жизни. «Вечное возвращение» – к тотальности мифа (Фрейденберг), потом к моноидеизму (Благо, Первоединое, Абсолютная идея, Бытие), а ныне к Политологии, где остеология (терриконы из человеческих костей вблизи концлагерей), Бабий Яр и «Колымская тетрадь». Жизнь вопреки истории: экзистенциальная редукция (*Э. Ремарк*. «Искра жизни»).

Ф. Ницше вполне откровенно называл себя циником («Идиот», по Достоевскому) – и был им в наилучшем смысле этого слова, и стал великим харизматиком и апофатиком, отвергающим все ценности, навязанные псевдокультурой. Дионис (Трикстер и циник) свергнет Аполлона–Мусагета.

П. Слотердаик приводит слова А. П. Чехова: «Никакой цинизм не может превзойти жизни». Жизнь как таковая не критикует себя текстуально (памфлеты, иеремиады, мениппеи). Сама жизнь – это аутопародия, а любые дискурсивности – явления папирусные, бумажные и книжные. Реальный цинизм жизнотворений еще не нашел своего раблезианства, Эмиля Золя или Сервантеса.

«В системе, которая ощущает себя чем-то средним между тюрьмой и хаосом, нет такой точки, стоя на которой, можно было бы заниматься отстраненным и беспристрастным описанием, нет центральной перспективы обзора, открывающей возможности для императивной и неотложной критики»¹. Свобода слова? Вечный миф.

¹ Там же. – С. 15.

Наступило время маскарадной критики, где обличительные позиции подчинены профессиональным ролям (Слотердаjk). Так, известный писатель и кинорежиссер Паоло Пазолини придумал для своих выступлений костюм корсара. *Н. А. Бердяев*: «Я создаю о себе миф»¹. Общество без мифологии вообще нежизнеспособно. «Недуг в культуре приобрел новое качество: он проявляется как универсальный диффузный цинизм... Современный цинизм подает себя как состояние сознания, которое следует за наивными идеологиями и их Просвещением. В нем и заключается действительная причина сенсации, состоящей в том, что критика идеологий выдохлась. Дольше выстраивавшийся ряд форм ложного сознания: ложь, заблуждение, идеология – оказался незавершенным; современный менталитет заставляет добавить четвертый член ряда – феномен цинизма»². «Смесь цинизма, сексизма, «деловитого реализма» и психологизма формирует настроение, господствующее в надстройке Запада, – настроение сумерек...»³. Наверяно Шпенглером, где «Закат Европы»? (Наплывом «Сумерки Дао».)

* * *

Философские вердикты, откровения и прозрения (не говорим о нравоучениях в духе Сенеки) выдаются с каких-то диспозиций, остранных по отношению к обычному наблюдателю. Выходя на ринг, где агонистика философом, мыслитель становится «иным», «другим», не узнающим, может быть, даже своей самости. *Р. Декарт*: «Подобно тому как актеры, дабы скрыть стыд на лице своем, надевают маску, так и я, собирающийся выйти на сцену в театре мира сего, в коем был до сих пор лишь зрителем, предстаю в маске»⁴. Родоначальник европейского

¹ Бердяев Н. А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). – М., 1991. – С. 317.

² Слотердаjk П. Критика цинического разума. – С. 26.

³ Там же. – С. 22.

⁴ Декарт Р. Соч. – М., 1989. – Т. 1. – С. 573.

рационализма раскрыл нам сакральную (имманентную) тайну всей Метафизики, и суть ее в том, что любая философская доктрина, система, эпистема разыгрывается на подмостках и в доспехах – под звездой и эгидой Мельпомены. «*Не своей чешуей шуриши / Против шерсти мира поем*», по словам поэта.

Cogito ergo sum – аграф, достаточно тривиальный и проходной. Человек это мыслящая вещь, где на авансцену выдвигается абстрактно-логическая процессуальность. А более широко это «вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, не желает, представляет и чувствует»¹. Добавьте сюда *интуицию* (без нее никакой когнитивный акт невозможен), и мы получим бергсоиану. Еще пристегните к той канве магию непонятных знаков, т. е. первобытную семиологию, и мы оказываемся в дебрях «фундаментальной онтологии», где стоверчения вокруг *Sein* и предбанник для Третьего рейха.

Согласно сенсуалистическим установкам Д. Юма, тождество, приписываемое человеческому уму, и субстанциальное Я, – только фикции воображения: «все тонкие и ухищренные вопросы, касающиеся личного тождества, никогда не могут быть решены и должны рассматриваться скорее как грамматические, нежели как философские проблемы»². А ведь *Cogito* по-латыни «Я мыслю», где «я» остается вне идентификаций. Заметим, что психоаналитики (Лакан) вновь пришли к выводу о грамматичности Я (moi).

Различаются, а нередко и совпадают, ролевые функции и «сущности» человека (экзистенция, Я–сознание, самость, личность). *Мишель Монтень*: «Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое – своим... Господин мэри и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегла отчетливо обозначенная граница»³. Но чело-

¹ Декарт Р. Избр. произв. – М., 1950. – С. 345.

² Юм Д. Соч. – М., 1965. – Т. 1. – С. 377.

³ Монтень М. Опыты. – М.; Л., 1960. – Кн. 3. – С. 291.

век может раствориться в своих социальных ролях (политиканство, бизнес, театр, религия) и не подумать даже о том, что он представляет собой «в действительности».

Где же искать свою личность и самость? Разбросайте их по всем широтам и долготам, по археологии, истории, культуре и литературе, а потом принимайтесь за собирание Бытия. Началось оно с эпохи Возрождения, когда человек был поставлен в центр мироздания. «Человек есть модель мира», – говорил Леонардо да Винчи. – И он отправляется открывать себя»¹. А что теперь? Космоплавание, а человек все более объективируется. Принадлежность техносферы, дистрибьютер и потребитель.

Маской для продвинутых мыслителей может стать вполне обычное поведение, за которым «вихри под черепом», т. е. любые экстравагантности, выбросы и сбросы. Лев Шестов: «И потому «как принцип» – уважение к порядку извне и полнейший внутренний хаос»². Не бросайте перчатку богам и Дракону–Левиафану. Кстати, эндогенный хаос ныне корреспондирует с хаотизацией социетарностей, которая именуется плюралистическим (индивидуалистическим, молекулярно распыленным) обществом. Не считая унитарности и безоглядности массового сознания.

Собственно, никакой внутренний хаос (долговременный – «отсюда до Аляски») исследователю не нужен. П. Фейерабенд предлагает антропологический подход («внутриатомный») в изучении культурных и ментальных доменов. Антропологический метод «призван изучать познавательные традиции «изнутри», путем принятия идей и методов, используемых в данном сообществе, и реконструкции мира таким, каким он представляется его членам»³. Не по той ли дорожке пришла к нам «экзистенция», литературная и датская? Номинализм – изначальная матрица познания; реализм – вылетел в необитаемые выси из этого гнездовья.

¹ Le Goff J. La civilisation de l'Occident medieval. – P. 1972. – P. 452.

² Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – Л., 1991. – С. 51.

³ Feyerabend P. Science in a free Society. – L., 1978. – P. 171.

Теперь общая картина – историческая. Высшее божество сотворило мир (силикатный астероид) и человека (красная месопотамская глина плюс частица взвешенного разума). А дальше нужна экология, онтология (трансцензус: соблазнились люди астральными и солярными знаками) и теория познавательных усилий, поскольку человек есть *Homo sapiens*. И вот коллекция (кортеж) воображаемых или реальных медиаторов. На Востоке *Дао* – заверченный в себе Универсум. На Западе – Логос (Гераклит), эйдосы и Благо (Платон), Перводвигатель (Аристотель), Первоединое (Плотин), *Cogito* (Декарт), моноидеизм (Спиноза: «Нужно искать такой идеи, из которой можно извлечь всё»), монады (Лейбниц), Абсолютная идея (Гегель), Мировая воля (Шопенгауэр), Бытие (Хайдеггер). Гиперцикл (самоорганизация высокополимеров), монера (Геккель), палеоантроп и палеолит, Тотем, Полис, Мифы, Инфы и Постмодерн. От человека – к манекену и протезу. Остается непреодолимый дуализм: субстанция протяженная и субстанция мыслящая – когерентность и дихотомия. Ризоматика нейронных сетей – это одно, а мышление и сознание – совсем другое.

Эпилог атомистики Левкиппа–Демокрита: *всё состоит из всего*, как в архаических представлениях и новейшей микрофизике. Финал эпистемологии – диалог интеллектуалов на заданную тему вместо репрезентивистских истин. Мир упорядочен *действиями* (эксперимент, опыт вообще, лига экспертов). Ни пустынные, ни странники, ни апокрифы, ни курвиметры (истинно–ложно по априорным критериям) не требуются. Архетипы и древности вообще – в центр внимания исследователей. Все теоремы, эпистемы, законы относительны. (За исключением: «мы» и «они».) Экзотика остается – музейная: скарабей, мандрагора, восковые фигуры, маски примитивных народов. Восток – на Западе: «Бродяги дхармы», тантризм, боевые искусства. «О, дивный новый мир!» Антиутопия? Никак. Предлагайте иные жанры, другие мениппеи. Новое летосчисление уже изобрели.

3. ЭВОЛЮЦИОННО-ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ТРИАДА: ВЕЩИ, ИДЕИ, СЛОВА. ЛОГОМАХИЯ: АГОН И ПОЛИГОН

Мы не знаем. Камни знают.

Н. РЕРИХ

Я принадлежу идее.

С. КЬЕРКЕГОР

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.

А. ПУШКИН

Всё растерзано словами.

Ф. НИЦШЕ

Картезианское *Cogito*, как отмечает Ричард Рорти, позволило Локку и Канту развить эпистемологическую проблематику, заменившую схоластические установки. Но это не делает эпистемологию основанием всей философии; тем более недопустимо их отождествление. «Картина античной и средневековой философии, занимавшейся *вещами*, картина философии с XVII по XIX век, занимавшейся *идеями*, и картина просвещенной современной философии, занимающейся *словами*, вполне правдоподобны. Но эта последовательность не должна мыслиться как представляющая три разных взгляда на то, что является первичным или что должно быть положено в основание. Дело не в том, что Аристотель полагал, что лучше всего объяснять идеи и слова в терминах вещей, в то время как Декарт и Рассел поменяли этот порядок объяснения. Более правильно было бы сказать, что Аристотель не имел теории познания и не ощущал в ней необходимости и

что Декарт и Локк не имели теории значения»¹. Весь язык и все рассуждения в нем упираются именно в *значения*, поскольку *знаки* сами по себе ничего не решают. Мы читаем в текстах не знаки (алфавитные, иератические, демотические), а *смыслы*, которые передаются значениями. Философия обогащается тогда, когда возникает множество новых проблем, а старые уходят в архив. Нельзя не учитывать и необходимость иных прочтений традиционных вопросов.

Поклонение вещам (фетишизм) относится к древнейшим формам сакральных представлений. Древние греки воздавали почести некоторым грубым, необработанным камням². *Мегалиты*. Известно, что поклонение черному камню (очевидно, ксенолиту) сохранилось у мусульман до сих пор (*кааба*). Имеются основания считать, что первичной формой религиозных интенций был *тотемизм*³. Зооморфный тотем и обряд ритуального поедания тотемного животного: «Кости тотема, его лапы, хвост, голова, рога, зубы и т. п. считаются священными фетишами, наделенными сверхъестественными свойствами»⁴. Исследователи глубокой архаики полагают, что различные формы первобытных религиозных верований (поздний палеолит: гилозоизм, анимизм, тотемизм, магия) были тесно связаны между собой.

Предметафизику греков обычно начинают с мировоззренческой аккумуляции мировых «стихий» – тетрада: вода, земля, воздух, огонь. Потом будет уже абстрактный *анейрон* (Анаксимандр).

Особо выделяется Гераклитов «огнелогос»: своеобразный (теопрофанный) принцип партиципации, где стихия, *Огонь*,

¹ Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. – Новосибир., 1997. – С. 194.

² Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. – МГУ, 1970. – С. 28.

³ Дониини А. Люди, идолы и боги: Очерк истории религии. – М., 1962. – С. 20.

⁴ Борисковский П. М. Древнейшее прошлое человечества. – М., 1957. – С. 207.

выступает в единстве со словом, законом, порядком – *Логосом*. Душа человека – одна из метаморфоз огня. Логос является вещественно-материальным и психически-разумным¹. Тут первичное решение проблематики *дуализма*, т. е. наличия в мире двух начал – материального и психейного: *огнелогос*. Нечто подобное в наше время высказал Николай Гартман. Но эта картезианская дихотомийная аксиоматика, очевидно, подвешена к Небу (Ж. Моно). Тут ожидать своего «гиперцикла» не приходится. Антецедент – нейронные сети как непосредственный «датчик», консеквент – восприятия, концепты, идеи, душа, дух.

Если возможен апейрон и новейшая микрофизика (всё есть всё); если огнелогос соединяет Материю и Психею; если *dii otiosi* возникли в глубокой древности, то почему нельзя уступить моноидеизму. *Спиноза*: «Нужно искать такой идеи, из которой можно извлечь всё»². *Аристотель*: Душа есть в некотором роде всё сущее. *Флоренский*: микрокосм впереди макрокосма. Врожденные идеи: *Лейбниц*. Абсолютная идея. Бытие. – Первоединое.

Мы уже перешли к *идеям*: идеаторная фармакопея. Поскольку философия тут должна главенствовать, то для охлаждения восторгов нам будет нужен кенигсбергский корифей – Иммануил Кант: «В метафизике можно беззаботно врать всякий вздор»³. В идеологемах еще более. Они предназначены для самовнушения (власть имущие), для управления массовым сознанием, для политнарциссизмов, социэтнических превосхождений и прочих дисбалансов, за которыми некий порядок и режим (*Neues Ordnung*, к примеру). «Мы идеи, но не люди», – говорил Андрей Белый⁴. Идеология – та же религия, когда последняя отринута или когда от нее остается только: *Gott mit uns*.

¹ Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981. – С. 135.

² Спиноза Б. Избр. произв. М. 1957. – Т. 2. – С. 598.

³ Кант И. Прологомены. – М.; Л., 1934. – С. 233.

⁴ Белый А. Соч. – М., 1990. – Т. 1. – С. 296.

Согласно древневавилонским представлениям, боги сотворили человека для того, чтобы люди поклонялись им, приносили жертвы, соблюдали ритуальные установления¹. Но то же самое в идеологемах: преданность верхам (присяга, митинг, парад) и жертвоприношения (душегубки, «Колымская тетрадь»).

Идеаты – всегда суррогаты, префиксы ко всем жизнетворениям, как было во времена примитива, которые унаследовали *алчерингу*, т. е. извечные, архетипические образцы (изразцы на плиточной опалубке).

Китайская живопись, идеационная. Она генетически связана с «понятийными» рисунками примитива (отсюда производят иероглифы и позднейшие концепты). Китайский художник ищет и находит основную *идею вещи* в противоположность *визуальному* восприятию вещей, где ракурс, освещенность, субъективное восприятие предметов². Тут своеобразные идеогаммы, отражающие в себе общие установки древнекитайского мировидения, отложившиеся в гексаграммах и даосизме. Невыразимое *Дао* на рисунках символически представлено свободной поверхностью светлых тонов.

Идеаторный принцип живописи не является, вообще говоря, специфически восточным. Он встречается в разных культурах и в онтогенезе художественного сознания. Как прием он связан с «усеченным» представлением объектов, когда сохраняется лишь некий минимум их характерных особенностей³. Указанный подход нашел применение в машинных методах распознавания образов, а также в различных стилизациях.

Историческая *деконструкция* идеатов, где эмбрионы, личинки и сомнамбулы всех протофилософов, жреческих откровений и мистицизмов, – уводит нас в глубины архаики. Метатрадиция – «желание выставить свой культ более древним, а

¹ Дьяконов И. М. Люди города Ура. – М., 1990. – С. 17.

² Роули Дж. Принципы китайской живописи / Пер. с англ. – М., 1989.

³ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Пер. с нем. – М., 1974.

следовательно, и истинным»¹. Наследие *алчеринги*. Утонуть в абиссальных слоях Сознания (подсознания уже) и выловить там золотую рыбку бесспорных истин, которых вообще нигде не водится. Якорь брошен, но эхолот сфальшивил. Свидетельства, скажем, коранические или ветхозаветные (героические сказания), это внешний, поверхностный слой дискурсивных наносов, истоки которых теряются во тьме ночной и доисторической. «Религиозно-мифологические представления отражают не современную, а предыдущую стадию историко-культурной эволюции»². Но «современность» была на плаву в любые эпохи. Архаика начинается у архантропов – в долине реки *Neander*, где обитали неандертальцы (*У. Голдинг*. «Наследники»).

Наследники – это мы, уже постмодерные и невероятные, хранители всех историзмов, пробабиллизмов и абсолютизмов (верность своему Тотему, догматике, аксиоматике). Мы всегда вчерашние, прошлогодние и допотопные. Если разобраться и признаться *urbi et orbi*. И нет исхода. Выбор – потлач экзистенциалистам? «На свете может быть выбор только между одиночеством и пошлостью»³. Одиночество в толпе, суетне («жизни мышья беготня»), на всемирном торжище людском и в железной хватке осьминога – массового сознания и СМИ. Сказано гениями: «*Мы живем не в том мире*» (Артур Рембо). Выпасть из гнезда можно только...

Ретардация–1. Древнегреческие «стихии» как субстанции для возникновения миров – ступень высокая по отношению к древнейшим космогоническим событиям.

Вавилонский миф «Энума элиш» (эпическая поэма) дает картину сотворения мира в результате борьбы бога Мардука (креативное начало) с первичным хаосом – чудовищем Тиамат (букв. «море»). Ее истоки – шумерийские; сложилась она,

¹ Финикийская мифология. – СПб., 1999. – С. 67.

² Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита. – М., 2000. – С. 259.

³ Шопенгауэр А. Избр. произв. – М., 1992. – С. 299.

повидимому, в эпоху Хаммурапи, когда вавилонское жречество стало изображать Мардука в качестве верховного бога и творца вселенной. (На земле централизация власти, утверждение единодержавия; на небе – монотеизм.) Космогония «Энума элиш»: бог весеннего солнца и его творческой силы Мардук, начало порядка, света и добра, побеждает темные силы – расчленил тело Тиамат на части (сфарагмос), из которых создается мир.

Туловище рассек он, премудрое замыслив:

Точно раковину, разделил его на две половины.

Одну половину воздвиг он небесной крышей.

Далее бог-творец распределяет на небе созвездия, устанавливает их течение и, наконец, создает человека, призвание которого – «забота о богах».

Весь миф был целиком заимствован из Ассирии. Мотивы его сохранились в библейской и античной литературе.

«Шумерийская культура легла в основу развития всех позднейших культур Передней Азии»¹. Библейские Заветы отнюдь не оригинальны, они составлены относительно поздно из элементов сакрально-мифических и культурно-исторических, исходно сложившихся в древнем Египте, Вавилонии, Финикии и доисламском Иране.

Деконструктивные анализы меняют нашу онтологию, культурологию, аксиологию, филологию (непереводимость сакрализованных текстов), ритуалистику, сфрагистику, оккультистику, а предфилософию начинают с шаманизма, где экстаз и суггестия (массовая и экзистенциальная).

Выше упоминалось о метатрадициях, которые пронизывают многослойность культурно-исторических формаций. Таковы Дао-принципы и Конфуцианство в Китае, дзэн-буддизм (от Индии на Восток). Традиции освящались, канонизировались, а потому и поддерживались неукоснительно.

¹ Авдиев В. И. История древнего Востока. – ОГИЗ, 1948. – С. 67.

Русские путешественники открыли в Центральной Азии развалины тангутского города Хара-хото («черный город» на монг. яз.), расположенного в дельте Эдзин-Гола. Благодаря сухому климату Монголии, «большинство книг и рукописей, равно как живопись, поражают своей свежестью после того, как они пролежали в земле несколько веков»¹. Выявлены своеобразные черты тангутской живописи, отличающейся от тибетской и китайской. Тангуты этнически родственны тибетцам; письменность идеографическая. «В тангутской иконографии строго придерживались установленных канонов, поэтому художники использовали трафарет. Малейшее отступление, например ошибка при изображении божества, рассматривалось как большой грех. Считалось при этом, что икона теряет свою святость»². Композиция строго симметрична и отличается крайней условностью и схематичностью (сильная редукция). Обычно изображены три фигуры с главным персонажем в центре и фризами сверху и внизу. [Вспомним «Троицу» Рублева.] Божества стоят или сидят прямо и лицами обращены к зрителю. Жесткая каноничность требовала от тангутских живописцев четкости форм – яркими красками заполняли они сплошь фигуры и предметы, не делая смягчающих переходов и теней. В результате иконы становятся очень яркими и декоративными. [Проект для футурологического фовизма.]

На далеком Западе Генрих Гейне писал: «Мастерство колорита рождается в душе художника и зависит от единства его чувств»³. Тут надо учитывать и культурные традиции – местные (оазисные) и общепарадигмальные (дзэн). Локус формирует свой космос (палитра).

¹ Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. – М., 1947. – С. 300.

² Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. К. Мертвый город Хара-хото. – М., 1968. – С. 26.

³ Гейне Г. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1936. – Т. 6. – С. 250.

Ретардация–2. Эпическое время как метапарадигма и шанс на выживание: бриколаж для *Homo novus*. Мифологемы не угадают. А. Ф. Лосев пишет: «...В эпосе мы обычно находим нагромождение разных событий, плохо связанных между собою или никак не связанных. Это нагромождение доходит иной раз до ничем не объяснимой противоречивости и даже до полной утраты связи отдельных эпизодов с целым. В повествовании постоянно возникают случайные замедления, сосредоточение внимания на каких-нибудь третьестепенных предметах, невнимание к последовательности рассказа, постоянные повторения одного и того же, многократные возвращения назад, так что возникает и постоянное эпическое колебание между прошлым, настоящим и будущим»¹. В этой картине просвет мифологического мировоззрения, согласно которому нет маркированного начала действия и фиксированного окончания и все равно, давать ли закругленное (окольцованное) целое или представлять его в виде разрозненных кусков. Такова вообще логика вечности, связующая миры и кумиры. Отсюда *эпический театр* Бертольда Брехта и фрагментарность дискурсивностей – фатических или образцово-стилистических (Ницше, Батай).

«...Эпическое время, – продолжает А. Ф. Лосев, – есть всё то же самое мифологическое время, но с показом всякого неустройства и пестроты жизни, без чего невозможны были бы и самые подвиги эпического героя. Эпическое утешение, эпическое спокойствие, эпическая бесстрастность являются прямым результатом именно этой всеобщей пестроты и дисгармоничности, покрываемых такой же бесстрастностью мифологического времени»². Таков гомеровский эпос «Илиада» и «Одиссея». И весь корпус эпических сказаний Востока и Запада.

Заметим, что ныне вместо эпических героев – человек обыкновенный, распятый на крестах вдоль бесконечной Аппи-

¹ Лосев А. Ф. Античная философия истории. – М., 1977. – С. 42–43.

² Там же. – С. 44.

евои дороги, где великий Рим развесил прибитых гвоздями инсургентов-спартаковцев. И еще: нагромождение неустойчив выплекается на «кухне ведьмы» – по «Макбету» и «Фаусту» или по сценариям закулисной политологии.

И без особой адской режиссуры, которой заведует демон Асмодей (опять же по «Фаусту»), *Ното novus*, оставаясь на тесной площадке Антропного принципа, оторвался от своей истории. *Ле Корбюзье*: «Гигантская, всеокрушающая, жесткая эволюция сожгла все мосты между нами и прошлым»¹. Потеряв свою историю, человек невольно обращается к доистории, глубокой архаике – деконструктивно и императивно («Зов предков»). Отсюда неомистицизм, эзотерика и потухший фагоцитоз (противостояние вредоносным агентам). *У. Росс Эшби*: «Мы построили цивилизацию, которую не понимаем, и мы обнаруживаем, что она выходит из-под нашего контроля»². Дарвиновская теория бросила нас в апогей – на вершину эволюционики и на обозрение всем мирам: астрофизическим и космологическим. Но без герменевтических пониманий и контроллеров, которые были бы у нас в руках. И без футурологии – витальной и не слишком скандальной. «Эволюция сделала нас теми, кто мы есть, но она не может гарантировать нашего будущего»³. Выпадение человека из контекста биотического (прогрессирующее разрушение природной среды) и социокультурного (массовый психоз, анабиоз и эрозия человеческого фактора).

«Вещный» период миропредставлений не остался только в изначальном философском мышлении. Элитарная метафизика Гегеля сохранила в себе принцип тождества умозрений и вещей, характерный для архаики. Формальная истина ограничивается

¹ Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М., 1970. – С. 27.

² Эшби У. Росс // Автоматы: Сб. статей. – М., 1956. – С. 281–282.

³ Кууси П. Этот человеческий мир / Пер. с англ. – М., 1988. – С. 250.

тем, что я знаю, как нечто существует. «Истина же в более глубоком смысле состоит, напротив, в том, что объективность тождественна с понятием». «...Предметы *истинны*, когда они суть то, чем они *должны* быть, т. е. когда их реальность соответствует их понятию... Однако совсем без тождества и реальности ничто не может существовать... Насквозь плохое или неприемлемое для понятия есть именно поэтому нечто распадающееся в самом себе. Вещи в мире обладают прочностью единственно лишь через понятие...»¹. От архаики через Парменида к Гегелю: стрела познания. Но сколько вокруг нас и экзистенции нашей вещей, событий, явлений внепонятийных, сокрытых, неуловимых! Параллельные миры – куда их пристроить?

На пороге Постмодерна, где Мы, – эпоха вещизма. Формируется установочно человек–вещь, объективированный и функционально пригодный. Вещь среди иных вещей – возврат к раннефилософским представлениям. *Э. Мунье*: «Наше время, посредством самых разнообразных учений, все больше и больше стремится обосновать общество, которое состояло бы из людей–объектов»². Технотронное, а ныне уже информационное, общество, – новый, небывший Левиафан. Анонимный постиндустриальный механизм. Произошел «полный отрыв человека от его почвы. Он становится жителем Земли без родины, теряет преемственность традиций. Дух сводится к способности обучаться и совершать полезные функции»³. Новый категориальный аппарат для социологии, антропологии и культурологии: полезность, функциональность, лояльность, стандарт, имидж, тест, фотогеничность, доход, фирма. *Г. Марсель*: «Индивид в настоящее время видится самому себе и другим всего лишь как элементарное сопряжение функций... Вдобавок, ему не ясна их иерархия, поскольку она становится предметом самых противоречивых интерпретаций»⁴. Всякая

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1974. – С. 401.

² Мунье Э. Что такое персонализм? – С. 78.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – С. 115.

⁴ Марсель Г. Трагическая мудрость философии. – С. 73.

личность изначально себя отвергает. Ей нет места в подлунном мире. Сбалансированный набор деталей, которые легко заменить. Ни к чему не обязывающие отношения: экология отчуждений. Экзистенция, имманенция, сущность, самость? Не слышали, да и знать не хотим. Работу бы не потерять... Выгорание лампадного масла в душе человеческой.

Не потому ли новейшая литература выдала нам романы Алена Роб-Грийе? Восстание против Бальзака, где психологизм. Поворот к вещному миру – *шозизм* (от франц. *chose* – вещь). Страхнуть с предметного мира «человеческое, слишком человеческое». Стать в позицию безразличного наблюдателя. Монтаж кадров, где одни только видимости, зримости, данности и никаких смыслов. Внимание обращено на расстояния между предметами (усеченный рельеф). Некий геометризм. «...Мир не является ни значимым, ни абсурдным. Он просто есть... Вокруг нас, бросая вызов своре наших животных или обиходно-бытовых прилагательных, присутствуют вещи»¹. Между треугольником Фреге (*значения* аннулированы) и «Тошнотой». В пределе «как в афишу коза». Исчезновение человека исторического (Дильтей), мыслящего (*Cogito* Декарта), впечатлительно-го (Марсель Пруст), психоаналитического (Фрейд, Юнг), психосинтетического и ожидающего «просветов Бытия». Фантом и фантош, которого дергают за ниточки.

Новый роман открывает нам «необычный характер мира, окружающего нас: необычный в той мере, в какой он отказывается соответствовать нашим привычным суждениям и нашему порядку». Возможные миры в плане выражения: сдвинутая стилистика существований. «На месте этой вселенной «значений» (психологических, социальных, функциональных) необходимо, следовательно, выстроить более прочный, более непосредственный мир. Пусть объекты и поступки воздействуют в первую очередь своим присутствием, и пусть его присутствие господствует и далее над любой теорией, созданной в целях

¹ Роб-Грийе А. Собр. соч. Дом свиданий: Романы. – СПб., 2000. – С. 452, 453.

объяснения и стремящейся замкнуть их внутри некоей знаковой системы – эмоциональной, социологической, фрейдистской, метафизической или любой другой. – В будущих романских построениях действия и объекты будут наличествовать, прежде чем стать чем-то; и они будут наличествовать и впоследствии, весомые, неизменные, всегда присутствующие, как бы насмехающиеся над собственным смыслом...»¹ Объекты, продолжает Роб-Грийе, будут лишаться присущего им непостоянства, таинственности, потеряют фальшиво-загадочный вид. Вещи перестанут быть неясным отражением неясной души героя, тенью его желаний.

Придется переименовать Гераклитову реку, куда нельзя войти дважды. *Наличие* предметов? А смена впечатлений? Изменились ракурс, профиль, освещение, расстояние: ситуации разные. Где тут константы, фигуранты, тождества? Где идентификатор присутствия одного и того же предмета? *Данности* определить, описать, выразить в точности вообще невозможно. «...Не существует неизменного и единственного отношения между моделью и моделируемым, символом и символизируемым... Нет необходимости и в буквальном совпадении модели и моделируемого объекта»². Между объектом и субъектом одни только модели и символы. Не может никакой *наблюдатель* оставаться неизменным хотя бы на секунду: душа как огонь (по Гераклиту), как вечное движение (по У. Джемсу).

А. Роб-Грийе отмечает крушение в литературе старого мифа о «глубине». Да мы с «поверхностями» («кожей»), где габитус, зримость, гризайль, видео, – не можем справиться: нет якорной стоянки для ключевых идентификаций предметов, о которых речь в дискурсивностях «нового романа». По существу, тут неявно эксплуатируется принцип рандомизации, т. е. усредненных (статистических) впечатлений, где никак нельзя обойтись без умозрений и гештальтов с их инвариантами – подповерхностными, которые за окулярным эпидермисом (в нейронных

¹ Там же.

² Клар Д. Системология / Пер. с англ. – М., 1990. – С. 406.

сетях и складках мозга). Такие вот сложные дела в простых, казалось бы, *наличиях*.

Хорошо, если речь идет о статуях, изваяниях, изображениях божественных персонажей (тангуты). Боробудур – величайшее святилище буддизма на острове Ява (Индонезия). Сотни статуй Будды, ступы, дагобы: отрешенность от мира. [А наш Иисус соединился с человеком на кресте, экзистенциально.] «И фигуры, и лица идеализированы, лишены индивидуальной характеристики. У всех покрытая локонами круглая голова, грустные полузакрытые миндалевидные глаза, изящные руки. Никаких деталей. Никаких отличительных черт». Образцовая популяция и теория множеств. «Впрочем, статуи Боробудура не всегда даже можно считать изображениями человека – правильное видеть в них воплощение абстрактной идеи в человеческом облике. Боробудур не официальное святилище, а своего рода трибуна, рассадник идей, которые проповедовались людьми, утверждавшими своеобразное равенство и отрицавшими правомерность власти и государства»¹.

Возвращаясь к текстам А. Роб-Грийе, отметим, что в романе «Ластик» фигурируют самостирающиеся следы. Деталь эта пригодится Жаку Деррида для коронации Археписьма. И еще. Опыты Роб-Грийе – своеобразная радикализация и пролонгация ключевой установки Владимира Набокова, решительно отвергавшего идеологизацию литературы.

Вещь – идея – слово. Троица и триада с наплывами слева направо и обратно. Слова (означающие) ушли от вещей (означаемых) только сейчас: *постструктурализм*. Археписьмо обустроило себя выше всех языков, идеограмм и гексаграмм. Даосы редуцировали речь–логос и все ментальности; из этих ничтожностей и надо смотреть на мир. «Выбора не существует. Вместо умножения оппозиций и движения к формализации, членораздельности речи–логоса Чжуан-цзы возвращает к неартикулированной целостности мира, слитности звука и смысла в дыхании, совпадению перемен и постоянства в едином потоке.

¹ Бродский Б. Романтические ведуты. – М., 1966. – С. 136, 138.

В мире, где ничто не реальнее всего остального, умственные операции оказываются ненужными. Лишь когда понята бесполезность мысли... можно постичь ее значение»¹. [Слитность звука и смысла: первооснова священных учений – *здесь*; на внешние языки они в принципе непередаваемы.] Неартикулированная целостность мира. Ну, а этажом ниже ничто не реальнее всего остального, так что однобокая (сколиозная) *différance* не имеет там никаких приоритетов, а тем более априорий. Грамматология не служила вместе с древневосточными откровениями. Не размышляй – и начнешь познавать Путь. Нигде не находишь, ни за кем не следуешь, ни по какой дороге не ходишь – и будешь обретать Путь². Грамматология ополчилась на все «центральные места». Но буддийская мандала без горы Сумеру немислима.

Слово и вещь как одно: так было у примитива и так осталось – с просветами (люфт) между ними и без таковых. Э. Ренан: «Мифология есть искусство наделяния слов жизнью». Метафорика, риторика, символика. Картина мира упрощается (анимизм) и в то же время усложняется: принцип двойственности. Разные бытийности, эссенциальности и тривиальности. Реликты первобытных адгезий, амальгам и тождеств. «Не быть вещам, где слова нет» (Стефан Георге).

Считалось естественным когда-то (палеоэтнография), что слова можно собрать в рукавицу и вернуть тому, кто их произнес (Д. К. Зеленин). А вот новейшие сомнабулизмы: «...Слова повсюду, внутри, снаружи, ну и ну... я весь в словах, сделан из слов, из чужих слов, чьих? Место тоже, воздух, стены, пол, потолок, все слова, со мной здесь целый мир... я и есть все эти слова, все эти чужие слова, словесная труха, не имеющая почвы, куда могла бы опуститься, не имеющая неба, где могла бы развеяться...»³ Словесность – *экзо* и *эндо*, и вокруг: атмосфера, экология, смог; слова – мои, во мне и я сам; чужие, ничьи, бездомные. Фильтры нужны, где активированный уголь: дышать нечем.

¹ Малявин В. В. Чжуан-цзы. – М., 1985. – С. 81.

² Чжуан-цзы. – СПб., 2000. – С. 54, 222.

³ Беккет С. Трилогия. – СПб., 1994. – С. 430.

Добавьте сюда нелингвистические языки, и мы утонем в ритуалемах. Тибет: нисхождение духа-хранителя (чойджона) на избранного прорицателя. *Г. Ц. Цыбиков*: «После окончания подхождения всех поклонников прорицатель вместе с духовными издает один протяжный резкий крик или вернее визг, похожий на звук «гис», ударяя при этом в ладони. С этим криком как бы вылетает дух-хранитель, и прорицатель, уже совершенно изнуренный, тяжело падает на кресло, и его почти на руках уносят в дуган [дом прорицателя]. Как не утомиться! Почти 2,5-часовое страшно напряженное состояние с утомительной мимикой и в значительно тяжелых доспехах!»¹ Магия торжественного церемониала – более сложная и в присутствии высокого клира – в общем напоминает шаманские камлания. Язык ритуалом с пеной на устах прорицателя.

Каждое Эго создает о себе миф – устный, книжный, анкетный, газетный. *Я-мифоид* оборачивается гиперолоидом, сдвигая себя под крышу множественного числа, где *Мы* (альянсы – это уже новое звездное небо). *Роберт Музиль*: «Когда один человек восхваляет самого себя, это считается признаком дурного тона, если не глупости; однако стоит людям объединиться в массу, партию, религиозную общину, нацию или еще во что-то, они принимаются восхвалять себя с полнейшим бесстыдством. Они начинают восхвалять себя, как только вместо «я» могут сказать «мы». Дескать, только мы стоим за правое дело, осенены Божьей милостью или призваны историей».² Безудержные этнолингвонарциссизмы. А вблизи «центральных» мест и вокруг тронного зала игры вовсе без никаких правил, не считая заветов от «Никколо М.».

Табуация: запретные слова³. Табу на имена собственные, имена правителей и священных особ, имена богов. Первобыт-

¹ Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. – Новосибир., 1991. – Т. 1. – С. 127.

² Музиль Р. Малая проза: Избр. произв. – М., 1999. – Т. 2. – С. 199–200.

³ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М., 1980. – С. 277–296.

ный человек считает свое имя неотъемлемой частью самого себя. Туземцы племени толампу (остров Сулавеси) верят, что, записав имя человека, вы можете унести и его душу. Людям из царства Гера (Африка южнее Сахары) под страхом смертной казни запрещалось произносить имена своих правителей. – Нынешняя политология знает свои табуизмы: она не говорит ни с кем открытым текстом.

Культурные герои попадают в критические сказы. Согласно представлениям ненцев, верховное божество Нум сделало землю гладкой, хорошей. Прошел по ней Мамонт и всё испортил. Так образовался видимый ландшафт – горы, реки, озера. В сказаниях долган аналогичная мифосюжетика¹. Зооморфный культурный герой, демиург.

Отождествление слова и вещи удержалось в японской поэзии. Тут больше метафористики, иносказаний, намеков. «... Японская поэзия демонстративно подчеркивает тождество слова и вещи. Стихотворение нередко посылалось адресату вместе с какой-нибудь вещью, чаще с веткой или цветком, и их названия служили основой построения омонимического тропа или указывали на элемент природного ряда, с которым в данном стихотворном послании отождествляет себя адресант»². Предикатом вещи служит другая вещь.

Но каньон (люфт, просвет, дистанция) между словами и вещами необходим. *А. Бергсон*: «...Мы не видим самих вещей, чаще всего мы ограничиваемся чтением наклеенных на них ярлыков». Логосы, эйдосы, концепты, с одной стороны, и реальные предметы, с другой, строго говоря, несоизмеримы – они принадлежат разным мирам: «из понятий и точек зрения никак не построить вещи». Метафизика с ее высшими абстракциями – бездонный *Кенотаф*, вокруг которого выстраиваются системы и эпистемы, стоят на ходулях осново-

¹ Попов А. А. Долганский фольклор. – Л., 1937. – С. 85.

² Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей: (Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики). – М., 1995. – С. 204.

положники, чуть ниже комментаторы, а в отдалении школяры, студии и бакалавры.

Сбросить бы вербальную хламиду и увидеть мир, себя самого в нем без всяких баррикад, эскарпов, посредников и проповедников. *Физика* вещей хороша и без *лирики*, словесных выкрутасов и калемасов (тамтам). *Г. фон Клейст*: «Язык, ритм, благозвучие и так далее – как ни великолепны все эти вещи, поскольку они таят в себе бога, сами по себе... они не что иное, как истинное, хотя естественное и необходимое неудобство; и с ними у искусства должна быть одна забота – по возможности *свести их на нет*. Я изо всех сил стараюсь придать выражению ясность, строю стиха значительность, звучанию слов изящество и живость – но только для того, чтобы эти вещи совсем не были видны, а видна была единственно мысль, которую они в себе заключают»¹. А ныне в почете любое словоблудие, лишь бы удивить критику и публику формальной новизной и неестественностью текстов – опусов, казусов и проказусов (языковые лепрозории). Плетение словес: *чем случайней, тем вернее* – не как в наставлениях Поля Верлена, а наоборот.

Истина слова. Культ имени. Архетип и генотип всех истин – высшая сакральность, всеединство и безымянность. «В начале было слово... и Слово было Бог». Ветхий завет: «Бог твой един есть». *Николай Кузанский*: «С другой стороны, единство есть имя бога не в том смысле, в каком мы обычно именуем или понимаем единство, потому что как бог превосходит всякое понимание, так тем более он превосходит всякое имя. Имена налагаются сообразно нашему различению вещей движением рассудка, который много ниже интеллектуального понимания; рассудок не в силах выйти за пределы противоположностей, и нет имени, которому в его движении не противопоставилось бы другое. Соответственно, единству в движении рассудка противоположно множество, или многочисленность. Богу подходит не это единство, а такое, которому не противоположны ни раз-

¹ Клейст Г. фон. Избранное. – М., 1977. – С. 519–520.

личие, ни множество, ни многочисленность. Такое единство и будет его максимальным именем, свертывающим всё в простоте своего единства. Это имя несказанно и превосходит всякое понимание»¹. В апогее – Аноним и сакральная Апофатика, да и метафизическая тоже, поскольку Бытие того же извода, из того же огорода, где кончается всякая ментальная категориальность, а тем более однобокий монстр под названием *Différance*, ибо и названий на высоте всех высот никаких не бывает. Гибель титанов.

Согласно текстам Ригведы, Бог стал первым «установителем имен»; однако он дал имена лишь младшим божествам. Начало же человеческой речи положили люди – мудрецы, руководимые богом красноречия и поэзии Брхаспати. Отсюда возможность «искривления имен» и необходимость *исправления имен*. Последнее – конфуцианская программа, скажем прямо, утопическая, ибо человечество, бездумно уничтожая сельву *тропическую*, было всегда озабочено культивацией сельвы *лингвистической*. Мы увязли с головой в словах, именах, метафорах, ритмах, а теперь и алгоритмах; придавлены конфронтацией этнонимов; ослеплены (*Э. Канетти*. «Ослепление») блеском «алтарных имен» и прибиты на крест Информатики. *Лао Цзы*: «При установке порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел их употребления. Знание предела позволяет избавиться от опасности»². Никаких заветов люди никогда не исполняли (повторяя их наизусть) – ни которые от Неба, ни которые от мудрецов древнейших и позднейших. «Истину» же ищем на исторических глубинах, где Финикия, апостолы и блаженные, не считая дервишей, воющих и кружащихся. «Устои рушатся в провалы» (оставаясь на посту) – и вот: катаклизмы в способах *номинации*. Переклеивание этикеток на адстратах, геотектонические их сбросы в мусоропровод, шествие флами-

¹ Кузанский Николай. Соч. – М., 1979. – Т. 1. – С. 88–89.

² Древнекитайская философия / Пер. с кит. – М., 1972. – Т. 1. – С. 125.

нов с традиционными факелами: линияют оборотни, хамелеонствуют идеаты, симулякры и созвездия.

Восхождение к небесам через ономастику – синдром богоравенства. П. А. Флоренский: «Имя вещи суть субстанция вещи... Вещь творится именем, вещь вступает во взаимодействие с именем, подражает имени. Имя есть метафизический принцип бытия и познания». В имени надо видеть «узел бытия»... Имя – сгусток благодатных или оккультных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами; оно – божественная сущность, несет в себе мистические энергии». Экзальтированный дифирамб, который годится для всех времен (архаических и ближе), теологом, спиритуалем и для любой эзотерики.

Ни в сказке сказать, ни пером описать, какие ужасы, опустошения и наваждения принесли имена в истории человеческой (тут же консистория). А. Ф. Лосев: «И молимся мы, и проклинаем через имена, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир»¹. И не отбушевало в прошлые веки – бесчинствует поныне. Тайфун, цунами и трясение тверди под ногами. Апофеоз и анафема – именам. Цикута и анчар для потравы их. Но они живут и здравствуют – гиперболоиды для гоминоидов. Регенерация в диахронии и синхронии. По словам поэта:

Придут иные времена –
Взойдут иные имена.

Неужели не повзрослеют инфантилы? Было много чудес – библейских, сказочных, фольклорных и рукотворных («Семь чудес света»). Инфанта станет королевой. Но человек не

¹ Лосев А. Ф. Философия имени. – М., 1990. – С. 166.

дрогнет в перерождениях (ламаизм) и просветлениях (буддизм). Олдос Хаксли – открытым текстом, экспрессивно: «Мир – это убежище извращенных идиотов» («Контрапункт»). Иеремиада, инвектива? От стенки горох.

Алтарные (узловые, ключевые, опорные и огнеупорные) имена и образы теряют память о своем происхождении. Древняя Индия: «...Идея кармы и переселения душ [метемпсихоз], практика йоги, религиозные философские идеи, концентрирующиеся вокруг понятия божества в образе Шивы, Деви и Вишну... всё это и многое другое в индуизме и в индуистской мысли представляется неарийским по происхождению»¹. Аналогичную ситуацию мы находим и в других культурах – древних и более поздних.

Человек наших времен существует и бытийствует в интервале между двумя крайностями – нет, уже обыденностями, проходными и brutальными сразу. Первая из них геометрически-линейная: здесь обитает *одномерный человек* (Г. Маркузе), который весь во власти потребления, где вещная среда, дизайн, комфорт, сервис и реклама. Вторая – *безразмерная* – бросает ювеналиев на дно, где расчеловечивание, декультурация и сомнабулизм. Первоисточки: шаманизм (где-то Иоанн Предтеча), кружащиеся и воюющие дервиши и медитация. «Благодаря используемым в шаманской мистерии символическим, образным средствам стирается граница между действительным и сверхъестественным (воображаемым, трансцендентным) миром. Шаманский ритуал представляет собой реализацию модели целостного мира, выработанной в рамках архаических культур»². Новейшая культура – тонкий, почти молекулярный и хрупкий слой на эпидермисе человеческом. Результат прививок, инъекций, маск-парадов, императивов, которые не имеют глубоких, остеологических корней в социальной органике. Э. Ремарк:

¹ Чаттерджи С. К. Введение в индоарийское языкознание / Пер. с англ. – М., 1977. – С. 64.

² Поликарпов В. С. Наука и мистицизм в XX веке. – М., 1990. – С. 10.

«Культура – тонкий пласт, ее сможет смыть обыкновенный дождик»¹. Охранных грамот не дано. А если обрушить на индивида шквал аудио-видео эффектов (не считая тактильных), то человек остается наедине с Бессознательным, где темная инстинктуальность, импульсивность и зов далеких предков.

Жан-Поль Режимбаль, религиозный и общественный деятель и специалист по криминальной психиатрии, бьет тревогу в связи с планетарным явлением, получившим название *рок-н-ролла*. Вначале «рок» не принимался всерьез: еще одна мода, поветрие, как буги-вуги и твист. Оказалось: «Впервые в истории человечества социальная, экономическая и культурная революция выбрала путь возвещения своего радикализма через музыку, песни и артистических звезд». С начала 50-х годов «он успел обрушить на мир целую волну грязи, шлаков, крови и человеческих жертв и превратился в самую мощную революцию тел, душ и сердец, которая когда-либо, по выражению Режимбаля, исходила из адских недр»². Тут не *сверхъестественное*, а *неестественное*, бесчеловечное в контексте новейших техногенных культур.

Разработана техника подсознательных сообщений (запись фраз наоборот, где нагнетается культ Сатаны и т. п.) Звезды рока (Джон Леннон, серия ЖЗЛ) становятся не только образцами поведения, но и боготворимыми идолами. Феномен «диско» теперь уже стиль жизни, способ развлечения и особая атмосфера бытия. «Последствия прослушивания рок-музыки связаны с пятью главными темами мира рок-н-ролла: секс, наркотик, бунт, ложная религия и сатанинский культ»³. Мышление, сила воли и нравственное сознание подвергаются столь сильному воздействию со стороны чувственных эффектов, что способность к здравому суждению и сопротивлению минимизируется и даже полностью нейтрализуется. Высшие отделы

¹ Ремарк Э. Тени в раю; Жизнь взаимы. – М., 1989.

² Режимбаль М.-П. Рок-н-ролл // Образ человека XX века: Рефер. сб. – М., 1988. – С. 217.

³ Там же. – С. 231.

сознания сдают свои позиции. Нельзя не видеть здесь преемства с ницшеанским (и древнегреческим) дионисийством, а еще глубже с докультурным поведением Трикстера, с которым «человек внутренний» никогда не расставался. Диоскуры.

Что касается высокой культуры, то порнолатрия Жоржа Батая вписывается в тандем, где «anti» по отношению к общепринятым нормам. Порыв, спонтанность и прорыв за горизонт сложившихся представлений. «Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, – можно считать, что он состоялся. В частности, через это и состоялась литература, отдавшая предпочтение вызову как порыву»¹. Подводя своеобразный итог собственной неординарной деятельности, Жорж Батай определился так: «Я охотно сказал бы, что горжусь более всего тем, что смешал карты... то есть тем, что соединил самый неугомонный, самый шокирующий, самый скандальный смех с наисокровеннейшим религиозным духом»². Идиостиль французского писателя – своеобразная функция отклика на раблезианство.

Если обратиться к первобытным миропредставлениям, то мы убедимся, что человек архаических времен не стремился унифицировать свои знания. Островные, оазисные, лоскутные вырезки. «...Практические (промысловые) навыки, секреты «тайных союзов» и, наконец, священные мифы – высшие тайны племени или рода – для него, в сущности, несопоставимы. Знания человека современной культуры лишены подобной ценностной окраски; он не проводит принципиального различия между, скажем, своими познаниями в области астрономии, умением водить автомобиль или владением иностранными языками»³. (Религиозные доктрины не в счет.) Несопоставимость интенций, эминенций и взглядов (точки и кочки зрения) сохранялась во все времена. Нувориши и апаши, свой / чужой

¹ Батай Ж. Литература и Зло. – М., 1994. – С. 12.

² Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб., 1994. – С. II.

³ Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. – С. 5–6.

(минеральная память), а совсем недавно *black and white* – межвые грани, где изваяние бога Термина.

«Зов предков»: Первобыт, где всё есть всё. К этой метапарадигме пришла новейшая микрофизика. Постмодерн отказался от единых подходов и стилизаций в искусстве. Времена безвременья смешали вместе архаику и модерн, инфы и мифы, ритмы и алгоритмы, имидж и самость, каденцию и экзистенцию, метафизику с лирикой («фундаментальная онтология» как лирическая онтокосмология, пародийная); элементарные частицы стали теорией струн.

Не удивительны такие интенции:

«Всё перепутать, всё смешать в одно».

У. ЙЕЙТС

«Мне нравились несопоставимые сопоставления».

«Мне бы хотелось перепутать всё на свете».

Э. РЕМАРК

Снова гумус, меон, сапропель, компост, агломерат и небывшая сфарагматика – постгерниканская. «*За сотворенье мира принимайтесь*» (Ирина Снегова). Задание В. Розанова – «Нужно открывать действительность»¹ – прямо не выполнимо. Мы обитаем в перистальтике Левиафана.

¹ Розанов В. В. Мимолетное. – М., 1994. – С. 249.

Существуют случайные вещи –
Я и Мир.

ГЕГЕЛЬ

И всё же в суетности брэнной
Нас вещи смущают сны,
Когда стоим перед вселенной
Углублены, потрясены.

А. БЕЛЫЙ

Наш глобус – глухомань
В космической пыли.

ЮННА МОРИЦ

Домен второй

АРХИТЕКТОНИКА И КРИПТОГРАФИЯ ПСИХОМЕНТАЛЬНОСТЕЙ. ПО ТУ СТОРОНУ ИЕРОГЛИФА

В первобытных и архаических культурах вселенная мыслилась как вертикально-трехчастное образование, имеющее антисимметричную структуру. Срединная ее часть – это ойкумена, населенная людьми (Поднебесная в китайской версификации.) Верхний мир – обитель небожителей (пантеон, Олимп). Нижний мир: шеол, аид, преисподняя, царство Осириса. Там злые духи, нечистая сила и «страшный суд». Согласно традиционным верованиям якутов (тюркоязычный этнос), в верхнем мире находились божественные персонажи. Глава пантеона был творцом вселенной и «кут» – жизненной силы людей. Нижний мир описывается как сумрачная страна, где обитали враждеб-

ные людям духи¹. Шаманы, пройдя все ярусы подряд, могли подниматься в небо или опускаться в подземелье для магического решения своих «профессиональных» задач. *М. Элиаде* полагает, что представление о трех подразделениях (уровнях) космоса, выработанное с помощью моральных предписаний и распространяемое посредством человеческой мысли, является очень древним, поскольку оно имеется у пигмеев племени семанг в Малайе и у других народов, находящихся на самой ранней стадии культурного развития². *Р. Генон*, рассматривая «три мира», представленные в «Божественной комедии» Данте, предлагает индуистские троичные деления: *самтв* (высшее состояние духа), *раджас* (промежуток, трансформация) и *тамас* (низшее состояние, инстинктуальное), – соотнося их с небом, атмосферой и поверхностью либо недрами земли, а также со сверхсознанием, сознанием и бессознательным³. Тут проективно встает на горизонте психоанализ.

Архаическая психокосмология стала своеобразной прелюдией или увертюрой к метапсихологии Зигмунда Фрейда, где ключевую роль играет его триада: Эго, Супер-Эго и Оно. Эго (Я) – интимное и трудно уловимое ядро (кern) личности и самости. Супер-Эго (Сверх-Я) – там логосы, онтологемы, аксиомы, императивы, синклит, синедрион, риторика и Апофатика (иерофаня ниоткуда). Оно (Ид, Подсознание): лунная сторона Психеи, интуиция, ауспиция и вся мантика, воображение, вдохновение, архетипы, прототипы и память гена, где копошатся и рвутся на волю «старые демоны», где ризома для цыкуты и тератомика. Хтоники, тектоники (антропоморфная), шаманский бубен и рок-н-ролл. *Alter Ego*, Сатанаил и Джек-потрошитель – здесь. «Затерянный мир»? Открытость миру.

Эго–функция сознания – слуга двух господ и третьей суд. Она каким-то образом уравнивает притязания Бессо-

¹ Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибир., 1984.

² Eliade M. Images et Symboles. – Paris, 1952.

³ Guénon R. L'Esoterisme de Dante. – Paris, 1949.

знательного и «прокуратуру» Супер-Эго. В то же время ее задача контролировать взаимоотношения личности со средой, социальной и природной («принцип реальности», по Фрейду). Решение уравнений со многими неизвестными, которые вообще не решаются. Ситуация вокруг Я–сознания драматична, комична, трагична, театральна и скандальна. Обстоятельства могут загнать Я–экзистенциал в тупик или бросить в анабиоз. Обычно же – раскол. *П. Блонский*: «В наши дни... философия и душа философа слишком часто и слишком резко перестают иметь что-либо общее друг с другом»¹. В пасти Дракона – серный дух.

Наша Галактика бросила сапиенсов вместе с триадой Фрейда и галактикой Гутенберга на скользкую и тесную вершину *Антропного принципа*, где трещат и выгибаются меридианы и параллели под напором Геополитики, которая не дремлет под звездой Вотана.

Готфрид Бенн, немецкий поэт: Плохая память у всемирной истории. Лидеры и прочий народ ничего не хотят помнить. «Я думаю, иными словами, что всемирная история как целое – явление в высшей степени фрагментарное»². Но сфарагматика подобного рода – игра, не более. Просто в глобалистике никогда ни у кого не было *исторической ответственности*. Прав Шпенглер: Всечеловек – это Миф, Апофатика, которая всюду, везде и нигде. Палеонтология не осталась только в учебниках и музеях для ротозеев. А это все Мы.

Один абзац Антропному принципу. *С. Хокинг*, звезда первой величины в новейшей космологии. Сильный вариант антропного принципа «заключается в том, что существует либо много разных вселенных, либо много разных областей одной вселенной, каждая из которых имеет свою собственную начальную конфигурацию и, возможно, свой собственный набор научных законов. В большей части этих вселенных условия были непригодны для развития сложных организмов; лишь в

¹ См.: Трубецкой С. Н. Соч. – М., 1994. – С. 41.

² Называть вещи своими именами. – М., 1986. – С. 324.

нескольких, похожих на нашу, вселенных смогли развиваться разумные существа, и у этих разумных существ возник вопрос: «Почему наша Вселенная такая, какой мы ее видим?» Тогда ответ прост: «Если бы Вселенная была другой, здесь не было бы нас!»¹ Уроборос: космологический инцест или просто игра слов, по Витгенштейну.

Человек – на вершине трех зиккуратов сразу: (1) эволюционная космология и *Мы* как наблюдатели (соавторы Вселенной, которую изучаем: «статистика наблюдений»); (2) Психея, тоже эволюционная, с ее высшим произведением, где Логос, *Ratio*, Интеллект; там же криптограммы Бессознательного, дергающие нас за ниточки; (3) Язык, вербальная вселенная, где мы на плаву, где эйдосы и скольжение по их флористическим побегам. Кто-то сообразил, что Язык есть дом Бытия (или даже пастух на баварских выгонах). Но это уж слишком плоскодонно.

Однако Уроборос, о котором только что говорилось, это герменевтический круг, неизбежный при исследовании сложных систем. П. Девис подчеркивает, что «даже существование разумных существ сильно зависит от структуры физического мира, который они изучают»². Нет ничего удивительного, что имеется тесная связь между человеком и галактикой.

Единство Человека и Галактики проявляется в их резонансной связи. Человек представляет своеобразный резонатор, настроенный на внешний мир и, в конечном счете, на Галактику. «Информация в организме передается молекулами и ионами... Рецепция информации сводится к узнаванию молекул молекулами, она определяется их взаимодействиями»³. Химическая форма движения содержит в себе физическую, поэтому молекула способна быть рецептором изменений внешней физической среды. Физические поля создают возможность для дис-

¹ Хокинг С. От большого взрыва до черных дыр. – М., 1990. – С. 110.

² Девис П. Случайная Вселенная. – М., 1985. – С. 134.

³ Волькенштейн М. В. Молекулярная биофизика. – М., 1975. – С. 35.

тантной передачи молекулярной информации. Особую роль тут играет резонансное возбуждение. Химическое кодирование инфов. Теперь сюда подключаются голографические методы.

Как показали новейшие исследования, Природа поднимается по лестнице органических форм, унося с собой симметрию элементарных частиц и утверждаясь бытийно и сущностно в диссипативных процессах, где синергетика. «Биологическая эволюция существует по той простой причине, что ее нельзя было избежать. Протон, нейтрино и бозон на заре формирования Вселенной обладали качествами, которые делали последующую эволюцию растений и животных неизбежной. Кроме того, что самое важное, эта биологическая эволюция возникла, накрепко опутанная правилами и принципами, направляющими исходную организацию энергии и материи и, как таковая, может следовать лишь по узким путям развития, заданным этими изначальными ограничениями и канализацией. Биологическая форма и биологическая функция – продукты, отлитые в тех же изложницах, в которых отливались формы и функции, уже имеющиеся у кварков и лептонов или у любой другой из элементарных частиц»¹. Наши первопредки – в микромире. Космологический и биотический *гомеорез*. Доминантность начальных условий и наследственные сложения. Прямой путь развития – от фермионов и бозонов через гиперциклы к гоминоидам и антропоидам. Предложенная версия эволюционных процессов – своеобразный возврат к теории *ортогенеза* (академик Л. С. Берг).

При всем при том (ортогенез) в мире царит *вероятность*, за которой случайные события и вся «Случайная Вселенная». По словам Дж. К. Максвелла, основоположника статистической физики: «Истинная логика нашего мира – это подсчет вероятностей»². Современные теории организации и управления не

¹ Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функций / Пер. с англ. – М., 1991. – С. 13.

² См.: Фейнман и др. Фейнмановские лекции по физике. – М., 1967. – Т. 1. – С. 102.

могут обойтись без стохастических (вероятностно-случайных) методов. *Н. Винер*: «...Осмысленное представление об организации невозможно для мира, где всё обусловлено и для случайности не осталось места»¹. Слишком жесткие структуры небиотичны.

Современная *эволюционная космология* в чем-то наследует космогоническую гипотезу Канта–Лапласа. Утверждается взгляд на мировой процесс как на сверхгигантский осциллятор. *А. А. Фридман*: «Переменный тип Вселенной представляет большое разнообразие случаев: для этого типа возможны случаи, когда радиус кривизны мира, начиная с некоторого значения, постоянно возрастает с течением времени; возможны далее случаи, когда радиус кривизны меняется периодически: Вселенная сжимается в точку (в ничто), затем, снова из точки, доводит радиус свой до некоторого значения, далее опять, уменьшая радиус своей кривизны, обращается в точку и т. д.»². Современный этап эволюционирующей Вселенной – расширение, которое соответствует разбеганию туманностей, т. е. галактик (Хаббл). Первичный космологический взрыв, *Big Bang*, имеет следствием реликтовое излучение (Гамов), которое пронизывает нашу Галактику – космическую ойкумену и «дом Бытия» для неантропа.

Big Bang – первичный космологический взрыв, где сверхвысокие температура и давление. Отсюда начинается отсчет *Времени* как такового. Допустимы гипотезы (на основе общей квантово-гравитационной теории, еще проективной) о самопроизвольном возникновении частиц из вакуума. Это не абсолютное ничто, но такое состояние физической системы, когда в ней нет ни частиц, ни полей, – наименьший энергетический потенциал. Вблизи нулевой точки отсчета «Вселенная вела себя как объект микромира с присущими ему квантовыми закономерностями. Она была тогда вполне похожа на микро-

¹ Винер Н. Я – математик / Пер. с англ. – М., 1964. – С. 308–309.

² Фридман А. А. Мир как пространство и время. – М., 1965. – С. 100.

частицу»¹. Квантовый подход к ранней Вселенной вполне оправдан. Возможно, тут сработают *фридманы*: согласно гипотезе акад. М. А. Маркова, они представляют собой микромиры и мегамиры одновременно (своеобразный «принцип дополнительности»). Вакуум? Река времени всегда бурлит. В обычном масштабе секунд, их мельчайших долей, подобные эффекты не ощутимы. Картезианские вихри и «вихри под черепом» резонируют с анатомией субмикромира: *скейлинг*. Добавим сюда «странные аттракторы», бифуркации (Пуанкаре) и катастрофы (Рене Том).

Квант и Вселенная – тематизации неисчерпаемы. «...За счет квантовых эффектов Вселенная может расщепиться на несколько топологически несвязанных, но глобально взаимодействующих друг с другом частей. Подобные процессы могут произойти в любой точке нашей Вселенной...»² Еще один Сфарагмос.

Грандиозная космическая мастерская (Храм и эргастерий) имеет свои отходы производства. «Наши потомки... увидят, как медленно подходят к концу термоядерные реакции во всех звездах, оставляя после себя различные сорта шлака: черные карликовые звезды, нейтронные звезды, возможно, черные дыры»³. В Подлунном мире хватит и без того сточных канав, которые были всегда как полноводные реки: метеки, периэки, униженные и оскорбленные, заклеянные; сброшенные на асфальт и на топокарту, где знаки выгребных ям.

¹ Чернин А. Д. Физика времени. – М., 1987. – С. 193.

² Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. – М., 1990. – С. 256.

³ Вайнберг Ст. Первые три минуты: Современный взгляд на происхождение Вселенной. – М., 1981. – С. 139.

1. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ – ВЕЛИКАЯ СХИЗМА. ЯЗЫК КАК ДЕМИУРГ, ЛОГОС И МИФ

Две области – сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.

Е. БАРАТЫНСКИЙ

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия,
Один – объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.
И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь.

А. ФЕТ

Всё – в сознании.

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Человек первобытный синкретичен четырежды: (1) Психо–Космо–Логос: Психея космологична, и там же «логии» ментальные: способы рассуждения, разумения и миропонимания. (2) Индивид не выделяет себя из первичных общностей, где пещера (люди одного огня), род, тотем и племя. Примитивный коллективизм. (3) Человек – часть вещного, природного мира. Отсюда аниматизм, анимизм, фетишизм и каннибализм (антропофагия – включенность в трофические цепи). (4) Архаический человек продуцирует Мифы, и в то же время Мифы мыслят в человеке как некая онтология, идеология и сакральность.

«Люди мыслили мифологически, мыслили так называемым «дологическим» мышлением, собственно, они еще не «мысли-

ли», а мифологически воспринимали»¹. О том же говорил К. Леви-Строс. Все отмеченные синкретизмы выступали в своем единстве и нерасчлененности, так что мы имеем здесь особый гештальт, который полностью завладел индивидом. Элементы рефлексии, конечно, были – интуитивные, неосознаваемые, праксеологические.

Но вот рефлексия произошла, и вместе с ней встали вечной загадкой и неразрешимостью схизматика *Субъект–Объект*, а в середине медиативно диафрагма – *Язык*: фильтр, запирающий механизм, и окно во Вселенную: событийную, бытийную, альтернативную («да» и «нет», истинно – ложно, свой – чужой). Язык – это мы сами, где датчики, рецепторы и психоментальности. *А. Радичев*: «И весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблущегося». Язык склеен адгезивно с нашей Самостью (мы вербализованы) и с внешним миром (жесткая древнегреческая спаянность знака и значения – реликт архаического тождества слов и вещей). Только структурализм и его *post* отринули эти взаимно-однозначные «узнавания» в знаковых системах. *Я. Хинтиikka*: Связи между языком и миром «не являются естественными отношениями, а создаются и утверждаются в человеческой деятельности в результате человеческих решений», и «до сих пор почти не существует систематических исследований естественных связей между языком и реальностью»². Вот и намечился за последнее время поворот к человеческой деятельности (неопрагматизм, эпистемологический бихевиоризм), а также к изучению этологических, т. е. докантианских, синтетических априорий и релятивизации априорных построений вообще. Объект–субъектные коллизии и фармакопеи останутся в фолиантах истории философии как поиски Эдема, где обитала когда-то проективная Алетейя (Истина). Пропедевтика к небывшей эпистемологии.

¹ Марр Н. Я. Избр. работы – Л., 1936. – Т. 2. – С. 400.

² Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования / Пер. с англ. – М., 1990. – С. 282.

Вещая, зловещая, зовущая в Небо (Парадиз) и бросающая в Тартар (шеол и вечный мрак), обернувшаяся мандалой и картой Меркатора – Вселенная знаков и значений, где Лингвосфера, письменна ветвей и тайнопись мироздания.

Системой выдуманных знаков
Весь мир вертится, одинаков.
Не мир – а бешеный самум,
Изображенье наших дум,
Чертеж недолгих размышлений,
Рисунок бедного ума,
Начало горьких преступлений
И долговечная тюрьма.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Наш обычный язык – мембрана и полупроводник: экран, гобелен, амальгама знаков (звучащих, иероглифических, рунических, клинописных), метафоризмов, символики и бутафорики. *Нильс Бор*: «Раньше принято было считать, что физика описывает вселенную. Теперь мы знаем, что физика описывает лишь то, что мы можем сказать о вселенной». Наш язык нокаутирован – утратил свой объективно-сущностный и бытийный характер, референциальную функцию по отношению к реальности, т. е. статус Алетейи. *Гете*: «Мы ничего не знаем о мире вне его отношения к человеку». В любых психоментальных построениях – научных, художественных, сакральных – человек встречается с самим собой: прямо (эзотерика) или косвенно (теоремы, аксиомы, априори).

Томас Кун исследовал вопрос о смене парадигм в истории науки. Синергетически это бифуркации и катастрофы в когнитивных процессах, когда рушатся сложившиеся концептуальные системы и общепринятые культурные схемы. Обращаясь к развитию научных идей, Т. Кун ставит забытый как будто вопрос, касающийся неустранимых антропоморфизмов в структуре познавательных процессов. «Какова должна быть природа, включая и человека, чтобы наука была возможна вообще?» Эта

проблема (уже «мета») – «каким должен быть мир для того, чтобы человек мог познать его?» – возникла не сейчас. «Напротив, она столь же стара, как и сама наука, и столько же времени остается без ответа»¹. А судьи кто? Продвинутые мыслители, теоретики, метафизики. Атомистика (древняя и современная), «синтетические априори» Канта, *Big Bang*, геометродинамика Уилера², теория струн, новейший ортогенез (подношение Дарвину и СТЭ) – сколько тут интеллектуальных инвенций и сколько приближений к Абсолютной истине? *К. Юнг*: «Мы устанавливаем что-либо о вселенной ровно настолько, насколько это позволяет нам наша психическая организация».

Радикальная рефлексия: да, мы кое-что (и немало) предписываем Природе, какой она должна быть, чтобы стать предметом познания. Имманенция так или иначе всегда вложена в трансценденцию, апория – в консисторию мыслителей, парадигматика – в ризоматику нейронных сетей. *М. Элиаде*: Новая аксиома выявляет какую-то реальную структуру, ранее неведомую³. Новое «почвоведение» (геологические плиты) для наклейки небывших парадигм. Так было, к примеру, с геометрией Лобачевского.

«Неизбежность непредсказуемого». Коан? *Пьер Булез*, французский композитор⁴. С точки зрения укоренившихся представлений (туманные видения не в счет).

Кантианская *Ding-an-sich* (вещь–в–себе) требует нового переплета. Мы себя околдовали мираклями вроде агностицизма.

Я. Хинтиikka показал неотделимость понятийной системы от реальности. «Для нас говорить о «вещах в себе» не означает говорить о некотором таинственном классе трансцендентных

¹ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М., 1975. С. 217.

² Уилер Дж. Предвидение Эйнштейна / Пер. с нем. – М., 1970.

³ Элиаде М. Азиатская алхимия. – М., 1998. – С. 23.

⁴ См.: Кастлер Г. Возникновение биологической организации – М., 1967. – С. 30.

сущностей»¹. Тут два когнитивных пласта, которые необходимо различать. Первый из них в том, что наше познание зависит от нашей же деятельности по производству понятий (эксперимент, теория, методология). «Артефакты» здесь неустранимы. Второй аспект. «Однако, если (и поскольку) неотделимость, о которой я говорю, действительно имеет место, «вещи в себе» следует характеризовать тем же способом, каким это обычно делается: как неопишуемые и неклассифицируемые»². Прояняется вполне тривиальная картина: мы не можем представить себе мира–без–человека, т. е. вне акта мышления об этом мире. Вот о чем идет речь. Кстати, и сам человек для себя и для других есть *Ding-an-sich*, о чем говорили мыслители с давних пор. «Сущностей» наших никто не положил на ломберный стол, чтобы разыграть еще одну трагикомедию с участием «прозрачного» неоантропа.

В связи с развитием герменевтики необходимо обратиться к различению *понимания* и *объяснения*. Г. Х. фон Вригт пишет: «В обычном словоупотреблении не проводится четкого различия между словами «понять» и «объяснить». Практически любое объяснение, будь то каузальное, телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов. Однако в слове «понимание» содержится психологический оттенок, которого нет в слове «объяснение». Эта психологическая черта подчеркивалась разными методологами – антипозитивистами XIX века, с наибольшей силой, может быть, Зиммелем, который полагал, что понимание как специфический метод гуманитарных наук есть форма вчувствования (*empathy*; нем. *Einfühlung*) или воссоздание в мышлении ученого духовной атмосферы, мыслей, чувств и мотивов объектов его изучения»³. Понимание особым образом связано с «*интенциональностью*».

¹ Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – С. 174.

² Там же.

³ Фон Вригт Г. Х. Логико-философские исследования: Избр. труды / Пер. с англ. – М., 1986. – С. 45.

Можно понять цели и намерения другого человека, значение знака или символа, смысл социального института или ритуала.

Вот эпохальный неучтенный антропоморфизм, который стал «принципом дополнительности» Нильса Бора. «Тот, кто думает о себе просто как о наблюдателе, оказывается участником. В некотором странном смысле это является участием в создании Вселенной»¹. *Книга природы* написана на математическом языке (Пифагор, Платон, Леонардо да Винчи, Кеплер, Галилей). Человек не только *читает* эту книгу, но и *создает* ее как физическую реальность. Совокупность всех приборных контактов человека с природой (корпускулярно-волновые эффекты) дает нам картину, где Вселенная выступает как *статистика наблюдателей* (вспоминаем Максвелла: истинная логика нашего мира – это подсчет вероятностей). Такова физическая картина мира как она является человеку. *Ding-an-sich* за двумя барьерами: приборным и общепознавательным.

Синергетика еще раз усложняет новейшую картину мира. Разбегание галактик (метagalактический синдром). «Вселенная быстро расширяется. Образующиеся на определенной стадии различные миры быстро разлетаются и в силу этого просто не взаимодействуют. Сосуществование разных миров в одной и той же области пространства невозможно. При этом один из миров как бы замыкается сам в себе, «отщепляется» от другого и теряет с ним информационную связь»². Своё «разбегание галактик» (учений, школ, течений) наблюдается и в истории философии. Не говорим о разбеганиях в дихотомийных распадах типа *свой / чужой*.

Процесс сотворения миров – событие изначальное и непрерывное для всех сапиенсов. Складки, укладки, наладки, расфасовки, подтасовки – компендиум симулякров, заемных, ничьих, массовых с добавками индивидуаций, сакральных констелляций и чего-то еще. *Ф. Ницше*: «То, что называете вы миром, долж-

¹ Уилер Дж. Квант и Вселенная // *Астрофизика, кванты и теория относительности* / Пер. с итал. – М., 1982. – С. 546.

² Чернавский Д. С. Синергетика и информация. – М., 1990. – С. 32.

но быть сперва еще создано вами: ваш разум и воображение, ваша воля и ваша любовь – вот что должно стать миром!»¹ Собственно, здесь указаны лишь рычаги, механизмы и потенциалы, посредством которых творятся миры и кумиры, эпициклы и трансцензусы, конструкты и спруты, сжимающие человека железной хваткой (не считая «*anti*», где анабиоз, склероз, агнозия и амнезия). Задача Философии и состоит в том, чтобы проникнуть в тайные механизмы миросложений, где «человеческое, слишком человеческое», где «гиперциклы» всех психоментальностей, фактуальностей и узуальностей – любых мифов, мифоидов и гиперболоидов: прямых и обратных (литота), личиночных и рисуночных (идеографическое письмо), сказуемых и сокрытых (имманенция), а также остальных и прочих.

Язык – не диафрагма только и не медиана. *Lingua* – субъект всех миротворений и мифосложений, продуцент мыслеобразований и культиватор рефлексивных складок в ментальностях. *Слово* объективизирует сам процесс мышления и его результаты: понятия, грамматизмы, логосы и опусы (вербальные, каузальные, телеономические), когерентности и девиантности в неразъемной триаде *Мышление – Язык – Объект* и словотворчество как искусство (поэтика дисциплинарная).

Дж. Фрээр: «Дикарь не в состоянии провести четкую грань между словами и вещами, считая свое имя существенной частью самого себя и вследствие этого полагая, что с помощью магии через его имя, так же, как и через его волосы, ногти и другие части тела, ему может быть нанесен вред»². Заметим, что ритуал обрезания, напротив, несет благо как радикальный «принцип партиципации», адресованный высшим сакральным силам.

До сих пор СМИ аксиоматически и весьма успешно опираются на нечеткую грань между словами и вещами – для давления на «инородцев» титульными средствами. Специалисты

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М., 1990. – С. 74.

² Фрээр Дж. Золотая ветвь (доп. том): Исследование магии и религии. – М.; К., 1998. – С. 265.

по глобалистике пишут, что давно уже идет третья мировая война: *информационно-психологическая*¹. В соответствии с этой стратегией перевернута до наоборот вся минувшая история. Установка: альянсы на одной стороне межевых границ и сфарагматика для другой.

* * *

«Мифология есть искусство наделения слов жизнью».

Э. РЕНАН

«Язык есть главное и первообразное орудие мифического мышления».

А. ПОТЕБНЯ

«В наш язык вложена целая мифология».

Л. ВИТГЕНШТЕЙН

Язык по своей природе является мифогенной структурой. *Э. Кассирер*: «Язык и миф с самого начала находятся в неразрывной связи, из которой постепенно они вычлениются как самостоятельные элементы. Они являются различными побегами одной и той же ветви символического формообразования, происходящими от одного и того же акта духовной обработки, концентрации и возвышения простого представления»². *Простое представление* тут не более чем конструкт, абстракция, поскольку описать его можно только остраненно и символически. А впрочем «простое представление» есть изначальное, т. е. архаическое. Как отмечал А. А. Потебня, эта простота во многом

¹ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М., 1999.

² Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / Пер. с разн. яз. – М., 1990. – С. 36.

сохранилась в «современном простом народе». «Между родным словом и мыслью о предмете была такая тесная связь, что... изменение слова казалось непременно изменением предмета»¹. Когерентность. За нее и был сожжен в Пустозерске великий протопоп Аввакум.

Архаическое мышление принципиально не теоретично, не дедуктивно. Отсюда тропизмы в языке: метафора, метонимия и т. п. Вместо «открыть» шумерийцы говорили «дверь толкнуть», даже когда речь шла, к примеру, об открытии торгового пути от моря (Персидского залива) до моря (Средиземного). Метафора соединяет разнородные смыслы в синкретическую целостность. Предметно-метафорические обобщения зафиксированы в языке айнов. «Анализ многих айнских существительных раскрывает оригинальную образность мышления, посредством которой шли от конкретного к абстрактному и метафорической характеристике одних предметов и явлений через другие»². Огонь в очаге, пламя – буквально «язык дерева». Наитие (вдохновение) – «дыхание богов». Млечный Путь – «образ реки». Предметные метафоры позднее – поэтический прием.

Метафорический мозг. Пытаясь разобраться в функционировании мозга и поведении человека, мы постоянно пользуемся двумя метафорами, пишет М. Арбиб. Первая метафора: «Человек – это животное». Она нацеливает нас на эволюционные и сравнительные исследования поведения животных и функционирования мозга». Вторая метафора: «Человек – это машина». Действительно, «в некоторых отношениях человеческий мозг можно рассматривать как вычислительную машину с заложенной в нее программой», но этим «мы не низводим человека до уровня существующих механизмов, а просто стараемся понять, как вычислительные машины могут помочь нам разобраться в особенностях поведения человека»³.

¹ Потенция А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 173.

² Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? – М., 1990. – С. 239.

³ Арбиб М. Метафорический мозг / Пер. с англ. – М., 1976. – С. 17, 18.

Компьютерная метафора реализуется на путях моделирования работы мозга или создания систем типа искусственного интеллекта, где не требуются какие-либо аналогии между структурой программы и строением мозга.

Философы романтического склада считали метафору изначальным способом мышления. Ф. Ницше отмечал, что кантианская «вещь в себе» концептуально недостижима, и «для творца языка... совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что мы знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям»¹. Человек (*sapiens*) связан с внешним миром *метафорически*; сказанное касается и всех его практических действий. Всюду (понятия, логосы, праксис) *операциональные* контакты с внешним миром, да и с самим собой и другими.

Здесь будет уместно привести соображения У. Росс Эшби о возможностях самоорганизации материальных систем. «...Мы теперь можем видеть, что искусственное создание динамических систем, наделенных «жизнью» и «разумом», не только просто, но и неизбежно, если только соблюдаются некоторые основные требования. Таковыми являются не углерод, вода или любые другие вещества, а постоянство в течение долгого времени любого действия оператора, являющегося неизменяемым и однозначным. *Каждый* такой оператор вызывает развитие своей собственной формы жизни и разума»². Поставим рядом

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. / Пер. с нем. – М., 1912. – Т. 1. – С. 396.

² Эшби У. Росс // Принципы самоорганизации / Пер. с англ. – М., 1966. – С. 341.

гиперциклы Эйгена, *эволюцию-без-отбора* (Лима-де-Фариа), *ортогенез* (Л. С. Берг) и *Антропный принцип* с учетом *вероятностной* метапарадигмы Максвелла. Эволюция Случайной Вселенной – прямо к нам. А еще *уникальность разумной жизни* во Вселенной (Шкловский) – потlach опять же планетарным сапиенсам. *Дао*, не зная хоженных троп, разыскало нас в своих интерьерах, креодах и флоккулах. *Ното новис* – аттрактор? Моноидеизм в эйдосах? «Все дороги ведут в Рим». Метагалактически.

Всякое слово уже *обобщает* (Гегель). Поэтому ничего данного *hic et nunc* невозможно ни представить себе, ни словесно выразить. Мы всегда где-то над миром, в каком-то эфире, не говоря уже о высоких понятиях, которые вознеслись в морозные сферы абстракции. Обобщающая функция слова дополняется поэтому индивидуализирующей функцией, естественная таксономия вещей уступает место метафорике, где теряют силу обычные классификации и дискурсивности. «Метафора – это прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость. Между тем, находящиеся в распоряжении говорящего предикаты позволяют дать предмету только более или менее широкие категориальные (таксономические) характеристики, включив его в класс того или другого объема. Индивидуализирующих возможностей больше у конкретной лексики, чем у предикатов. Метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке»¹. Поэтический текст – естественная ойкумена метафоризма, это своеобразная «Герника», взорванный мир естественных номинаций, из обломков которых складываются какие-то странные, экзотические создания. (В широком смысле под метафорикой часто понимают весь корпус языковых и литературных тропов.) От хаоса слов (массив, словарь, вокабуларий) – к поэтическому космосу (и обычному языку, где своя поэтика). «Язык сам по

¹ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 149.

себе есть только хаос, из которого поэзия должна построить тело для своих идей» (Шеллинг).

Но по отношению к обычному языку метафорика представляет собой хаосогенный фактор. Слово поднимается как бы выше самого себя – в область категориальных сшибок и ошибок. Метафорический бунт, однако, умиряется языком обычного общения. (Подобно этому броуновское движение частиц ложится на физическую статистику.) «Метафора стремится внести хаос в упорядоченные системы предикатов, но, входя в общенародный язык, в конце концов, подчиняется его семантическим законам»¹. Подчеркнем, что ошибкам считывания в репликациях ДНК обязана изначально эволюция живых организмов.

Выше уже приводились слова Х. Ортеги-и-Гассета о том, что метафорическое мышление берет начало в стремлении избежать фактуальной реальности. Овладевая внешним миром (и своим собственным) *практически*, человек как бы отталкивается от него *теоретически*. Не потому ли, что любая теория условна и коварна. Отсюда многочисленные табуизмы, «принцип партиципации» и новейший «магический реализм» в литературе (Булгаков, Маркес). А спекулятивно и выставочно игра в непонятность магических знаков («фундаментальная онтология»).

В конце концов, Лингвосфера – это весь Мир: номинативно, метафизически, топонимически, схоластически. При этом за кулисами и абрисами вербальностей остается *другой* Мир, еще не названный и не призванный на ломберный стол и на торжище людское для языковых игр и консеквентов, вытекающих из этих геймингов (императивы, аккузативы, иеремиады и спартакиады, где соискатели премий и бестселлеров.) «Я бы хотела убедить лингвистов, – пишет И. Левенберг, – что можно говорить о языке, говоря о мире»². Всё связано со всем – в языке и в

¹ Там же. – С. 150.

² Loewenberg I. Identifying metaphors // Foundations of language. – 1975, Vol. 12, № 3.

реальном мире. Степень адекватности взаимных отображений, выражений, чувствований тут не учитывается.

Достоевский – слово и вещный мир: «Вся действительность не исчерпывается насущным, ибо огромною своею частью заключена в нем в виде еще подспудного, невысказанного будущего Слова»¹. Здесь неявно предполагается, как исходно-простейший (абстрактный) случай, что действительность представима словесностью – герменевтически и семиологически. Все логосы априорно и апостериорно замыкаются на себя, поскольку *Ding-an-Sich* существует и бытийствует по своей собственной логике, может быть, непохожей на наши учебники и кроссворды. Индивидуации – в языке и в натуре – проходят мимо тех матриц, посредством которых мы вылавливаем струны и руны (сказы) природы о самой себе. О человеке же – авторе всех режиссур и мираклей – и говорить нечего. *Ното новус* закодирован прочно и беспорочно.

А наверху – в эмпиреях и оранжереях – искусственные цветы вербалистики. *Гегель*: «Относительно спекулятивного мышления мы должны еще заметить, что под этим выражением следует понимать то же самое, что раньше... называлось *мистическим*». И далее: «Всё разумное мы, следовательно, должны вместе с тем назвать мистическим...»². Слишком уж резко и неосмотрительно. Только безоглядные спекулятивные конструкции уподобляют себя мистике. *Альберт Швейцер*: «Любое глубокое мировоззрение – мистика»³. Абиссалии ведь тоже бывают разные. Вот *Бытие* наше человеческое. Чистое Бытие есть Ничто, по Гегелю, т. е. Апофатика, вне-сакральная. Мистики никакой. Ну, а чуть выше – «шутовской хоровод», и мистики хоть отбавляй, потому как рациональности тут не приземлялись. «...Наш человеческий мир – это царство случайности и заблуждения, беспощадно распоряжающихся в нем

¹ Достоевский Ф. М. Об искусстве. – М., 1973. – С. 457.

² Гегель. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т. 1. – С. 212, 213.

³ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992. – С. 88.

– в великом и в малом, а рядом с ними размахивают кнутом еще глупость и злоба»¹. Никаких преувеличений здесь нет.

Еще один эксгибиционизм (собрать бы иеремиаду – популяцию из таких вот *измов*): «Жизнь – чудовищный фарс... с неумелым режиссером»². А как быть со сверхзадачей о *собирании Бытия*? В интерьерах Ничто? Тут метафизика не идет дальше первобытной логики оборотничества: всё есть всё с ничтожным знаменателем. Ни «абсурда» здесь, ни «Тошноты».

А что если собирание бытия человеческого – от солярного культа древнеегипетского? Солнечные лучи «оканчиваются крошечными деликатными ручками, которые уже только остаются облобызать человеку, когда они ласкают его щеку... Тогда вдруг – мир очеловечился. Как на прозрачном транспаранте, с водяными знаками, разумный обитатель земли прозрел разум, обитающий во вселенной: и ласка, и любовь, и красота, и мудрость – всё есть на земле, но, более того, есть всё это в бездонных глубинах неба»³. Смотрите: пантеизм и Вседержитель, пославший на грешную землю Проповедника из Назарета, Спасителя нашего, сошлись вместе – солярный культ и занебесные трансценденталии (Истина, Добро, Красота). *Мир очеловечился*: «принцип двойственности – от всесветного, незнаемого, непостижимого Духа и солнечного божества Ра. Велика заслуга теологов, поднявших все добродетели человеческие в морозные сферы Абстракции. Ритуал укомплектован соборно и сборно за счет ближневосточных религий (мелкие складки не в счет). А человек? Каким он был до Голгофы, таким и остался. Красная месопотамская глина и Гераклитов Огонь. Флоккулы? И здесь свое барокко.

«Христианство, – приводит В. Розанов слова продвинутого богослова, – есть полная и окончательная истина». В противоположность этому моноидеизму «язычники-римляне... снесли в

¹ Шопенгауэр А. Собр. соч. – М., 1992. – Т. 1. – С. 308.

² Голдинг У. Пирамида. – СПб., 2001. – С. 584.

³ Розанов В. В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 675.

свой Пантеон богов всех покоренных ими стран; а греки пошли в своей терпимости еще далее: они имели привычку воздвигать жертвенники «неведомому богу», – над каковым остановился и ап. Павел. Но не все знают толкование этого обычая. Эллинов озабочивала мысль, не осталась ли на земле какая-нибудь страна с народом грубым и забывчивым или какой-нибудь покинутый и разоренный город, «божок» которого не имеет себе жертвенника и жертвы. На такой возможный случай греки и воздвигали иногда небольшие храмы «неведомому богу» забытому жителями своими или вовсе не имеющему еще на земле поклонников»¹. – В религиях заложены все духовные модальности: идеология, метафизика, логика, эстетика, поэтика, литература, культурология, ритуал, этнография, история и быт народов, принявших данную конфессию.

* * *

Знаковые системы символичны всегда. Метафора – минимальный символ. Логико-математическая вязь, машинные языки, внеязыковые знаки и символика алфавитная. Все духовное производство символично. «...Мифологию вообще и любое мифологическое сказание в отдельности должно понимать... символически». Философия «есть наука символическая». И далее: «Искусство... символично»². Символична религия – как гештальт и нуминозный радикал, как универсум, канон и органон, сюжетология и фабулистика. Туманность высших теологем, ритуал и барочные сказы – опорные столбы любых конфессий. Резонансы с Бессознательным и праксиологические интенции. «Принцип партиципации», первобытный. Нуминозные интенционалы создают свой предмет.

Все формы общественного сознания, так или иначе, символичны. Любой социетарный успех (бизнес, комфорт, близость к трону), помимо всего прочего, символичен: имидж, прес-

¹ Там же. – С. 716.

² Шеллинг Ф. Философия искусства. – М., 1966. – С. 110.

тиж, реноме. Высшие спортивные (или иные) результаты символичны. Табель о рангах, позументы, регалии.

Только через символы человек вечен, бесконечен, вездесущ, присущ Бытию, открыт истине и любым психоментальным деликатесам. Символы раздвигают границы категориальностей, уводят нас от тривиальностей, мелких расчетов, монотонии существований и прозябаний. Высшие смыслы, духовные искания и обретения, интенции на самопознание, самопонимание и самостояние не концептуальны, а символичны.

Всюду символ. Кто я? Где я?

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

И не проектируйте в символотворчестве финалитет, не ожидайте здесь эссенциально-экзистенциальных ответов. Символ – это вечный Сфинкс. На крыльях Символа реет Человек. Только эпициклы вокруг Самости, Я–сознания и всего мироздания.

Сущее не делится на аксиомы, теоремы, эпистемы, матрицы, логосы, алгоритмы и рационализмы. Слишком большой будет остаток: язык, миф, искусство, религия, экзистенция, интим, интуиция, ауспиция, мантика, трансцензус. Вакханалия историзмов, массовое сознание, мнение, спонтанность, ригидность архетипов *etc.*

Э. Кассирер систематически разрабатывал символическую панораму сознания, куда входят все культуремы, будь то миф, искусство слова, наука или что-то иное. Символы содержательны (с учетом их неопределенности, размытости) и автохтонны; они сами создают свой предмет, а в целом особый символический мир (универсум) – культуру как реальность и реальность самой культуры. Поскольку феномен символизации не знает исключений, человек сам для себя и для других становится символом (метафорой, иносказанием, мифом). Все онтологемы, экзистенциалы, фиденциалы, феномены, бытийности, диафрагмы (объект – субъект), гексаграммы, гиперболы (превосхождения, нарциссизмы, утопизмы) символичны. Любая стилизация (литературная, ритуальная, профессиональная, прагматическая, историологическая,

этнологическая, метафизическая) является актом символизации, будет ли он неосознанным или выставочным.

Акт символотворчества распредмечивает вещный мир. Исходный чувственный материал преобразуется духовной энергией – так рождаются значения, смыслы, ценности, сопричастности (партиципация) и т. п. «Происходит чудо. Через способ, которым он рассматривается, этот простой чувственный материал обретает новую и измененную жизнь»¹. Физика становится лирикой, пониманием (герменевтика), аксиологией, впечатлением, переживанием, т. е. бытием совсем иного рода. Символика не знает границ: человеческий дух устремляется от эмпирии в эмпирию, воспаряет к вечности, становится дзэн-буддизмом, даосизмом, брахманизмом, Фаустом или Мефистофелем. Каждая из культур обладает собственной, имманентной истиной, создавая особые миры. Интеллектуальные символы (апоории, теории, теоремы) входят в общее множество символических форм со своей *differentia specifica*. Социум творит собственные символы, смягчающие свое неправдоподобие и закрепляющие его (гомеостаз).

Культурно-символические образования неизбежно опредмечиваются в материально-знаковом виде (речевой дискурс; очеловеченный уже внешний мир; социум) и возвращаются, распредмеченные, в пределы и беспредельности вселенной духа. Дух с самого начала и всегда отягощен материей: вещная экология для бестелесной онтологии.

Но вот казус – потеря управления (джинн вырвался из реторты). *А. де Мюссе*: «Какой страшный рычаг человеческая мысль. Это наша защита и наш оплот. Это лучший подарок, сделанный нам Богом. Она принадлежит нам и повинуется нам; мы можем метнуть ее в пространство, но стоит ей оказаться вне нашего слабого черепа, и кончено – мы уже не властны над ней»². *Закружились* бесы разны.

¹ Cassirer E. The philosophy of symbolic forms. – New-Haven, 1957. – V. 1. – P. 108.

² Мюссе А. де. Избранное. – М., 1997. – С. 354.

Абстрактные умозрения теряют почву под ногами. Левитация без гравитации и в режиме автогенерации. *Ф. Сологуб*: «И до блестящего совершенства вознеслась теория – умозрение чистое и ненужное»¹. Есть принцип восполнения (от неандертальцев к нам) и есть избыточные, лишние, добавочные (идеаты, суррогаты; инородцы). Не говорим о кривизнах (земная ось накренилась вкось, да и социальности таковы) и катастрофизмах («звезда споткнулась в беге»). А «Герника»? Проективно к «Авиньонским девицам» – эсхатологический комментарий Пабло Пикассо к новейшей антропологии и вековечному *Дао*.

Эволюция личностного сознания связана с потенциалом символотворчества. *В. М. Бехтерев*: «Можно сказать, что развитие человеческой личности достигается главным образом благодаря символизации. Дело в том, что только процесс символизации дает возможность оперировать с такими комбинациями внешних впечатлений и их взаимоотношений, которые далеко удаляются от окружающей действительности, благодаря чему является возможность возвышения личности над ближайшими потребностями организма и окружающей его природой»². Тут много искушений. *Transcende te ipsum*. Дао не знает хоженных троп. «Пьяный корабль» (Артур Рембо) – это для гениев. *Куда ж нам плыть?* Игорь Северянин: «*Душа влечется в Примитив*».

Андрей Белый: рождение символа обязано иерогамии. «...Положения разума... сливаясь с чувством, становятся символами, т. е. окнами в Вечность»³. Вечность мгновений. Только вечное можно сберечь (Х. Борхес). Сады Семирамиды недолговечны.

Символика приобретает онтологические и мироустроительные функции. *О. Шпенглер*: «Мысль о мировой истории... расширяется до идеи всеобъемлющей символики»⁴. Культурные символы структурируются наподобие таксонов органическо-

¹ Неизданный Федор Сологуб. – М., 1997. – С. 201.

² Бехтерев В. М. Объективная психология. – М., 1991. – С. 331.

³ Белый А. Символизм. – М., 1910. – С. 29.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. – М.; Пг., 1923. – Т. 1. – С. 171.

го мира. Пролиферация некоторых исходных праформ (Гете–Шпенглер).

А. Уайтхед отмечал фундирующую роль символов в динамике ментальностей. «Человеческий ум функционирует символически, когда одни компоненты его опыта вызывают мысли, убеждения, эмоции, привычки относительно других компонентов опыта»¹. Нечто аналогичное сказано у Бехтерева.

Как психоментальные констелляты, символы замкнуты на себя. М. Бахтин: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно»². Изоморфизмы здесь весьма условны.

Земля и Небо. Мы в промежутке, не считая рудокопов, Наутилуса и космоплавания. «Без неба жить нельзя», по словам поэта. Однако не будем терять почву под ногами, где посев здравомыслия (не упоминаем судьбу Антея, оторванного от земли). Г. Брех: «...Пусть задача познания нередко достигает до неземной выси, пусть возложено на него даже соединение разрозненных сфер, нет истинной задачи без исходной земной точки, нет у задачи решения, не укорененного в земном»³. Религия эмпирична, трансцендентна, метафизична, спасительна (Эдем, Парадиз), однако она отрывает духовности от их земных корней, стволов и ветвей, где обитает человек реальный. Моноидеизм – единственный кронштейн, на который человек может набросить сам себя. В. Розанов: «Жизнь никогда не была бы умна, если б она не была многообразна. Даже величайшая мудрость, имея она только линейное измерение, двигайся все в одну сторону и по одному направлению, показалась бы в конце концов чем-то плоским и неинтересным. Два Лиры рядом были

¹ Whitehead A. N. Symbolism. Its meaning and effect. – N. Y., 1958. – P. 7.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 362.

³ Брех Г. Избранное. – М., 1990. – С. 303.

бы скучнее, чем Лир и шут»¹. Полиморфизм (Пантеон) божественных интенций – это великолепно: веер и репер бифуркаций (включая апокрифы), обзор нуминозностей и монструозностей, складок и уладок (все они считаются истинными, непогрешимыми, витальными, пусть и скандальными, где поклонения Сатанаилу).

Согласно исследованиям А. Ф. Лосева, обычный знак, как событие в семиосфере, представляет собой неразвернутый символ, т. е. своего рода эмбрион, зиготу, мицеллу, отрезок ДНК. Отмечены характерные черты символа, такие, как репрезентативная значительность и высокая функциональная напряженность, поскольку символ играет роль *порождающей модели*². Базисные символы задают (индуцируют) весь спектр символического творчества в культурах и стиль жизнотворений. Порождающая модель отвечает принципам *эманативной схемы*. Все мифологемы, догмы, парадигмы, аксиомы, традиции, амбиции, формулы (одна формула – и весь мир), доминанты, «алтарные имена», минеральные отложения (*мы и они*), целевые функции, катехизисы, утопии несут на себе знаки и отпечатки порождающей модели. «Каинова печать».

Сьюзен Лангер анализирует актуализацию символических форм сознания в мифотворчестве, языке, культуре, науке, искусстве и религиозных представлениях. Она подчеркивает значение *экспрессивных форм* для всего человеческого понимания. Символы репрезентируют не сами объекты (предметы), как таковые, но являются носителями определенных *отношений* к этим объектам (эта линия идет от прямых высказываний Ф. Ницше.) «В фундаментальном понятии символизации – мистическом, практическом или математическом, неважно – мы имеем лейтмотив всех гуманистических проблем»³. Изучение

¹ Розанов В. В. Семейный вопрос в России. – С. 683.

² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – С. 131–134.

³ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символического разума, ритуала и искусства / Пер. с англ. – М., 2000. – С. 27.

символотворчества – исходный рубеж философии, не выводимой из картезианских и кантианских предпосылок. Первобытная метапарадигма «всё есть всё» тотально символична, хотя в те далекие времена оборотничество понималось вполне натуралистично. Идея символизма пронизывает мировоззрение Гете – мыслителя, писателя и естествоиспытателя. Тотальный символизм – как универсальный Текст, антропоморфный, вне которого сам человек всего лишь абстракция.

Развитие точных наук показывает, что их понятийный аппарат становится все более абстрактным, обобщенным. Г. Вейль отмечал, что наиболее интересная в философском отношении черта современной науки – возникновение абстрактных символических структур, из которых создается красочная сказка¹. Но в этой сказке просвечивает быль – формализм как жизненная среда реализмов.

«Символы жизни», – пишет С. Лангер, – лежат в основе всех культов, мифологем, теологем и ритуалов. Существует опыт, ускользающий от дискурсивной формы сознания, за которой стоят концепты и рациональности. Мистика и оккультистика – это «краевые» формы сознания. Они имеют свои техники экстаза (приемы остранения), своих вдохновителей и потребителей.

Первоисток всех психоментальных девиантностей – шаманизм, явление синкретичное, где аниматизм, анимизм, ритуал, гипноз, психоанализ, экстаз, «похищенный» язык, онтология, космология, маска, рефлексивное управление, оракул, пифия, тень Гиппократов и позднейших пророков и харизматических лидеров.

Шаман рассекает «принцип партиципации», уходя душой в сакральные пространства, а телесно оставаясь на игровой площадке (чум, юрта, ураса, вигвам, иглу). Мирча Элиаде: «...Шаманское призвание, как и всякое другое религиозное призвание, проявляется через кризис, временное нарушение психического равновесия будущего шамана. Все наблюдения и анализы, которые по этой проблеме удалось собрать, чрезвычай-

¹ Прикладная комбинаторная математика. – М., 1968. – С. 309.

чайно ценны: они показывают, можно сказать, *в живом виде*, как в психике отражается то, что мы назвали «диалектикой иерофании»: радикальное отделение profanum (мирского) от sacrum (священного) и обусловленный этим прорыв действительности¹. Это исторически первый прорыв в область трансцендентного, бытийного, ноуменального. М. Элиаде подчеркивает, что «именно на историка религий возложена задача окончательного синтеза всех отдельных исследований шаманизма и формулировки целостного понимания, которое явилось бы одновременно и морфологией, и историей этого сложного религиозного явления»². Стрела пущена: от шаманизма – к высоким религиям через бифуркацию вероучений и другие приключения.

Иерофания как вечное возвращение к алчеринге. «Все иерофании, от самых элементарных (например, проявление сакрального в данном дереве или камне) до самых сложных («видение» новой «божественной формы» пророкам или основателям религии) выступают в исторической конкретности и определенным образом обусловлены историей. И даже в самой скромной иерофании проявляется «вечное возобновление», вечное возвращение к безвременному моменту, стремление упразднить историю, зачеркнуть прошлое, снова сотворить мир»³. *Миф против истории*. Три типа историзмов: (1) циркадная схема, (2) линейная схема, (3) возврат к алчеринге, когда не было времен вообще.

Шаманский наряд представляет религиозную космографию (своего рода мандала) и иерофанию. Он означает не только божественное присутствие, но также космические символы и метаспсихические пути.

Потусторонний мир народы Северной Азии представляли как обратное изображение ойкуменного мира. Там всё проис-

¹ Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. – К., 1998. – С. 7–8.

² Там же. – С. 8–9.

³ Там же. – С. 10–11.

ходит так же, как и здесь, только наоборот. Удивительно, что новейшая космология моделирует Антимир, заменяя в СРТ–теореме знаки на обратные у всех величин. С – заряд, Р – система координат (правая или левая), Т – время, текущее туда или обратно. Интуиция аборигенов Сибири опередила СРТ–инвариантность. И ещё: *Big Bang*, большой взрыв, открывает фармакопею темпоральностей, где была запущена прямо к нам *стрела времени*.

* * *

Где-то сказано: «*Вначале был ритм*». Все существования и бытийности ритмичны, вливаясь в общую Энциклопедию (универсум) ритмологии, у которой нет эсхатологии. Безначальна она, всюдна и бесконечна. Любые ритмы представляют собой симметричные структуры, а симметрия алгебраически анатомируется теорией групп (автоморфизмы). Симметрия господствует в природе от кварков и лептонов до атомов и кристаллов, от простой механики до общефизических законов сохранения, от протистов до человека, от планетологии до космологии. Произведения искусства пронизаны многообразными симметриями¹. Бионика целиком опирается на симметрию органических форм². Симметрия выступает как единый принцип гармонии – универсальный *Орз*³. Ритм, симметрия – экспликации общепознавательного, интуитивного и дискурсивного, представления о гармонии.

В. Б. Касинов считает, что смысл биологической симметрии состоит во всеобщности некоторых технологических процессов, которые использует природа и которые включают в себя геометрические операции: параллельный перенос, поворот и отражение. «Живой объект можно рассматривать как технологическую задачу, поставленную природой самой себе.

¹ Пидоу Д. Геометрия и искусство / Пер. с англ. – М., 1979.

² Лебедев Ю. С. Архитектура и бионика. – М., 1977.

³ Узоры симметрии / Пер. с англ. – М., 1980.

В решении этой задачи, связанной с необходимостью обрабатывать вещества, по-видимому, всегда в той или иной мере используются три технологических принципа: принцип конвейера, принцип карусели и принцип клише. Конвейер наиболее четко воплощает идею параллельного переноса, карусель или колесо – идею поворота, а штампы или клише – идею отражения в той форме, в какой эта геометрическая операция выполнима¹. В сложных системах симметрия включает в себя элементы диссимметрии.

Все миры, творимые на бумаге, папирусе, глиняных табулах или на бамбуковых палочках, изначально проходят стадию воображения, где возникают проекты, проспекты, гипотезы, выражи и миражи. Потом кристаллизация, утилизация, интуитивный и логический отбор, шлифовка, футеровка, макияж изделий, которые идут на вынос. Нужна, по словам А. С. Пушкина, «роскошь и небрежность воображения». Хаос и гумус, где, возможно, прячется жемчужное зерно (идея, стиль, образ, акrostих).

Но вот мы стали на крыло – из протоплазмы и плазмы. И что же? Аритмия в ритмике существований, житнетворений и в толкотне броуновских зацеплений. «Человеческая мысль аритмична по своей сущности. Отвечая на новые, неожиданные и непредвиденные изменения в окружающей среде, решая иногда в течение кратчайшего промежутка времени новые задачи, человеческий интеллект по самому назначению не может длительно обладать своим собственным ритмом и должен постоянно быть готовым к его нарушению и отмене... Своих величайших успехов человеческий интеллект достигает посредством тягостных, «срывных» ситуаций, которые он сам принужден создавать»². Социум постоянно флуктуирует и кипит. Таков же и человеческий мозг. На волне, на пороге, в эпицентре бифуркаций и катастроф, если перейти на язык Рене Тома и синергетики.

¹ Касинов В. Б. О симметрии в биологии. – Л., 1971.

² Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства. – М., 1982. – С. 26.

Мировой ритм – в природе и в человеке. Это трансцендент, который в шаманских камланиях бросает аборигенов в транс. Человек поневоле и в явном виде мифологизируется. А. А. Потебня: «Мифическое мышление на известной степени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной степени развития мысли; оно формально, то есть не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского и научного»¹. Шаманизм – атрибутив каменного века, Палеолита. Рокот бубна – зов предков, которому наши нейронные сети противостоять не могут. Тяжелый «рок» акустически и психически затягивает нас в абиссалии – докультурные и бесчеловечные.

Как пишет А. В. Гулыга, миф не утратил актуальности и в наши времена. «Как форма знания миф абсолютно архаичен, как повеление к действию он не исчерпал свои возможности»². Не только *шок-рок*, но и массовое сознание в целом мифогенно, – другим, «чистым» от социальной мифологии (сие называли демагогией) оно быть просто не может.

Е. Н. Трубецкой сводит вместе первобытное оборотничество и новейшие представления теологов о божественной субстанции – через признание логического моноидеизма. По его словам, логический монизм есть такое проявление мысли, «которое, несомненно, уцелеет в вечности. Ибо в вечной жизни мысль наша увидит Бога, как *всё во всём*. Тем самым она будет сообразна и содержанию, и форме истины – ее всеединству. А в этом... и состоит логичность мысли»³. Логика оборотничества как логос всеединства и символ Апофатики. Крайности сходятся: Уроборос.

И снова *шок-ритмы*. Известный кристаллограф Ю. В. Вульф: «Душа музыки – ритм – состоит в правильном периодическом

¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 433.

² Гулыга А. В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. – М., 1985. – С. 272.

³ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. – Берлин, 1922. – С. 222. (Курсив мой. – Авт.)

повторении частей музыкального произведения... правильное же повторение одинаковых частей в целом и составляет сущность симметрии. Мы с тем большим правом можем приложить к музыкальному произведению понятие о симметрии, что это произведение записывается при помощи нот, т. е. получает пространственный, геометрический образ, части которого мы можем обозревать»¹. А ныне тяжелый «рок» бросает человека в безрассудство и потерю цивилизованного облика.

2. ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОСИНТЕЗ. БРИКОЛАЖ ПЕРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. ДЕКОНСТРУКЦИЯ АБИССАЛИЙ

В дощатом этом балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад.

ГЕТЕ. «Фауст»

Немногие себя находят прямо,
но можно быть собой наоборот.

Г. ИБСЕН. «Пер Гюнт»

Нам не хватает знания основ во всем
и главным образом в области
творений духа.

А. ФРАНС

Триада Фрейда, где Эго, Супер-Эго и Оно, – констеллят в бытийностях Психеи, которая находится в непрерывном движении, становлении, растворении в собственном океанариуме, в мерцаниях, свечениях и затмениях. Фланги: подобие *буддийской логики*, где постулируется дискретно-континуальный кон-

¹ Вульф Ю. В. Избр. работы по кристаллофизике и кристаллографии. – М.; Л. 1952. – С. 248.

текст бытия (моментальные вспышки в феноменальном мире), с одной стороны; картезианская *ясность и отчетливость* (остановись, мгновение!), с другой. Всё остальное в середине: настроения, умозрения, апории, фантазмагии, темы, ремы и теоремы, доминанты и аксельбанты (место в подлунном мире), озарения (инсайт, экстаз) и нравоучения, нищезаная (Аполлон и Дионис) и бергсонияна (в плену интуиций), владения Мельпомены (всегдашняя театральность) и феномены (гуссерлианские), расфасовки (категориальные, дисциплинарные) и подтасовки (исторические), апофеозы и склерозы, натурализмы и эксгибиционизмы, нарциссизмы и профетизмы, юродство и первородство, а также всё остальное – «человеческое, слишком человеческое», включая ничтожности и богоравенство. *Поток сознания* (У. Джемс, А. Бергсон) – Гераклитова река без берегов с Ноевым потопом и Атлантидой. Там же кислотные дожди, смог, радиация и ратициды.

У. Джемс: «...Ни одно раз минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Мы то смотрим, то слушаем, то рассуждаем, то желаем, то припоминаем, то ожидаем, то любим, то ненавидим, наш ум попеременно занят тысячами различных объектов мысли». Невозможно и «абсолютно то же чувственное впечатление» в разные моменты времени, при различных состояниях человеческой сенсорики и телесности¹. Неповторимость темпоральная, психоментальная и витальная. Поиски «утраченного времени» всего лишь метафора, ретроспективная идентификация текущих впечатлений с какими-то более ранними, инфантильными.

Мы склеиваем сходное (эндо-адгезия) под знаком тождеств, но Психея неумолимо дифференциальна (реверанс в сторону *Différance*). «...Каждое чувство неповторимо и возвратное его, столь же могучее, казалось бы, движение, находит меня уже иным и иначе действует, чем это было год или десять лет, или десять дней, или десять часов тому назад»². Колебания неудар-

¹ Джемс У. Психология. – М., 1991. – С. 59, 60.

² Газданов Г. Вечер у Клер. – М., 1990. – С. 409.

жимые, почти незаметные или резкие, нюансировка, плиссировка, игра оттенков, просветов и теней – бесконечный гризайль, спектр переживаний, обертоны и мелосы и всё остальное, не имеющее названий.

Поток психических событий может быть многослойным и аморфным. Нужен регулятив – отбор и акцент. Акад. Н. П. Бехтерева: «В какой-то данный минимальный отрезок времени, когда мозг настроен на одну психическую деятельность, когда многие его структуры вовлечены в эту деятельность, а другие готовы обеспечить ее развитие (и именно ее!), другая сложная психическая деятельность невозможна»¹. Отторжение «других» – устранение нагромождений и хаотичностей. «Укрощение строптивой», если взять шекспировский сюжет. Зашнуровка ризоматики.

Дух и материя находятся в непрерывном становлении. Они никогда не являются чем-то законченным, итоговым. Но это лишь один аспект бытийностей. Другой – относительно устойчивые состояния, стационарности, мизансцены. В соответствии с этими универсалиями «интеллект, как и чувства, ограничивается тем, что время от времени делает мгновенные и, следовательно, неподвижные снимки становления материи. Сознание, следуя, в свою очередь, за интеллектом, рассматривает внутреннюю жизнь как нечто уже созданное и только смутно чувствует, как она создается. Так выделяются в длительности интересующие нас моменты, которые мы подобрали на ее пути. Только их мы и удерживаем»². Это момент рефлексии (превращение объекта в предмет), на который указывал еще В. фон Гумбольдт.

Эволюционный процесс подвергается неизбежной квантификации; он психологически, эпистемологически и логически складывается из опорных ступеней, площадок, плит, задержек (и передержек, где догматика, моноидеизм и *Différance*), прича-

¹ Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. – Л., 1971. – С. 51.

² Бергсон А. Творческая эволюция. – М., 1998. – С. 265–266.

лов, эллингов, ангаров и отдохновений (минутных и метафизических). *Остановиться, оглянуться*. «Идет ли речь о том, чтобы мыслить становление или выразить его или даже воспринимать, мы приводим в действие нечто вроде внутреннего кинематографа... Можно, таким образом, сказать, что механизм нашего обычного познания имеет природу кинематографическую»¹. Структурирование познавательного процесса наподобие киноленты обусловлено калейдоскопическим характером нашего приспособления к внешнему миру. Фундированный адаптациогенез, неизбежный для сапиенсов. Кстати, «кинематографический принцип» Бергсона является психологической разгадкой знаменитой апории «Летающая стрела покоится».

Кибернетический ракурс: «... Следует помнить, что наблюдения природных явлений производятся почти неизменно через дискретные интервалы; «непрерывность», приписываемая природным событиям, вносится в них воображением наблюдателя, а не фактическим наблюдением каждой из бесконечного числа точек. Таким образом, действительная истина заключается в том, что *естественная система наблюдается в дискретных точках*»². Еще раз «летающая стрела».

Когерентность психоментальной аналитики с кибернетическим формализмом. Подсветка от буддийской логики. Общий знаменатель – дискретноконтинуальная метапарадигма.

Наши контакты с внешним миром являются оазисными, островными, остаточными. *Н. Винер*: «значительная часть важнейших физических явлений нам не известна, ибо мы проходим сквозь них слишком быстро и не умеем их регистрировать»; «мы знаем очень мало о происходящем в критические периоды неустойчивости»³. Ситуация тут напоминает известное историкам математики *решето Эратосфена*: расположение простых чисел в ряду всех натуральных чисел. Эратосфен (древняя Греция) вычеркивал некоторые числа ус-

¹ Там же. – С. 294.

² Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. – С. 49.

³ Винер Н. Кибернетика. – М., 1968. – С. 298.

тановочно¹. Человек как бы отсеивает быстротекущие явления, не имея возможности их уловить приборами или теориями.

Человеческая Психея изменчива и хаосогенна (*Хаос–Космос* это не космология Мира, а картина Духа в его динамике). Не случайны там картезианские *вихри*, которым мы обязаны своими существованиями и бытийностями. *Н. Винер*: «Мы лишь водовороты в вечно текущей реке. Мы представляем собой не вещество, которое сохраняется, а форму строения, которая увековечивает себя». «Именно форма строения, сохраняемая этим гомеостазисом, представляет собой пробный камень нашей личной индивидуальности»². На авансцену выходят аристотелианские *формы*, которые будут лидировать в науках до постструктурализма включительно.

Орги, инфы, структуры, инварианты как бы останавливают поток изменений, лабильностей, неопределенностей. *Ф. Шеллинг*: «Организованность вообще представляется как бы заторможенной в своем беге и застывшей изменчивостью»³. Наша Психея выдает нам свои модальности: Я–сознание, самость, триада Фрейда, Личность, *Ratio*, интуиция, экзистенция, доминанта, установка, *idée fixe*, воображение, настроение, экстаз и весь словарь душевных и духовных констеллятов. Наука «ищет абсолютное и неизменное в потоке событий»⁴. Эйдос, монада, сущность, качество, мера, гештальт, закон, парадигма, аксиома, канон – antecedentes для вхождения субъекта в Мир: физический, психический, духовный, сакральный, исповедальный.

Сакральные абсолюты всегда мерцают или скрываются в Апофатике. *Ибн-Араби*, крупнейший арабский поэт и мистик, идеолог суфизма: «Бог не проявляется одним и тем же образом дважды»⁵. Священная река всегда другая.

¹ Виленкин Н. Я. Популярная комбинаторика. – М., 1975. – С. 103.

² Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1958. – С. 104.

³ Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – Л., 1936. – С. 212.

⁴ Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. – М., 1977. – С. 240.

⁵ Суфийская мудрость. – Минск, 1998. – С. 162.

Рационалисты XVII столетия пытались представить душевные движения как особый автомат. Б. Спиноза, «геометрический» мыслитель, понимал психику «действующей по известным законам и как бы неким духовным автоматом»¹. Фюсис и Психея – единые законы, где простая каузальность.

* * *

В. В. Налимов разрабатывает вероятностную модель языка и смыслообразования. Его слова: «Я уже не раз писал о том, что нам нужны новые смыслы, или, точнее – нужно радикальное переосмысление прежних смыслов. Трагичность состоит в том, что процесс переосмысления должен идти в очень широком, невиданном доселе ракурсе. Готовы ли мы к этому?...» Здесь, по сути, древняя конфуцианская программа *исправления имен*, которая касается языка в целом и его семантических констелляций. Если имеется в виду поворот к эзотерике, то он давно реализован. А вообще современные языки общения и вещания (СМИ) и без того уже исхлестаны, брошены на растерзание идеологам и комментаторам, на поругание арготизмам (не говорим о «похищенных языках» – сакральных и прочих).

«Сейчас у нас, – пишет В. В. Налимов, – появляется всё больше и больше возможностей для обоснования тезиса о вездесущности хотя бы слабых форм сознания. Вселенная предстает перед нами как самосознающая грандиозная структура. Здесь мы даем новую интерпретацию представлений Шеллинга о том, что в природе живет душа – «мировое Я»². Напомним, еще Лейбниц говорил о том, что монадам (их совокупность образует Вселенную) присуща чувствительность. В новейшие времена Дж. Джинс полагал, что Вселенная – не машина, а скорее, сознающий себя субстрат. О том же говорил Э. В. Ильенков: «...Материя постоянно обладает мышлением, постоянно мыслит самое себя. – Это верно по отношению к ней в целом,

¹ Спиноза Б. Избр. произв. – Т. 1. – С. 349.

² Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М., 1993. – С. 115.

как к бесконечной во времени и пространстве субстанции»¹. Существует ли в природе мышление? В ней заложены законы, отношения и связи, которые открывает человек и выражает в своей антропоморфной ипостаси. Объединить человеческое и природное каким-то общим знаменателем? Придумайте нетривиальную версию.

Повторяется известное: символические формы сознания. «...Теперь мы стали понимать, что человек видит Мир через символы, порождаемые его воображением. И мы все время ищем все новые и новые символы для понимания Мира. И сама наука есть не более чем символическое описание Мира. Это особенно хорошо видно на примере развития физики и космогонии. Поставщиком новых символов теперь оказалась математика. Парадокс нашей жизни: новые символы теперь порождаются не религиозной мыслью, не поэзией, не изобразительным искусством, а... математикой. Как это получилось?»². Прилаживать математику к метафизике – непосредственно, прямо и без каких-либо медиаций – слишком смелый экзерсис. Неопифагорейство, извод же древнегреческий (вместо пифагорейских камешков – формула Байеса). А поэзия была и осталась свихнувшейся метафизикой.

Конечно, сказать можно – Г. Вейль: «Занятия математикой сродни мифотворчеству, литературе или музыке. Это одна из наиболее присущих человеку областей его деятельности, в которой выражается его человеческая сущность, стремление к интеллектуальной сфере жизни, выступающей одним из проявлений мировой гармонии»³. Философия сопрягается с математикой через гармонию мироздания.

В работах Налимова обсуждается вопрос о наличии *Метаэго*, дистанцированного от обычного *Эго* (феноменологический ракурс?). «Экология» Эго – привычные условия, установившиеся

¹ Ильенков Э. В. Философия и культура. – М., 1991. – С. 415.

² Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М., 1989. – С. 255.

³ См.: Сухотин А. Ритмы и алгоритмы. – М., 1988. – С. 26.

смысловые данности. В критических, экстремальных ситуациях заявляет о себе Метаэго. Это, в общем-то, проблема не новая¹. Порядок данного недостаточен, – пишет *A. Уайтхед*. «Необходимо нечто куда более сложное: порядок, накладывающийся на новизну; вследствие этого плотность порядка не вырождается в простое повторение, а всегда есть рефлексия на фоне системы. – Мир стоит лицом к лицу с тем парадоксом, что он ждет нового и в то же время охвачен ужасом перед потерей прошлого, знакомого и любимого»². И так всегда – в большом и малом.

Развертывая вероятностную версию бессознательного, В. В. Налимов выделяет следующие позиции:

1. Язык вероятностной логики – операции с размытыми представлениями [вариации на темы Л. Заде].

2. Вместо нормативных концептов – метафорика [которая работает на категориальных ошибках].

3. Непринужденное сопоставление несопоставимого [данные математики, физики, психологии, философии, культурологии, антропологии, лингвистики, религиоведения. Подобные схождения не новость.]

4. Обращение к эксперименту с антропоморфным соучастием³. [Исходная парадигма – «принцип дополнительности» Н. Бора.]

Физика оказалась способной признать право на существование парадоксов внутри собственных теорий. «В конце концов, физика в своем развитии научила нас тому, чтобы *непонятное объяснять понятным образом через еще более непонятное*. Так поступаем и мы в этой работе»⁴. Заметим, что вероятностная физика берет начало в трудах Максвелла. Далее Гиббс,

¹ Спор о древних и новых. – М., 1985.

² Whitehead A. N. Process and Reality: An Essay in Cosmology. – Cambridge, 1929. – P. 480, 481.

³ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального: Вероятностная модель Бессознательного. – М., 1995. – С. 7.

⁴ Там же. – С. 8.

Больцман, Винер, Колмогоров. Случайность, вероятность, статистика и стохастика – понятия взаимосвязанные.

В человековедении вероятностные методы известны давно. Все культуремы, социологемы, идеологемы, теологемы по природе своей стохастичны (могли быть или не быть, могли быть такими или иными). «Вдруг стало ясно, что сами *слова*, на которых построена вся наша культура, не имеют и не могут иметь атомарного смыслового содержания. Стало возможным и даже нужным говорить о размытых смысловых полях слова, над которыми задана функция распределения вероятностей, и о человеке как о вероятностном приемнике»¹. *Парадигматика* в науке не является абсолютно жесткой – это размытые поля аксиоматического типа. *Догматика* пародирует аксиоматику, принимая императивный характер.

* * *

В современных социетарностях индивид брошен в стохастическую, эмпирически и молекулярно сталкиваясь с различными внешними факторами. «Современный человек открывает для себя окружающий мир по законам *случая*, в процессе *проб и ошибок*; если он понимает кое-что в какой-либо работе, это еще не обязательно говорит о том, что он овладел структурой заложенных в ней знаний... Совокупность его знаний определяется статистически; он черпает их из жизни, из газет, из сведений, добытых по мере надобности. Лишь накопив определенный объем информации, он начинает обнаруживать скрытые в ней структуры. Он идет от случайного к случайному, но порой это случайное оказывается существенным... Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые

¹ Там же. – С. 16–17.

слова и т. п.)»¹. Бескоординатный мир, коллоидный. Индивид как броуновская частица, утратившая свой экзистенциал и даже функционал.

За последнее время стали разрабатываться *субъективные* концепции вероятности, связанные с теорией решений, задачами прогнозирования и т. п. Человек высказывает суждения, в которых отражается степень уверенности в том, что определенные гипотезы (или мнения) о развитии событий найдут свое подтверждение. «Субъективная вероятность, как и полезность, относятся к числу фундаментальных понятий современной психологии. В этой науке ей принадлежит такая же роль, как спросу и предложению в экономике или массе и энергии в физике»². Наши обыденные житействования, деловые игры, общественно-политические акции, решение текущих задач идут под знаком субъективных вероятностей, поскольку они не формализуемы. Но и любая формализация вложена в контекст каких-то качественных, интуитивных соображений.

Творческая личность отдает себя без остатка предмету изображения и выражения, растворяется в своих персонажах, сюжетике и фабулистике. *А. Стриндберг*: «Я живу, живу многоликой жизнью всех людей, о которых пишу: с весельчаками веселюсь, со злодеями злобствую, творю добро с добродетельными, словом, вылезаю из собственной скорлупы, из своего «я» и глаголю устами детей, женщин и стариков: я – король и нищий; могучий тиран и презираемый всеми подъяремный тираноборец; я вездесущ и многолик, любую веру готов признать своей, и всем эпохам принадлежит моя жизнь, – только сам себе я больше не принадлежу»³. Сфарагмос и Абракасас: собирание Бытия (мета-текст) через своих «доверенных лиц».

¹ Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. – М., 1973. – С. 43–45.

² Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Пер. с польск. – М., 1979. – С. 140.

³ Стриндберг А. Красная комната / Пер. с швед. – М., 1989. – С. 585.

А. И. Герцен: «Личности надобно отречься от себя, чтобы сделаться сосудом истины, забыть себя, чтобы не стеснять ее собою». В искусстве ли, в науке – всё едино и в то же время розно. «Искусство – это я, наука – это мы» (Виктор Гюго). «*И всё уж не мое, а наше, / И с миром утвердилась связь*» (А. Блок). В науке – максимум объективности (по эту сторону *Ding-an-sich*), в искусстве – неповторимость таланта.

Поль Валери считал интонационно-волевое усилие художника главным фактором: предвосхищение поэтов круга Цветаевой и Маяковского. Поэтическое переживание «стремится внушить нам чувство некоей иллюзии некоего мира – такого *мира*, в котором события, образы, существа и предметы, оставаясь подобными тем, какими заполнен мир повседневности, связаны в то же время непостижимой внутренней связью со всей сферой нашей чувствительности... С этой точки зрения мир поэзии обнаруживает глубокое сходство с состоянием сна или по крайней мере с тем состоянием, какое подчас возникает во сне»¹. Если язык вообще возник в сновидениях (лингвоононистика), то поэтические откровения – это сон во сне.

Все переводы священных текстов на иные языки утрачивают свои подлинные императивы, иеремиады и первичные смыслы вообще. Теряют *sacrum*, оставаясь простыми грамматизмами. Керигматика, иерофания сказуемы во языцех лишь однажды. Всё остальное – тени на стене. Сценография.

Климамен и бриколаж. К. Леви-Стросс дает развернутую характеристику бриколажа как мыслительного и праксеологического феномена. «...Существует одна форма деятельности, позволяющая достаточно хорошо воспринять в техническом плане то, что в умозрительном плане могло быть наукой... Такую деятельность обычно обозначают словом *бриколаж* (*bricolage*). В своем прежнем значении глагол *bricoler* применяется к игре в мяч, к бильярду, к охоте и верховой езде – обычно чтобы вызвать представление о неожиданном движении:

¹ Валери П. Чистая поэзия // Писатели Франции о литературе. – М., 1978. – С. 103.

отскакивающего мяча, лошади, сходящей с прямой линии, чтобы обойти препятствие. В наши дни бриколер – это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом. Однако суть мифологического мышления состоит в том, чтобы выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но все же ограниченного; как-никак, приходится этим обходиться, какова бы ни была взятая на себя задача, ибо ничего другого нет под руками. Таким образом, мышление оказывается чем-то вроде интеллектуального бриколажа...»¹

Часто отмечался мифопоэтический характер бриколажа. Мы обратим внимание на эпос как фольклорный жанр и, соответственно, на эпический театр Бертольда Брехта.

Бриколер способен выполнить огромное число разнообразных задач. Но мир его инструментов замкнут, и правило игры всегда состоит в том, чтобы устроиваться с помощью «подручных средств». Используются остатки предшествующих построек и руин. Припомним анализы О. М. Фрейденберг, адресованные трансформациям Тотема в религии высокого плана.

Инженер, решая творческие задачи, вопрошает универсум. Бриколер адресует к коллекции из остатков человеческой деятельности, то есть к какому-то подмножеству культурем. Мифологическое мышление может быть обобщающим (преднаучным); оно также действует посредством аналогий и сопоставлений, хотя в случае бриколажа его создания всякий раз сводятся к иному распорядку уже имеющихся элементов. Мифологическим мирам словно предназначено быть разрушенными, едва они образовались, чтобы из их осколков рождались новые миры (Ф. Боас).

К. Леви-Строс подчеркивает *поэзию бриколажа*. Действительно, из тех же самых слов (неологизмы не в счет) создаются новые миры и кумиры. Искусство располагается где-то на полпути между научным знанием и мифологическим (магическим) мышлением.

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление – М., 1999. – С. 126.

Японские сады и вообще сжатые модели исходных конфигураций (скейлинг) суть бриколаж. Коллаж – ситуация аналогичная¹. Панорама: аналитика (преобразования) и синтезы (обобщения).

Все «наобороты» в культурах можно числить по разряду бриколажа. *Н. Рерих*: дневник путешествия в Центральной Азии. «Любопытны монастыри бон-по – чёрной веры, враждебной Будде. Настоящая чёрная месса по всем правилам люцифериян. Обратное хождение, обратные ритуалы, на месте Будды вымышленное лицо с теми же биографическими подробностями. Покровитель чёрной веры тоже царского рода и сопроважден подобными же атрибутами. Последователи чёрной веры очень многочисленны и не пускают буддистов в свои храмы»². Происхождение бон-по, возможно, связано как-то с друидами и древними огнепоклонниками.

Таковы же (изделие бриколера) исторические инверсии. *М. Бахтин*: «Сущность такой инверсии сводится к тому, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармонические состояния человека и общества...» Историческая инверсия позволяет изобразить как уже бывшее в прошлом то, что «на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого»³. Историзмы должны принадлежать истории.

Нелегкая это задача – быть протоколистом окружающих нас жизнетворений и, к тому же, своих умозрений, рефлексий и флексий, то есть собственных добавлений, восполнений, склонений и спряжений. Вопреки бесчисленным артефактам – «Надо только жить: видеть всё как оно есть, а то и совсем наобо-

¹ Там же. – С. 126–138.

² Рерих Н. Алтай – Гималаи: Путевой дневник. – Рига, 1992. – С. 308.

³ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 297.

рот»¹. Открывать действительность (не публично, так средствами неслышной лингвистики), а затем пустить ее на бриколаж (экстремали – здравый смысл и «Герника»).

В истории театрального искусства отмечены две противоположные тенденции в сценографии. Театр Палладио в Винченце (1580) и театр Алеотти в Парме (1618). Если принять, что театр и его пространство есть модель мира, выработанная данной культурой², то в палладиевской и алеоттианской архитектурных версиях театра перед нами предстает художественное решение вопроса о соотношении «единого» и «множественного» с противоположных позиций. В театре Палладио доминирует ренессансная по духу интерпретация античной сцены; театр Алеотти основан на принципах барокко³. Две различные эстетики театрального пространства.

Заметим, что театр «Глобус» («The Globe»), где давала представления шекспировская труппа, вошел в историю с неточным переводом. Как считают современные шекспироведы, актеры называли свой театр «Земной шар», имея в виду, что они будут показывать в театре жизнь всего мира»⁴. Намек на позднейший образ театра как модели культурного миростроения.

«Наобороты»? Три символистских романа: Ж.-К. Гюисманс. «Наоборот»; Р. М. Рильке. «Записки Мальте Лауридса Бригге»; Дж. Джойс. «Портрет художника в юности». Возьмем наугад изречения из оных. *Гюисманс*: «Подземная работа души нам не ведома»⁵. А не там ли, в потемках предсознания творится самое главное – зарождаются личинки проектов, утопий, формируются императивы, аккузативы (обвинительные акты), таятся

¹ См.: Моруа А. Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго. – М., 1987. – С. 115.

² Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. – М., 1968.

³ Поликарпов В. С. Наука и мистицизм в XX веке. – С. 183.

⁴ Шенбаум С. Шекспир: Краткая документальная биография / Пер. с англ. – М., 1985. – С. 271.

⁵ Наоборот: Три символистских романа. – М., 1995. – С. 14.

и ждут выхода в свет превосхождения и все «супер», «мега», «экстра» и «мета»?

Рильке: «Возможно ли, что вся история человечества ложно истолкована? Что всё прошедшее искажено, ибо нам вечно толкуют о массах, тогда как дело совсем не в толпе, а в том единственном, вокруг кого она теснилась?.. Да, возможно»¹. Герои и толпа. «Мир вывихнут, но вывихнут и я» (лорд Байрон). Даже земная ось накренилась вкось. Искривились имена – и вот Конфуций: «Исправление имен». Данте Алигьери и Дон Кихот Ламанчский вышли на бой с кифозом и сколиозом имен. Но оказалось, что кривизна – наша привычная лингвоэкология. Да и где такие курвиметры, чтобы смирить многосмысленные возвышенных понятий и «алтарных имен»? Вот история всемирной литературы, изданная в XIX веке. «Слова: природа, закон, свобода, необходимость, тело, субстанция, материя, церковь, государство, откровение, познание, вера, понимаются и употребляются в самых разнообразных смыслах, дающих повод к очень крупным недоразумениям»². *Свободу* понимать по Гегелю (объективный идеализм) или по Гоголю («Выбранные места из переписки с друзьями»)? Никаких критериев для *правильной* (нормативной, оптимальной, сбалансированной) истории никогда не было и не могло быть. Императивы: *Воля-к-власти, Über alles!* – форсированные историцизмы. Альянсы поют перепетые романсы, перетягивая лоскутное одеяло истории на себя.

Джойс: «Личность художника переходит в повествование, развивается, движется, кружит вокруг действующих лиц и действия, как живописное море»³. И всё же это разные вещи – произведение искусства и его автор. *Томас Манн*: «Я хочу указать на ошибочность отождествления действительности с ее художественным изображением. Я хочу, чтобы произведение искусства рассматривалось как нечто абсолютное, не подле-

¹ Там же. – С. 153.

² Всеобщая история литературы. Под ред. В. Ф. Корша. – СПб., 1880. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 67.

³ Наоборот. – С. 440.

жащее дискуссии с житейской точки зрения»¹. И еще раз: «В искусстве имеешь дело с абсолютным...»². Ну, а если вставной эпизод, боковое зрение? «Любопытно, что порой вещи совсем не предусмотренные, импровизированные удаются в книге лучше всего»³. Спонтанность и флуктуации в текстообразовании. Неслышная лингвистика вообще турбулентна.

Для всемирной истории *бриколаж* – слишком вежливая модель. Бифуркации и катастрофы, безоглядные повороты и развороты неизвестно куда, прямые абсурдизмы... Гомеорез даже никому не снился. Ормузд и Ариман творили мир катамаранно, изначально и контрарно. Тезис и его «анти». Моноидеизмы придумали в иных краях.

* * *

Археология данного. Жак Деррида: «Грамматология», где Археписьмо (А), Деконструкция (Д), Восполнение (В) и След (С). Эпопея, фармакопея и декомпозиция реалий. Общее впечатление: «Само по себе творчество Дерриды в известной степени можно было бы назвать обширным, нескончаемым комментарием к чужим мыслям и к самому себе, в результате чего его собственная мысль всё время ускользает от четких дефиниций и однозначных определений»⁴. Авторские позиции четко не обрисованы, убедительность доказательств остается не предъявленной. Грандиозное кружение эпициклов наподобие громоздких бытийных штудий в «фундаментальной онтологии». В широких культурных горизонтах – вращение по касательной в окрестностях Бога, Экзистенции, Истины, Духа, Человека и других высших сублиматов, однозначно или вообще никак не определяемых в любых дискурсивностях.

¹ Манн Т. Письма. – С. 13.

² Там же. – С. 130.

³ Там же. – С. 149.

⁴ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – С. 11.

Все проекции четырехмерного вектора (А, Д, В, С) сами по себе не новы. *Археписьмо* – очень абстрактный, эфирный конструкт, по-французски *Différance*, а в переводе на русский *Различание* (множественность различий и способность к таковым). *Деконструкция* – это этимология слов и смыслов, раскопки в «логосах», иначе геохронология культурем, палеонтология их и прочая экзотика. *Восполнение* – тривиальный психоментальный акт: воображение, обобщение, гиперболы, воздушные (или песочные) замки и сапоги-скороходы. *След?* «Воспоминание настоящего», по А. Бергсону, а более приземленно – остаток вчерашнего дня с учетом того, что в этом мире никакие вещи и явления не уходят в ничто. Следы всегда остаются. Сорвешь цветок – и вздрогнет вся Вселенная и не вернется в исходное состояние. Об этом (физика и метафизика) где-то сказано. Заслуга Жака Деррида в *тематизации* четверицы, а не в принципиальных новациях (детали не в счет).

Археписьмо – шедевр Грамматологии. Но, как ни странно, сие предъявлено лишь в боковом освещении. Вот Гегель, непревзойденный диалектик и мастер тонких анализов. Различие и тождество. «Так как каждое из них самостоятельно, поскольку оно не есть *другое*, то каждое из них *светится видимостью* в другом и есть лишь постольку, поскольку есть другое. Различие сущности есть поэтому *противоположение*, согласно которому различное имеет перед собой не *вообще* другое, а *свое* другое, т. е. каждое из различных имеет свое определение только в своем отношении с другим, рефлексировано в самое себя лишь постольку, поскольку оно рефлексировано в другое. И точно так же обстоит дело с другим, каждое есть, таким образом, другое своего другого»¹. Такова реальная картина – логико-диалектическая, методологическая и самая обыкновенная. Мир не может состоять из одних *Différance*. Эта *Differ* фундирована для мирообразования неосмотрительно и произвольно. Можно ведь сказать, что мир представляет собой множество идентичных в себе вещей, пусть на мгновение (как в логике буддизма)

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. – М., 1974. – Т. 1. – С. 276.

и пусть лишь перцептивно и упрощенно. Иначе всё рассыплется пылью – и объекты, и субъекты, и протоны, и кварки, и знания, и все первичные ориентиры (страны света, гороскопы и дорога домой). Нам (и миру, и нашему кумиру) нужны константы, инварианты, законы, парадигмы, эйдосы, скейлинги, ландшафты и откровения.

В контексте Грамматологии Жак Деррида поднял восстание против «места» как опорного столба метафизики и культурологии. Зачем? Исправление имен? Снять Полярную звезду, срубить шаманское дерево, забыть о своем стойбище, улусе, смотреть в клубок Гринвичский меридиан, осквернить святыни (Мекка, Ватикан, Оптина пустынь), изъять из Самости Я–сознание (Нирвана не в счет), зашторить *Big Bang*, убрать Олимп из древней Греции, закрыть Платона (откуда вся метафизика), сравнить с землей Меру (буддийская мандала) – пунктир такого рода не имеет финальностей.

Заодно Жак Деррида хотел бы изъять *голос–логос* из культурфилософии. Перейти на мануальные системы общения, азбуку Бройля, неслышную лингвистику? **Звучащая речь – единственно адекватный носитель сакральных смыслов и кериgmатики.** Священные тексты передавались в устной форме долгое время после того, как была изобретена письменность. Прогнать сквозь строй трибунных лидеров – это Благо.

Коронарное сияние Грамматологии: «... В результате медленного, еле ощутимого, но неуклонного движения всё то, что уже в течение, по крайней мере, двадцати столетий собиралось, и наконец собралось воедино под именем языка (*language*), ныне начинает менять свое пристанище и получает имя письма... Понятие письма как будто начинает выходить за рамки языкового пространства: оно обозначает уже не частную, производную, вспомогательную форму языка вообще (языка как общения, отношения, выражения, означения, смыслообразования и проч.), оно обозначает уже не внешнюю оболочку и не зыбкое удвоение главного означающего, но *означающее означающее*. Таким образом, во всех смыслах этого слова можно было бы сказать, что письмо переполняет язык и выходит за его

рамки»¹. Язык стал письмом с префиксом «архе». Сюда должны лечь анимистические проекции обычных языков («говор вещей») и тотальности *Différance*. Все нелингвистические формы языка: жестика, логика и математика, архитектура и мелос, балет и менуэт, а также складки в наших ментальностях и узуальностях. Там же галактика нейронных сетей, флуктуации Дао, тантризм и любой «изм» под крышами (семь ярусов мироздания) и выше. Сюда войдут, конечно, «генеративная грамматика» Н. Хомского² и умозрения Мераба Мамардашвили³. Жак Деррида демонстрирует нам продвинутый постструктурализм, поднимая планку *Письма*, т. е. *Différance*, до прямой бессодержательности: всеобъемлющее супербытие – *Различание*. По своему духу Грамматология является *церемониальной магией*. Ее автор пишет, что «всякая церемония – какой бы открытый и общественный характер она ни носила – всегда связана с какой-нибудь тайной...»⁴ Нас двинули по направлению к тайникам Грамматологии, спекулятивной и непрозрачной (призрачной).

Différance взлетает выше Бытия, где нет уже никаких номинаций. Как на Востоке Брахма и Дао. *Деррида* пишет: «Будучи «старше» самого бытия, такое различие не имеет в нашем языке никакого имени. Однако мы «уже знаем», что если оно неименуемо, то это не временное явление – поскольку наш язык еще не нашел или не получил этого имени или потому, что искать его нужно в другом языке, вне конечной системы нашего языка. Дело в том, что этому нет имени, не подходят даже имена сущности или бытия, даже «различание», которое именем не является, которое не является чистой именной единицей и беспрестанно распадается в цепочку замещений».

«Это неименуемое – игра, которая производит именные результаты, относительно единые или атомарные структуры, кото-

¹ Деррида Ж. О грамматологии. – С. 119–120.

² Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. – Cambridge, 1965.

³ Мамардашвили М. К. *Стрела познания*. – М., 1996.

⁴ Деррида Ж. *Эссе об имени* / Пер. с фр. – СПб., 1998. – С. 20.

рые называются именами, цепочки замещения имен, в которые, например, именной результат «различание» сам вовлечен, захвачен, переписан, как ложный вход или ложный выход всё еще является частью игры, функцией системы»¹. Тут что-то от гностиков. «Неименуемое» играет само с собой.

Только бы не было простых элементов и каких-либо отсылок. Тут в явном виде наследие Чарлза Пирса. «Введение в игру различений предполагает... такие слияния и такие отсылки, которые препятствуют тому, чтобы в какой-либо момент, в каком-либо смысле имели место простые элементы, присутствующие в самих себе и отсылающие лишь к самим себе»². Пуризм для пуритан, присягнувших на верность тотальной *Différance*. Табуированы даже *моменты* тождества. Не утонуть бы в чистых различениях.

Différance выше всех имен и бытийностей. Читаем *Вступление* к поэме Фирдуси «Шахнаме», героической эпопее иранских народов:

Во имя создавшего душу и ум,
Над кем не подняться парению дум.
Кто место всему и название дает,
Дарует нам блага, ведет нас вперед.
Он правит вселенной, над небом царит.
Он солнце зажег, и Луну, и Нахид.
Он выше примет, представлений, имен:
Им в зримые образы мир воплощен.
Ты зрения не утруждай: все равно
Глазами узреть нам творца не дано,
К нему даже мысль не отыщет пути;
Превыше всех в мире имен его чти.
Того, кто над всем вознесен естеством,
Обнять невозможно душой и умом³.

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб., 2000. – С. 401.

² Деррида Ж. Позиции. – Киев, 1996. – С. 46.

³ Фирдоуси. Шахнаме. – М., 1957. – Т. 1. – С. 7.

Великолепный эпитаф к высоким религиям и *Différance*. Грамματοлогия вознесена в зенит: она парит над миром, даруя имена, зримые образы, а ранее всего душу и ум человека. Туда «даже мысль не отыщет пути» – теряется в расплывах нечто неименуемое, играет сама с собой некая плазма, порождающая протоплазму имен.

Деконструкция (не взрывая абиссалий). Читайте поверхностные сложения слов, обычаев, писаний, изделий (психоделий лучше не трогать). *Деррида* пишет: «Таким образом, язык, традиция и история суть только в той мере, в какой они выходят на поверхность»¹. Планктон, эпидермис, маск-парад – наш привычный листопад, наша судьба и приговор. А куда мы пристроим петроглифы, иероглифы, глиняные таблички, эпические сказания, археологию, историческую герменевтику, катакомбные вероучения, апокрифы, гиперциклы, *Big Bang*, потухшие светила (астрономические и политологические), Геркулесовы столпы, на которых мир держится, не говоря о полезных ископаемых, смещениях геотектонических плит и мифогенностях в наших биографиях? Крона и корни всех вещей, явлений, просветлений и затемнений. Только синхрония? Диахронию – оракулам, препаратерам небывших социетарностей, историсофским сказителям?

Снять все личины. И тогда мы увидим свой истинный эпителий – без ретушировок, татуировок, макияжей, без поддельной жестики, бесконечной фатики и залежалой догматики? Никак. *Виктор Гюго*: «Ибо обратная сторона маски – это тоже личина»². Многослойные маски с наоборотами, разворотами (анфас, ракурс, профиль, умозрение, ибо там свои личины, а изначально трикстериада). И везде *тангенсы*, то есть касания, ибо прямо нельзя смотреть на божество, на солнце и на свой интим.

Говорят о «действительности», как будто она всем уже дана. Но это Конструкт, и ему вообще не найти однозначных шиф-

¹ Деррида Ж. Введение // Э. Гуссерль. Начала геометрии. – М., 1996. – С. 101.

² См. Моруа А. Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго. – С. 407.

ров, определений и разумений. *Х. Ортега-и-Гассет*: «Реальность не есть нечто данное, а есть конструкция, которую человек создает из данного материала». Ракурсы, оценки, сказы и показы вытекают из той ключевой Идеи (антецедент), которая порождает все консеквенты. *Спиноза*: «...Хороший метод – это тот, который показывает, как направить разум сообразно норме истинной идеи...»¹ Моноидеизм. Эманативная модель (когда-то гностическое *Слово*). Но идеаты – творения человеческие или бесчеловечные (*Neues Ordnung*, «Колымская тетрадь»; Геополитика, когда все меридианы и параллели в один карман). Миражи в нейронных сетях, опыляющие антропоморфную терракоту (включая лагерную пыль).

3. МЕТАФИЗИКА И ГРАММАТИКА Я–СОЗНАНИЯ. КОРТЕЖ СТИЛИЗАЦИЙ: ЧУРИНГА, ГОМУНКУЛУС, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Я – содержанье бытия
И всех вещей начало.
ГЕТЕ. «Фауст»

Я зритель, актер и автор.
П. ЭЛЮАР

Чтобы в мире было двое:
Я и мир.
М. ЦВЕТАЕВА

Я призрак истин сплавил
в стройный бред.
М. ВОЛОШИН

¹ Спиноза Б. Избр. произв. – Т. 1. – С. 332.

Нет ничего более призрачного в интерьерах Психеи, чем примелькавшееся, стершееся, выгоревшее, магическое, эзотерическое, трансперсональное, безразмерное и неуловимое «Я». Субъект и объект, грамматизм, персонализм, керн, фокусировка личности и сознания, Мировой столб, шаманское древо, центр мироздания, складка в нейронных сетях, персональный код и... ничейность, пустотность – стойбище Эго нигде не находится, не считая собственного дыхания. И ни с кем не хороводится, опять же не считая групповых сознаний и социетарных расписаний.

И. Гете: «Рассматривать себя как центр мира, потому что ведь все радиусы исходят из его сознания и туда снова возвращаются». Эманативная схема и замкнутые циклы – «вечное возвращение». Доктрина *Прокла*, логико-онтологическая: «Всё самобытное способно возвращаться к самому себе. – В самом деле, если оно эманурует из самого себя, то оно и совершает возвращение к самому себе. Ведь из чего у каждого бывает эманация, к тому у него и одинаковое с эманацией возвращение»¹. Замкнутая на себя природа Единого (Плотин). Таковы все антропоморфизмы. Карусельная предвечность (знаки Зодиака), игра (деревянные лошадки, по Верлену) и эпистемология.

Языкотворческий процесс с необходимостью порождает ядерную структуру – центробежную и центростремительную, субъективную и трансцендентальную, психоментальную и мирообразующую. *Э. Бенвенист*: «Именно в языке и благодаря языку человек конструируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию «Его» – «мое я». – «Субъективность», о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представить себя в качестве «субъекта». Она определяется не чувством самого себя, имеющимся у каждого человека, а как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания... Тот есть «его», кто *говорит*

¹ Прокл. Первоосновы теологии; Гимны. – М., 1993. – С. 41.

«его». Мы находим здесь самое основание «субъективности», определяемой языковым статусом «лица». – Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на я в своей речи. В силу этого я конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к моему «я», становится моим эхо, которому я говорю *ты* и которое мне говорит *ты*»¹. Индивид (личность) – самость – Это (субъект): цепь расширений и редукций (сжатий). «Я» – это конструкт в интересах самости, момент лингво-психологической объективации, необходимой для интерперсональной коммуникации и аутоидентификации. Двойник номинативных знаков (имен), отзывчивый, но рассыпанный по всему человеку.

«Положение человека в языке неповторимо». «Язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком? Мы говорим именно о языке вообще, а не об отдельных языках». «Язык без выражения лица немислим»². Отсюда идиолекты, идиостиль³ и авторские стилизации текста.

Язык онтологичен в своей грамматичности. *Ф. де Соссюр*: «Язык – это клад, практикою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это – грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе»⁴. Онтологизация – явление нередкое. Любые фундированные пласты жизнетворений и сознаний могут подняться над миром и оттуда стрело-

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. – М., 1974. – С. 293–294.

² Там же. – С. 294, 295.

³ Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М., 1983.

⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М., 1933. – С. 38.

видно или глухо посылать свои императивы. «Мне голос был» (Ахматова).

А вот житейская ситуация – квазионтологическая:

«Ему казалось, что думает не он сам, а мысли являются ему откуда-то извне¹.»

Все инсайты, озарения, находки (вербальные, ассоциативные, ментальные) – откуда они? Мышление безразмерно и безместно. А может, подарки эти сформировались и хранились где-то внизу, т. е. в подсознании? Диспозиции Сверхсознания и Бессознательного ассоциируются с левой и правой гемисферами мозга в краниосфере человека. *И. П. Павлов* говорил: «Мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»². Тут свои гештальты, целостности, неделимости и когерентности.

Я–феномен и лингвосознание взаимообусловлены. *Э. Бенвенист*: «Нет понятия «я», объемлющего все я, произносимые в каждый момент всеми говорящими... Таким образом, я не обозначает никакой лексической сущности... С чем же соотносится я? С чем-то весьма специфическим и исключительно языковым: я имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего». «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как я, как бы присваивать язык целиком»³. Личные местоимения – первые опорные точки для проявления субъективности в языке. Вокруг субъекта складывается *дейксис*: это / то, здесь / там, теперь / раньше или потом и т. д. Язык как *дом бытия* повествует лишь о самом себе, о своих собственных существованиях и косвенно о личностном сознании.

В структуре Языка различаются три измерения: семантика, синтактика и прагматика (дектика). Они соответствуют трем

¹ Лагерлёф С. Собр. соч. / Пер. с швед. – Л., 1991. – Т. 3. – С. 454.

² Павлов И. П. Полн. собр. соч. – М., 1951. – Т. 3. – С. 105.

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. – С. 295, 296.

разделам семиотики как науки о знаковых системах. «Сама трехмерность языка – главный источник языковых проблем для лингвистики, философии и искусства слова. Изучение языка в лингвистике, его осмысление в философии, его освоение в искусстве слова – более или менее одновременно и параллельно во всех этих областях – направляются также по трем названным осям. Но не по всем трем сразу»¹. В разные эпохи получает преимущественное развитие одно из этих направлений (стилей, парадигм). *Семантические* ориентации породили поэтику имени. Это символизм (неоромантизм) как общекультурное течение и способ мировосприятия. Акцент на *синтаксис* вызвал к жизни поэтику предиката. Кубофутуризм, импрессионизм. Палитрой художника (живопись, поэзия) становятся не смыслы, а синтаксические структуры, касающиеся организации материала. *Дектический* (прагматический) этап ознаменован переключением доминантных осей с символики на субъективность: смена *кодирования*. Таков имажинизм. Интерес к внутренней форме слов. Обычная грамматика игнорировалась. Ключевое значение приобретает момент «присвоения» речемыслительной деятельности, привязка ее к данному субъекту. Поэзы Хлебникова: идиостиль.

А. Маслоу полагает, что человек обычно соотносит себя с высшими ценностями и реальностями, где бытийствуют любовь, *nirvan* (священное), ожидание чуда, экзальтация и т. п. Над нами довлеет архаический императив: *transcende te ipsum*. Мы возвышаем свои адеквативы или унижаем, бросая в экзигибизионизмы. Отсюда все религии, богоравенство («нищие духом»), нарциссизмы, юродство и покаяние. А прототип-архетип наш – Трикстер, докультурный еще первопредок, своего рода *гиперцикл*.

А. Маслоу: «Понятно, что по мере слияния человека с миром в высшем переживании или посредством мистического опыта частота подобных, отнесенных вовне, реакций будет снижать-

¹ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. – М., 1985. – С. 3.

ся, «Я» как отдельная сущность будет стремиться к исчезновению»¹. За пределами лингвоштудий феномен «Я» включается в спекулятивные построения. Н. А. Бердяев: «Я сам, познающий, – экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания». Но объективация в процессах познания неизбежна. «На этих путях я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный, объективированный во мне. Я начинаю себя стилизовать, и мне самому начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф»². Психейные складки для всех нарциссизмов. Никто не желает оставаться *человеком обыкновенным*, а ведь все мы первично вылеплены из красной глины с добавками от Неба. Не лучшие творения.

Мое «я» всегда остается незавершенным, т. е. представляет собой открытый мир для меня самого. М. Мерло-Понти: «Нельзя, конечно, думать, будто я всегда знал то, что знаю теперь, и переносить в прошлое только что обретенное знание. Вообще говоря, невозможно отрицать, что мне многое предстоит узнать в отношении себя, нельзя загодя помещать в центре моего «я» некое знание себя, в котором изначально содержится все то, что я узнаю о себе позднее, прочитав книги и пережив события, о которых я в настоящее время даже не подозреваю. Идея прозрачного для самого себя сознания, существование которого полностью охватывается осознанием его существования, почти не отличается от понятия бессознательного: это две стороны одной и той же ретроспективной иллюзии, в мое «я», взятого в качестве объекта, вводят всё то, что я смог бы узнать о моем «я» дальнейшем»³. Мы постоянно вчитываем в свое «я» новые знания (и химеры от браконьеров), почерпнутые из письменностей, социальностей и откуда угодно. Плюс свой собственный опыт (резиньяция, медитация, крутящиеся

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб., 1997. – С. 348.

² Бердяев Н. А. Самопознание. – С. 317.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – С. 483–484.

дервиши и синергетические складки, не говоря о катастрофах). Но всё это пыльный гобелен и артефакт для нашей точечной и бестелесной экзистенции. – Картезианская ясность и отчетливость? Но *Cogito* само для себя не прозрачно. Переливчатый ландшафт умозрения.

Жан-Люк Нанси: «Высказывание «ego» не просто имеет место. Скорее, оно *есть место*. Оно бывает лишь локализованным: *ego = тут* (это одновременно и дислокация: точно так же ego расположено *там*, размещено *вон там*, на расстоянии высказывания). Все места равноправны в вы-сказывании «ego» (в вытеснении его за свои пределы, дабы возникло это «свое»), но только в качестве мест. Нет ни а-топии, ни у-топии *ego*. Но есть лишь эк-топия высказывания, образующая абсолютную, всякий раз абсолютную, топику *ego*. *Hic et nunc, hoc est enim...*» «Материальная аксиома, или абсолютная архитектоника: *corpus ego*, подразумевает, следовательно, что не существует «ego» вообще, но есть лишь отдельный *раз*, случай и обстоятельство *оттенка*: напряжение, вибрация, модуляция, цвет, крик или пение. И при всех условиях обязательно *голос...*» «Ego» всегда произносится...»¹. [А как быть с установками Жака Деррида, который отвергает *Голос-Логос*?] Корпус Ego задает непрерывность виртуального пространства, неразличимость многих точек существования Я-события, кольцеобразность смысла (Нанси). Уроборос.

Я-сознание, как просвет в Самости (не отсюда ли «Луч света в темном царстве»?), не поддается никаким определениям и экспликациям. Возможны только иносказания, метафоры, метаболы, параболы и символы. (Всякие закругленные дефиниции – это игра манекенов, которые вообще для игры не годятся.) Я-субъект – бюрократическое, деспотическое начало в человеке, распорядитель безымянной энергии, разлитой в чужих (ничьих) владениях.

Как проснувшееся Ego, Я-субъект никогда не дан себе непосредственно. Только через «иное», через «других», не ис-

¹ Нанси Ж.-Л. *Corpus*. – М., 1999. – С. 50–52.

ключая инферналий. (Жан-Поль Сартр: «Ад – это другие».) Но в мире объектов Я-субъект сам становится объектом и предметом: «тЪ», «он», у «него» и т. п.

Психоаналитические расклады вокруг «Я»: Фрейд и Лакан. «Свое Я (moi) есть, в наиболее важном своем аспекте, функция воображаемая. Это открытие, сделанное на опыте, а вовсе не категория, которую я мог бы, едва ли не *a priori*, квалифицировать как принадлежащую к Символическому». «Собственное Я, функция воображаемая, участвует в психической жизни исключительно в качестве символа. Своим Я мы пользуемся точно так же, как туземцы Бороро пользуются попугаем. Там, где Бороро говорят *Я попугай*, мы говорим Я – это я сам»¹. Новый нюанс и ракурс (реалистический и этнографический) в репертуаре экспликатов для неуловимого Я. Функционально (и адгезивно) Я-маркер представляет своеобразный реликт и атрибутив тотемизма, который исторически никогда не угасает (культ вождей, лидеров, завоевателей, законодателей, гениев и святых).

«Я – это чистой воды объект. Ваше Я, которое вы воспринимаете якобы внутри поля ясного сознания в качестве единства этого последнего, как раз и представляет собой то самое, перед лицом чего непосредственность ощущения оказывается под угрозой. Единство это вовсе не однородно с тем, что происходит на поверхности вашего поля сознания, которое само по себе нейтрально»². Каньон, щель (лазейка для нечистой силы, по «Фаусту»), шлиц, расселина и шизокомплекс. Феномен «Я» расколот навсегда.

Пусть и этикеточное, Я-сознание входит в общий музей «центральных мест», о которых уже говорилось. Термин, как таковой, встречается в работах географического цикла³, а может быть, и где-то еще.

Получается, что Я-сознание (в смысле самоощущения индивида) является пустым и чисто символическим. Где же

¹ Лакан Ж. Семинары. – М., 1999. – Кн. 2. – С. 56, 59–60.

² Там же. – С. 75.

³ Бунге В. Теоретическая география / Пер. с англ. – М., 1967.

фокусируются наши эмоции, переживания и вся палитра (натюрморт) чувственных образов? Для большинства эмоций вообще нет названия, т. е. вербальных следов¹. А как быть с энциклопедией, метафизикой и поэтикой *впечатлений*, по Марселю Прусту? Случайные миры, где целостности – продукт воображения. Пруст признавался, что он обречен гоняться за призраками, которые к тому же профильтрованы «решетом Эратосфена».

Реванш берет *персонализм*, где личностное сознание поднимается на высоту безоглядную. «В противоположность миру без глубин, о котором говорится в различных формах рационализма, личность – это свидетельство таинства... это не нечто редкостное и конфиденциальное или же на время освященное невежество. Это само присутствие реальности, столь же обыденное, столь же универсальное, как и поэзия, которой оно отдается с гораздо большей охотой. Я познает его в себе с чистотой, гораздо большей, чем где бы то ни было, познает как шифр собственного своеобразия, не поддающийся расшифровке, ибо оно раскрывается как позитивный центр активности и рефлексии...»² Личностный универсум – на вершине Антропного принципа. Целевая функция эволюционной космологии. Ортогенез на службе непостижимого персонализма. Гиперболоид метафизический. «Личностный способ существования есть наивысшая форма существования, а вся эволюция природы ведет к возникновению творчества, знаменующего собой завершение Вселенной. Отсюда следует, что суть Вселенной – в процессе персонализации»³. Что-то близкое к Тейяру де Шардену, где *точка Омега*.

Индустриальное общество требует машиноподобных существ, а в постиндустриальном достаточно манекенов. *Андрей Белый* остро чувствовал «машинизацию» современного общества и человека в нем. «Машина съедает жизнь, машина одухо-

¹ Тюляев С. И. Искусство Индии. – М., 1968. – С. 64.

² Мунье Э. Манифест персонализма. – М., 1999. – С. 308.

³ Там же. – С. 462.

творяется, человек же превращается в машину к машине – в привод к колесу. Как машина, человек подчиняется железным законам необходимости... Изделие съедает делателя: и ритму жизни уже нет точки приложения в жизни: так сущность жизни оказывается внежизненной сущностью»¹. Над человеком довлеет безличная онтология, и творится некий кошмар. Из письма А. Белого Александру Блоку: «Никто сам не хочет *делать, решать, дерзать, искать* слов о пути. Со всеми *делается...*»² Мистические анархисты возвели в норму это безличное «делается».

Двадцатый век, катастрофический и бестиальный, обнажил зияние, разделяющее цивилизованный мозг и архаические пласты Психеи, откуда выползли на историческую арену «старые демоны» и разные бесы. *Эрих Фромм*: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – всё еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идола и мифы»³. Введение в реальное человековедение, которое без ретуши и камуфляжа, разрисовок и подтасовок, без априорий режиссуры и дрессуры для придворных летописцев.

«Мы забываем, – пишет Э. Фромм, – что сущность идолопоклонства не в поклонении тому или иному идолу, а в особой человеческой установке. Эта установка может быть описана как обожествление вещей, отдельных аспектов мира или подчинение людей таким вещам, в отличие от установки, при которой человек посвящает свою жизнь реализации высших принципов жизни, принципов любви и разума, стремится стать тем, чем он потенциально является, будучи созданным по образу и подобию

¹ Белый А. Арабески. – М., 1911. – С. 19, 47.

² См.: Андрей Белый. Проблемы творчества: Сборник. – М., 1988. – С. 157.

³ Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1995. – С. 11.

божьему. Идолы – это не только фигурки из дерева и камня. Идолами могут стать и слова, и машины. Лидеры, государство, власть, политические группировки тоже могут служить идолами. Наука и мнение ближних могут стать идолами, и сам бог стал идолом для многих»¹. Добавить бы сюда банковский счет и собственный самолет.

Записано изречение Генри Форда: «История – это ерунда». Любую историю всегда можно перетряхнуть – текстуально, закулисно и скандально. Ж. Лакан, ссылаясь на Фрейда, говорил, что главное – это не припоминание, а переписывание истории. Установки Фрейда «невозможно сформулировать иначе, чем это сделал я – *переписывание истории...*»² Дисциплинарная история с легкостью необыкновенной меняет свои светотени, ракурсы, опусы и фокусы, «наобороты» и развороты, повторяя древнейшие приемы оборотничества. Гуттаперчевый логос.

Миксер: житнетворения социетарные и Психея аффектуарная. Эрих Фромм: наша жизнь «это духовный хаос и мешанина, близкие к безумию, – причем не к средневековой истерии, а скорее к шизофрении – когда утрачен контакт с внутренней реальностью, а мысль отделилась от аффекта»³. *Внутренняя реальность* – в анабиозе или склерозе (забытая *an sich*).

Соционика для всех: «...Жизнь везде одна и та же – голод, унижение, порок, невежество, алчность, лихоимство, крючкотворство, пытки, деспотизм; ненависть человека к человеку; ярмо, уздечка, недоуздок, шпоры, хлыст»⁴. Список не закрыт, а многое вообще остается без названия и упоминания даже в сатириконах и энциклопедиях эксгибиционизмов. Так, может, наверху почище, вблизи ангелов и архангелов? Но вот – Г. Честертон: «Только самое худшее поднимается у нас к небесам».

Особо следует отметить книгу австро-немецкого искусствоведа Г. Зедльмайра «Утрата середины» (1948), где дана резкая

¹ Фромм Э. Иметь или быть / Пер. с англ. – М., 1990. – С. 308.

² Лакан Ж. Семинары. – М., 1998. – Кн. 1. – С. 22.

³ Фромм Э. Психианализ и религия // Сумерки богов. – С. 144.

⁴ Миллер Г. Тропик Козерога. – Пб., 1996. – С. 33.

критика авангардистского искусства и новейших тенденций в образе жизни человека. «Ночное, тревожное, болезненное, ущербное, смертоносное, гниющее, безобразное, искаженное, грубое, непристойное, извращенное, механистическое и машинное – все эти регистры, атрибуты и аспекты нечеловеческого овладевают человеком и его ближайшим миром, его природой и всеми его представлениями. Они влекут человека к распаду, превращают его в автомат, химеру, голую маску, труп, призрак, в клопообразное насекомое, выставляют его напоказ грубым, жестоким, вульгарным, непристойным, монстром, машиноподобным существом. В различных «направлениях» новой живописи мы видим лишь тот или иной тип связи подобных античеловеческих черт, при этом, говоря огрубленно, в кубизме доминирует омертвление, в экспрессионизме – огненный хаос, в сюрреализме – холодный демонизм...»¹ Цитированное произведение принесло автору необычайную популярность. Эта незаурядная работа неоднократно переиздавалась в разных странах. В итоговых своих публикациях Зедльмайр заявил о полнейшем неприятии всех новаций современности с их «изоляцией индивидов, обездушиванием, равноправием, обесстыживанием природы и древней красоты и упразднением всего высокого в повседневных акциях культуры»². Складывается новая ересь – о «полной свободе» человека, и эта «ересь» в синтезе с «технически индивидуализированным существованием», подчеркивает Зедльмайр, повинны в «чудовищной остроте насильственности» всего современного строя жизни и сознания. – Добавьте сюда вульгарную либидозность, этнолингвистические и племенные (бантустанные) нарциссизмы – и картина будет адекватной для бескоординатных существований.

В плане герменевтических штудий (с поворотом экзегетики в сторону тропических джунглей и вечной мерзлоты) – Г. Шнем: «Душевная жизнь человека и тем более духовная жизнь челове-

¹ Sedlmayr H. Verlust de Mitte. – Frankfurt a. M., 1959. – S. 103–104.

² Sedlmayr H. Gefahr und Hoffnung der Technischen Zeitalter. – Salzburg, 1970. – S. 26.

чества – чудовищная фантазмагория, кошмар, а не планомерная эволюция семени, передаваемого и воспринимаемого по законам природы и в назначенные ею сроки»¹. Природа с ее трофологией тоже ведь далека от искомой гармонии. Социум превзошел всю дочеловеческую эволюционику (только у сапиенсов камеры пыток, инквизиция и садизм), обзавелся невиданными синкретизмами, где авгиевы конюшни и тронные залы, болотные пузыри и хор ангелов, музыка сфер и газовые камеры.

* * *

Личность актуальная и виртуальная. Мигель де Унамуну: «Я утверждаю, что кроме той личности, которая предстает, скажем, пред очи господина – если пред очи господина вообще предстает какая-либо личность, – кроме той личности, которая предстает перед другими, и той, которая предстает перед собой самой, есть еще и иная – та, которая хотела бы существовать. Именно та личность, которая хотела бы существовать, и есть (в ней самой, в ее душе) настоящее творческое начало и настоящая реальная личность. Наше спасение или гибель зависит не от того, кем мы были, а от того, кем мы хотели бы стать. Бог вознаграждает или обрекает на муки вечные именно за то, кем хотел быть человек»². Не отсюда ли «теория возможностей» Р. Музиля (есть и математическая теория возможностей), «возможный человек» М. К. Мамардашвили, а на экстремуме Сверхчеловек?

Из той же когорты – юродивый, с виду *сдвинутый* под ноги прохожих, а в действительности *продвинутый* по направлению к нуминозному радикалу и фиденциалу.

Но вот личность профанная, но опыленная в чашелистиках Искусства, вырастает от земли до неба. Всепоглощающий монолог. «В наше время личность стала высочайшей формой и величайшим проклятием художественного творчества... Ху-

¹ Шпет Г. Г. Соч. – М., 1989. – С. 572.

² Унамуну М. де. Избр. – Т. 2. – С. 8.

дожник считает свою изолированность, свою субъективность, свой индивидуализм почти святыми. Так в конце концов все мы собираемся в одном большом загоне, где стоим и блеем о нашем одиночестве, не слушая друг друга...»¹ Крааль для риторики, сказов и показов – суггестивная модель для всей человеческой популяции, которая говорит и говорит, как собственный фаворит.

Человек есть носитель исконных и глубоководных постулатов и аксиом, которые выплескиваются вовне («через край перелилась»). В первобытном мире – подсознательный моноидеизм. «Первая вера человека (не в религиозном смысле) была безотчетное верование в свой инстинкт...»² Была и осталась: нуминозный радикал, дихотомия *мы* и *они*, все люди – враги. К. Юнг: «...В бессознательном ничто не изменяется. Начиная с некоторого момента оно даже демонстрирует склонность к регрессии на более низкие и более архаичные ступени». Душа в своих абиссалиях остается языческой, примитивной и антикультурной; наверху непрочный молекулярный культурный слой – артефакт. Не более того. «Великие события нашего мира... дышат не духом христианства, а духом неприкрашенного варварства»³. Синхрония исторического бытия устрашающе архаична в катакомбах своих и на плаву.

Общие идеи, поднятые к небесам, рассчитаны на умозрение, дальноркость и скольжение по облицовочным покрытиям. Свободный пробег в морозных сферах абстракции. Плюс суггестия и мета-гипноз. Владимир Набоков: «Все общие идеи, так легко добываемые и перепродаваемые, – только потертые паспорта, позволяющие их обладателям быстрый переход из одного края незнания в другой»⁴. Атмосфера не меняется, если

¹ Бергман И. Статьи. Рецензии. Сценарии. Интервью. – М., 1969. – С. 250.

² Одоевский В. Ф. Соч. – Т. 1. – С. 275.

³ Юнг К. Архетип и Символ. – М., 1991. – С. 241, 242.

⁴ См.: Шаховская З. В поисках Набокова; Отражения. – М., 1991. – С. 68.

мы обустроим Поэтохронику и Метафизику в интерьерах и вольерах Словесности – там, где «похищенные языки» и разная экзотика. Стилль Набокова выпорхнул из гнезда, где гипер-барочный нео-номинализм (неподражаемо талантливый), но «общие идеи» нокаутированы прицельно. Мы всё еще «реалисты» – наследники средневековых поклонников абстракций и понятий, дочерних предприятий Платоновых эйдосов.

Alter Ego: трансформы и онтология. В рамках тотемистических верований члены родовой общины не отличались друг от друга. Но уже здесь началась дифференциация индивидов. Человек отчуждал свою суть в материально-знаковой персонафицированной форме. Культура австралийских аборигенов. Каждый взрослый индивид имел свою *чурингу* – символического двойника, первобытного *alter ego*. Чуринга – это плоский камень или дощечка, куда наносится личный знак индивида (пиктограф, связанный с идеограммой тотема). Индивид и его чуринга разделены (двойник-фетиш находится в тайнике) и неразрывно связаны: у них единая судьба. В чуринге заложена охранительная сила, но в ней же таится и погибель (в случае похищения и порчи двойника). «Вера в абсолютную связь чуринги с судьбой человека... постоянно подкреплялась общественным сознанием той эпохи... Психологически человек воспринимал свою зависимость от фетиша-чуринги как очевидность. И когда фетиш-чуринга разрушался, то человеческое сознание ожидало аналога разрушенной чуринги в самом человеке»¹. Человек фетишизировал сам себя – дихотомийно (синдром двойничества); этому и служит процедура расщепления индивида на оригинал и его символический знак-образ. Чуринга выполняет антиэнтропийную функцию и в то же время несет энтропийную угрозу: амбивалентность первобытного «экзистенциала».

От архетипа-чуринги протягиваются нити (кортеж) к Платоновым эйдосам, монадам Лейбница, гомункулусу доктора Вагнера («Фауст») и новейшей экзистенции (не учитывая

¹ Итс Р. Ф. Шепот Земли и молчание Неба. – М., 1990. – С. 146.

персонального кода). Чуринга – социокультурная квантификация первобытного аниматизма и анимизма. В философии К. Ясперса *экзистенция* имманентно связана с трансценденцией¹, так что чуринга есть своего рода «гиперцикл» для позднейших онтологических построений и вложений в биос «жизненной силы».

Первобытная Метaparадигма «*всё есть всё*» остается почти невостребованной, не считая новейшей физики элементарных частиц и адгезийных метафорических игр. Гегель: «Метафорическое может быть обусловлено... остроумной игрой субъективного произвола, который из желания избежать банальности обуреваем жадной пикантного и не может успокоиться прежде, чем ему удастся отыскать родственные черты, казалось бы, на разнородном материале и составить неожиданную комбинацию из отдаленных явлений»². *Ratio* – это менее всего школьная логика, а весь мир в сплетениях, уловках, матрицах и абберациях. Еще Платон отмечал, что мышление всегда есть *диалог*, который «душа ведет сама с собой о том, что наблюдает»³. А в диалогах есть складки, неурядки и разные иные выкладки. Аврелий Августин: «Широки поля моей памяти, ее бесчисленные пещеры и ущелья полны неисчислимого, бесчисленного разнообразия: вот образцы всяких тел, вот подлинники, с которыми знакомят вас науки, вот какие-то отметины и заметки, оставленные душевными состояниями, – хотя душа их сейчас и не переживает, но они хранятся в памяти, ибо в памяти есть все, что только было в душе. Я пробегаю и проношу повсюду, проникаю вглубь, насколько могу, – и нигде нет предела»⁴. М. Бахтин разрабатывал концепцию *Хронотопа*, которая применима к разным аспектам мыслительной деятельности.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 168–169.

² Гегель. Эстетика. – М., 1969. – Т. 2. – С. 117.

³ Платон. Соч. – М., 1968. – Т. 1. – С. 236.

⁴ Августин Блаженный. Исповедь // Одиссей. Человек в истории. – М., 1980. – С. 160.

* * *

Я–сознание, прежде всего, сдвинуто темпорально. По Бергсону, «воспоминание настоящего». А это значит, что в любых ситуациях – экзистенциальных, медитативных, аналитических, трансцендентных, сакральных – мы имеем дело с метафорами, с тем, что уже пережито ранее, и *hic et nunc* представляет собой пустое множество, мгновение, равное нулю. Прошлое, настоящее и будущее связаны в этой экзотической точке нашей *деятельностью* – соматической, ментальной, психической, т. е. принципом *вечного движения*¹. Никакой «непосредственности», никакого «настоящего» в отличие от прошлого и будущего мы никогда не переживаем и не знаем. Мы всегда *бывшие, нездешие и внешние*. Грамматическое «настоящее время» – это лингвистический миф, не более. *Ф. Дюрренматт*: «...Эпизодическое переживание ускользает, не успеешь его пережить, а оно уже в прошлом, уже воспоминание, уже подделка, фикция, оттого-то ему кажется, будто он не человек вовсе, ведь человек от природы пленник иллюзии, воображающий, что можно пережить что-то, непосредственно вобрать в себя»². Здесь начинаются все остальные иллюзии и окклюзии, в которых мы существуем и бытийствуем, прозябаем, торжествуем, размышляем и витийствуем.

Психея наша – взгляд «эндо» и «экзо» – хаотична и мозаична. *М. Монтень*: «Мы все лишены цельности и состоим из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль. Настолько многообразно и пестро наше внутреннее строение, что в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других. *Magnat rem puta unum hominem agere*. [Знайте: великое дело быть всегда одним и тем же человеком. *Сенека*.]³ А что такое «цельность», адресованная

¹ Бергсон А. Воспоминание настоящего / Пер. с фр. – СПб., 1913. – С. 32.

² Дюрренматт Ф. Избр. / Пер. с нем. – М., 1990. – С. 353.

³ Монтень М. Опыты. – М.; Л., 1958. – Кн. 2. – С. 14.

человеку – произведению многомерному и даже безразмерному, не имеющему однозначной сущности (эйдетической в смысле Платона или категориальной, по Аристотелю)?

Шизокомплекс изначальный в наших психоментальностях: бикамеральный разум. Рассеченный мозг выдает двойное и разное Я–сознание.

Наше двуединое ядерное «Я» непрерывно флуктуирует, как фотосфера солнца (флоккулы). Подобие несомненное. Образуется распыленное множество псевдоподий – сфера непосредственных контактов Эго с экологией, где «принцип реальности», по Фрейду.

Так ежеминутно возникало какое-нибудь из бесчисленных маленьких «я», из которых мы состоим.

М. ПРУСТ. «Беглянка»

Радарные установки, отражатели и скоросшиватели, из которых образуются внешние миры, кумиры и лиры глас. Дисперсия экзистенциалов: Сфарагмос. А нуминозный радикал? У Канта трансцендентальное «Я», априорное.

Напомним, что *панлогизм* Гегеля оживляет себя персонификацией понятий. Последние одушевляются, т. е. возвращают нас к забытой уже архаике, где тотальный *анимизм*. «Понятие есть не только *душа*, но и свободное субъективное понятие, которое есть для себя и потому обладает *личностью*...»¹ Как лицо, понятие представляет собой неделимую, непроницаемую сущность и в то же время всеобщность.

Триада Фрейда сфарагматична: Эго, Супер–Эго и Оно. В свою очередь *эго* стереоцентрично: «Я» внутреннее и веер ложных «я», который функционирует в игровом режиме. Ситуация типа рефлексивного управления, где возможны или необходимы любые обманные движения, маскировки, рокировки и всё такое прочее. Нельзя здесь не вспомнить «Признания авантюриста Феликса Круля» (роман Томаса Манна). Фрагмент:

¹ Гегель. Наука логики. – Т. 3. – С. 288.

«Какое единодушие в желании поддаться обману! Видимо, это потребность, вложенная самим господом богом в природу человека...»¹ Тут не только «серая толпа», которой адресованы рассуждения проходимца, но и уязвимая (всё ждущая чего-то) душа человеческая.

Ложноножки Эго пускаются в дело ради самозащиты или реализации установочных целевых функций (еще глубже залегают доминанты). Внутреннее «Я» дистанцировано от внешней, поведенческой, показной, игровой сферы. «Оно наблюдает за процессами восприятия и действиями. Переживание не сталкивается непосредственно с этим «я»... и поступки индивидуума не являются его самовыражением. Прямые взаимоотношения с миром являются сферой деятельности системы ложного «я»... Система ложного «я» существует как дополнение внутреннего «я», занимающегося утверждением своей индивидуальности и свободы с помощью трансцендентирования, невоплощения, и, таким образом, его никогда нельзя ухватить, поймать, указать точно. Его цель – стать чистым субъектом без какой-либо объективной экзистенции»². *Протей*, который обитает в абиссалиях Психеи, – воображаемый керн, метафизический трансцензус, пустотелый гомункулус, светящаяся точка, святая святых, куда не может войти никакая аналитика и где растворяется Я–сознание. Истинное *Ego* прячется от своих сателлитов и от самого себя, уходя в нетождественность. *У. Фолкнер*: заставить бы собственное «Я» врасплох³. Да вот Анти–психиатрия не позволяет, а имманенция наша не посвятила нас в свои грамматизмы и складки.

Репертуар ложных «я», наша эндо-экология, – это лавка древностей, где все новации глубоко архаичны. Это гардероб давно затасканных личин, которые достались нам от первобытного оборотничества, шаманских камланий, античного театра, средневековых мираклей, эксгибиционизмов, балаганных зре-

¹ См.: Кургинян М. С. Человек в литературе XX века. – М., 1989. – С. 160.

² Лэнг Р. Расколотое «я»: Анти–психиатрия. – СПб., 1995. – С. 7.

³ Фолкнер У. Дикie пальмы. – СПб., 1997. – С. 357.

лиц и компрачиков. Наследие, реквизит и декорум, оставшиеся нам от всемирного «Острова фарисеев», не утонувшего вместе с легендарной Атлантидой и не угасшего когерентно с выгоревшими звездами. *Маск-парад* в диахронии и синхронии, на всех этажах Социума, на подмостках сцены и в любых житнетворениях (нудизм, оргиазм, трансвестия, нарциссизмы, избранничество, а когда-то странничество и «Гулящие люди», ныне «Бродяги дхармы»), истерике (массовые психозы), эзотерике (трансперсональная психология), ролевых играх (Морено, Лейтц), догматике и аксиоматике (интоксикация сознания доморощенными идеатами).

Анатоль Франс: «Нельзя уйти от самого себя. Истина эта верна в отношении всех...»¹ Можно: анабиоз, исихазм, трикстериада, фантош, Пульчинелла, «Подвиг разведчика». Фарс. То есть опять же в игру? Больше некуда. По тому же реестру идет и Голгофа.

Сейчас разрабатывается соматический проект и ракурс Эго-психологии: *биоэнергетическая терапия*. Выясняется, что шизо-комплексы недалеки от метафизических откровений. «...У нас имеются две точки зрения, с которых можно изучать развитие шизофрении: по одной, расщепление личности приводит к нарушению целостности ее элементов; по другой, основной раскол происходит между личностью и реальностью»². Схимники, постники, аскеты, затворники, пустынники, столпники, флагелланты, корибанты – шизоидные личности. А занебесная метафизика? Эйдосы, на одном полюсе, и красная глина (меон, гумус), на другом. Разлом. Абсолютная идея и Бытие (единный гиперсимулякр) одарили Всечеловека «ужасами Истории». А мы сами, обыкновенные? *Л. С. Выготский*: «Каждый носит в себе в скрытом виде свою шизофрению». Психоанализ как «Молот ведьм» в средние века. *Ж. Лакан*: «Когда человек открывает лик своего могущества, его охватывает такой ужас, что, снимая с него покров, он одновременно от него отворачивается. Именно так и

¹ Франс А. Собр. соч. – М., 1960. – Т. 8. – С. 35.

² Лоуэн А. Язык тела. – СПб., 1997. – С. 330.

получилось с психоанализом»¹. Аверс / реверс. Познай самого себя. «Страх и трепет». Вместо чуринги – Иероним Босх.

Деконструкция коварна и беспощадна. «Человек в футляре» (защита от дисфакторов) – просто гений.

М. Монтень: «Всякий располагает возможностью пофиглярствовать и изображать на подмостках честного человека; но быть порядочным изнутри и в сердце своем, где всё дозволено, где всё шито крыто – вот поистине вершина возможного»². Энциклопедию собственных эксгибиционизмов не выставляй на показ. Иначе будешь отринут и проклят. *Проспер Мериме*: «... Как-то грустно при мысли, что нравишься людям только под маской и что, сняв ее, окажешься для них ненавистным»³. На всецветном маск-параде все без исключения должны быть в личинах.

К. Ясперс, создатель современной психопатологии и экзистенциальной философии (суть ее: «сам человек и его философские мысли неразделимы»), осмыслил феномен шизофрении в дихотомийном плане, где представления об *истинном* и *неистинном*. «Мы живем, – пишет он, – во времена искусственного подражания, превращения всякой духовности в производство и учреждение, простого стремления к какому-то образу существования, действий «по усмотрению» и сценических переживаний, во времена людей, изначально знающих, что они такое... Не может ли в такие времена шизофрения являться условием некоей подлинности в тех областях, где не в столь развязные времена и без шизофрении могла сохраняться подлинность восприятия и изображения? Не наблюдаем ли мы некие танцы вокруг желаемого, но воплощаемого лишь криком, деланием, насилием, самоодурманиванием и самовзвинчиванием, ложной непосредственностью, слепым стремлением к примитиву и даже враждебностью культуре, – вокруг того, что истинно и до глубины прозрачно в отдельных шизофрениках? Нет ли, при всех различиях

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М., 1995. – С. 12.

² Монтень М. Опыты. – Кн. 3. – С. 31.

³ См.: Франс А. Собр. соч. – Т. 8. – С. 111.

установок и запросов, некоей общности у всех этих танцующих вокруг Стриндберга, Сведенборга, Гельдерлина и Ван Гога теософов, формалистов, примитивистов, – общности неистинного, бесплодного, неживого? Просто ответить на такие вопросы утвердительно было бы насильственной и глупой абсолютизацией. Подобные «ответы» превышают меру нашего познания. Что есть «неистинное» – это, как нам представляется, одна из центральных проблем психологии, которая не только не решена, но даже еще не сформулирована с достаточной ясностью»¹. А сколько еще неосознанных проблем остается за кадром и за пределами рефлексий.

4. ТРИКСТЕРИАДА, БОЧКА ДИОГЕНА И ПСЕВДОПОДИИ ЖИЗНЕТВОРЕНИЙ. ГОВОРЯТ ПИСАТЕЛИ

На том я стою: на голове
или на ногах – не знаю.

С. КЬЕРКЕГОР

Мы бесполезно суетимся
позади самих себя.

М. БЛАНШО

Настоящей жизни нет, мы
живем не в том мире.

А. РЕМБО

Нет ничего более удивительного и
безумного, чем сама действительная жизнь.

Э. Т. А. ГОФМАН

Трикстер? Прорыв из алчеринги в архаику, где Миф отвергает Историю, и бунт против тотемизмов, устоявшихся реа-

¹ Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог / Пер. с нем. – СПб., 1999. – С. 237.

лий, верований, традиций и высоковольтных амбиций. Архетип всех докультурных персонажей, экстремальных медитаций (кружащиеся и воющие дервиши), шаманизмов, оккультизмов, балаганных фиоритур, авантюризм и постметафизических «измов», где установочная игра непонятных магических знаков.

Амбивалентность мифических персонажей. «...Став объектом культа, мифический герой никакой этической идеализации не подвергался...»¹ Миф дивергентно расходится по уровням – на высшую линию, вплоть до монотеизмов и рафинированной метафизики, с одной стороны, и на комическую, базарную, площадную линию, где допустимы и естественны вульгарные сюжеты, лексиконы и обертоны, с другой стороны (мениппеи, раблезианские жанры).

Бифуркация своего рода. Отсюда персонификации: Трикстер, Иванушка-дурачок («Конек-горбунок»), народные сказки, экстравагантные *панки*, разношерстные антигерои и т. п. Обычно он («одноклеточный») является одним из братьев-близнецов (отклик на дуально-родовую организацию). Таковы Прометей и Эпиметей. Близнец-антипод наделяется одновременно демоническими и комическими чертами.

Обратимся к полинезийским мифам и фольклорным образам. Там бытийствует культурный герой (полубожественный персонаж) по имени Мауи. Характеризуя деяния этого скандально известного актора, *К. Луомала* пишет: «Когда мир был еще молод, Мауи перевернул вверх тормашками уже окостеневшие устои общества и – если верить оскорбленным богам – пытался вернуть весь природный и общественный порядок в состояние изначального хаоса... Бесперывные нарушения законов и обычаев сделали его столь непопулярным в родной деревне, что он вынужден был удалиться в подземный мир, пока злоба и пересуды не утихнут. Боги... так же как и поселяне, тревожились, что же еще выкинет этот полубожественный юнец, пытавшийся узурпировать их власть и

¹ Стеблин-Каменский М. И. Миф. – Л., 1976. – С. 79.

привилегии, непослушание которого принимало вселенские масштабы»¹. Демоническая мощь, богоборчество (архетип Сатаны. Вспомним сказы Мильтона и Анатоля Франса), ореол «возмутителя спокойствия», непредсказуемые деструктивные импульсы, каинова печать (Мауи появился на свет уродливым недоноском), вояж в подземный мир – всё это характеризует фигуру хтонического плана, выражающую силы разрушения и зла (эстафету примет Мефистофель). Но не только: здесь и сопротивление диктату, бунт против традиций. В общем, вселенский трюк, крупномасштабная буффонада, космическая авантюра. Мауи способен и на добрые дела: он поднял небо высоко над землей, похитил тайну огня у богов (подвиг прометеевского ранга) и т. д.

Со временем образ трикстера как плута-озорника отложился от мифологеми культурного героя. Мауи пребывает в трех измерениях: божественном, человеческом и хтоническом. [Четвертое измерение, обескровленное, объявилось уже в наши времена: это «Посторонний», по Альберу Камю.] Полинезийский герой творит антимир, где всё наоборот (домашнее задание новейшей литературе, культурологии и соционике). Возврат к изначальному хаосу: космическая память.

Культурный герой и трикстер изначально склеены: синкрета. Палеоазиатский мифологический эпос – цикл сказаний вокруг образа *Кутху* (Вороны). По свидетельству С. П. Крашенинникова, изучавшего культуру ительменов (камчадалов), Кутху – божественный персонаж. Однако «не воздают ему никакого почтения, ничего у него не просят и ничем так, как именем его, не забавляются, рассказывая про него такие непристойности, о которых и писать гнусно»². *Sacrum et profanum* (да еще вульгарный) вместе.

Мифологический образ трикстера отражает реальные противоречия бытия: противостояние и единство процессов миро-

¹ Луомала К. Голос ветра. – С. 113.

² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. – М., 1949. – С. 407.

образования и хаотизации, утверждения и отрицания, конформизма и *НОН*. «Такой двойственный персонаж, как культурный герой (демиург) – трикстер, сочетает в одном лице пафос упорядочения формирующегося социума и космоса и выражение его дезорганизации и еще неупорядоченного состояния»¹. Архетип логики абсурда. Трикстер не изучал гегелевских отрицаний, а потому действует импульсивно, спонтанно и внерационально.

Трикстериада – атрибутив сознания. *Гюстав Флобер* признавался (письмо Луизе Колэ): «Что бы ни говорили, а основа моего характера – гаерство... Я прежде всего человек воображения, каприза, непоследовательности»². Интим как тубулентность.

Демиург-трикстер берет глубже, чем уравновешенная архаика с ее гомеостазам и противостоянием любым историзмам. Культурологи пишут теперь о прогрессирующей архаизации современного общества. Как бы не встретиться в точке *Омега* (анти), где сойдутся докультурные интенции трикстериады и безудержные энтропийные потоки, размывающие адъективы высоких культур. Небывшая «Герника» и еще хуже (Пикассо изобразил узнаваемые, хоть и гипертрофированные, фрагменты культурем).

У народов Сибири был широко распространен культ медведя, который содержит в себе несомненные тотемические черты. В мифах и сказаниях медведь фигурирует то как предок людей, то как первый обитатель земли, то как человек, принявший звериный облик (оборотничество, инволюция). Вполне отчетливо тотемические истоки медвежьего культа проступают в обрядах, связанных с охотой на медведя, поеданием его мяса и погребением останков. «Существенно в этих обрядах прежде всего то, что поедание мяса медведя имело значение родовой причастной

¹ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. – М., 1979. – С. 186.

² Цит. по: Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. – М., 1977. – С. 248.

трапезы, напоминающей тотемические обряды вкушания тела тотема...»¹ [Реликты его сохранились в библейских сказаниях.]

Вот фрагмент из поэтических текстов мансийского писателя Ювана Шесталова:

...На столе большом сижу,
На столе большом священном,
С высоты стола гляжу
На людей, на пол, на стены.
Ночь – к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою...
Обескровлен я, бессилен,
Но глаза мои глядят:
Люди, что меня убили,
Супротив меня сидят.
Брагу пьют, мясо едят,
Злые речи говорят.

Глаз мой видит, слышит ухо,
Как, насмешку затая,
Все зовут священным духом
Низведенного меня.

*Пятая дума медвежьей головы*².

Образ медведя в мифо-фольклорных версиях наделяется чертами амбивалентности, где высокое и низкое, священное и приземленное. *А. Ф. Анисимов*: «Наряду с почитанием медведя, которое мы наблюдаем в обрядах, в фольклоре медведь всюду наделяется такими чертами, которые как бы нарочито лишают его ореола святости и из божественного делают смешным, неда-

¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л., 1958. – С. 118.

² Шесталов Ю. Избр. произв. / Пер. с манси. – Л., 1987. – С. 386.

леким и жалким»¹. Насколько же более демократичными являются первичные и глубоко архаичные тотемистические верования! Высокие религии помешались на «чистоте», откуда костры св. Инквизиции, ордалии, анафемы и прочие деликатесы.

* * *

Трикстериада выплеснулась в античной культуре бочкой Диогена Синопского и кинизмом, который выродился в крупномасштабный и мелкотравчатый цинизм. Мы своих цинизмов уже не замечаем, даже если кого-то и чего-то обличаем. Цинический посев взошел в ложноножках жизнетворений – буйными зарослями, мухоморами (отравленный напиток) и пустотельными разговорами, не считая тензоров напряжений в геомагнитных полях, где «мы» и «они».

Диоген, сын менялы, ученик Антисфена. Наобороты–коаны и акцентуированный образ жизни. Свидетельства Диогена Лаэртского². Абсолютная бедность. Днем с фонарем искал человека. Просил подаяния у статуи (гарантированный отказ). Поборник добродетелей. Тень Александра Македонского. Готовность ко всякому повороту судьбы. Гражданин всего мира. Называли его собакой, а он мог быть и Сераписом. Народу много, а людей мало. Оракул советовал ему сделать переоценку ценностей. Демагоги – это прислужники толпы. Мудрецы – друзья богов. Всё существует во всём и через всё. Каннибализм – не преступление. Чары Диогеновой речи.

А теперь два кошунственных разворота. *Первый*: после Диогеновых речей и поведений произошел ли азимутальный сдвиг людей по направлению к добру, истине и справедливости?

Известный американский естествоиспытатель *Д. Моррис* (его работы «Голая обезьяна» и «Человеческий зверинец» пользовались на Западе большим успехом) пишет: «Философия «го-

лой обезьяны» состоит в утверждении, что каждая сложная организация есть лишь амальгама для более простых, более примитивных элементов... На базе этого редуционистского подхода человек выступает как пассивный и беспомощный результат действия каких-то могущественных слепых и случайных сил»¹. Постиндустриальное общество реализует новые редуционизмы типа бихевиоризма, так что «голая обезьяна» слышит всё более внятно «зов предков».

М. Horkheimer (Франкфуртская школа): «Индивид, очищенный от всех пережитков мифологии, включая и мифологию объективного разума, реагирует на окружение автоматически, в соответствии с общепринятыми приемами приспособления. Экономические и социальные силы приобретают характер слепого могущества природы, и человек, чтобы выжить, должен овладеть ими, приспособившись к ним»². Императивный адаптациогенез в подбрюшье Левиафана.

Второй разворот. Киники и раннее христианство. Крайности, при всей их антиподальности, сходятся в некоторых узлах и точках. Проповедь и образцы бедности (через игольное ушко богатым не пройти в райские кущи). Бочка Диогена – мицелла для монастырской кельи. Чародейство риторическое там и тут (коаны, притчи, наобороты, парадоксы). Адресат: народные низы, рабы (Диоген был продан в рабство), мытари. Барочные сказы, проказы и детали. Вместо Голгофы – керамическая бочка. Диоген как Серапис – высшее божество. Диоген – собака; Иисус распят вместе с разбойниками. Киники – апокриф в античной высокой культуре. Новый завет изначально апокрифичен.

Несколько осколков из тетралогии Жан-Поля Сартра «Дороги свободы». Мозаичное, карнавальное решение сюжетных линий и текстуальных реалий. Высокая литература философична, психологична, культурологична, многосмысленна, поливалентна и семиотична (знаковые средства как шифры).

¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков. – С. 124.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979.

¹ Morris D. Naked Ape or Homo Sapiens. – L., 1972. – P. XV.

² Horkheimer M. Kritische Theorie. – Frankfurt a. M., 1968. – Bd. 2. – S. 97.

Часть первая. – В глубине души твой идеал: быть ничем. Быть своим собственным истоком – вот свобода. Христос и черный ангел за ним [Сатана]. Ведь я ничто, а на тебя мигом навешивают ярлык. Никогда нельзя добраться до себя впрямую. Трудно себя найти. Сплошной человек, мыслящий суровыми лапидарными истинами. Все его мысли инфицированы. Возникло чистое, беспримесное сознание – без субъекта. Моя свобода – миф. Чувства нуждаются в тайне; это нечто смутное, трудноопределимое¹. – Капричос.

Часть вторая. – Эффект присутствия. Одно-единственное слово, и всё меняется: *Бог*. Он ощущал на плечах всю вселенную. Нужно быть одновременно повсюду. Выбирать себя по образцу своих мыслей. Это происходило очень далеко – в глубине души, там, где слова уже не имеют смысла. Спрессованный мрак, который является внутренним содержанием вещей [Ding-an-sich?] Чем больше я мыслил, тем меньше казался себе существующим. В их голове есть нечто, что не может быть выражено словами. Жизнь везде одинакова, всегда одинакова². – Складки.

Части третья и четвертая. – Ничего другого в голове, кроме чужих мыслей. Всё, что ты заимствовал, рассеется как дым; что останется, то и будет твоим. Он думал вместе с небом. Общество со своими кодексами и мифами. Ему не хватало слов. Можно доказать что угодно. Мысль – это так хрупко, растворимо, сокровенно – похоже, что ее на самом деле не существует³. – Откровения.

Сартр не раз говорит о картезианском *Cogito* – отрицательно. А вообще, собранные вместе рассуждения французского писателя и мыслителя – как наброски эссе по философской антропологии, человековедению и психологии ментальностей.

Фрагментарность и цельность, автономность и ситуативность человеческой личности, глубина и скольжение социаль-

¹ Сартр Ж.-П. Дороги свободы. I. Возраст зрелости. – Харьков, 1997.

² Там же. Ч. II. Отсрочка.

³ Там же. Ч. III–IV. Смерть в душе; Странная дружба.

ное, рефлексия и жертвенность, привязанность к моменту и всюдность, кухня ведьмы и судьба человека – всё в случайной и необходимой связи с потоком событий.

На каком же *языке* писатель может вести диалог с действительностью, какую *фасетку* своего умозрения он повернет к реальностям? И какую грань внешних событий он сможет представить себе и другим на обозрение? Иронически, скептически, фантастически, натуралистически, сентиментально, скандально, эпохально (эпический жанр), прагматически, сатирически (Фазиль Искандер), утопически, волонтаристически, императивно («Иди и смотри!»), аккузативно (винительный падеж), мениппейно, комически, саркастически, мифически, позитивно, харизматически? Диатрибой, иеремиадой или протокольно – без руля и без ветрил? Соблюдая константность смыслов и не уходя от фактуальностей в языковые игры? *И. П. Павлов*: «Если ты хочешь употреблять слова, то каждую минуту за своими словами разумеешь действительность»¹. Безопаснее занять позицию «Постороннего», как у Альбера Камю (но ведь за ним гильотина). А в российской словесности – Ремизов: «Я, знаете... вроде как посторонний совсем на этом свете»². Не получится в мире флуктуаций, аббераций и узурпаций.

«Человек живет... в чужом языке»³. В коллективной (Тотем, Полис, Империя, бантустан) символикe, в заемной семиологии, в наследственных (минеральных) категориях и апориях под небесами приусадебной онтологии. Сами не свои, зато выставочные, витринные, титульные, вентральные и везикулярные.

Хорошо жить вместе с моноидеизмом. А. Н. Толстой: «Я не могу открыть глаза на мир прежде, чем всё мое сознание не будет охвачено идеей этого мира – тогда мир предстанет передо мной осмысленным и целеустремленным»⁴. Еще Спиноза говорил, что надо найти такую идею, откуда можно вывести все

¹ Павловские среды. – М., 1949. – Т. 3. – С. 163.

² Ремизов А. М. Избр. – Л., 1991. – С. 479.

³ Тынянов Ю. Н. Литературный факт. – М., 1993. – С. 151.

⁴ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. – М., 1949. – Т. 13. – С. 356.

знания о мире. Первоединое Плотина, Абсолютная идея и Бытие на эту роль сгодились.

Пусть будет так. В архивах философов места хватит всем. Но Язык! Литература и метафизика, вылетевшие из одного гнезда – дерридеанской Грамматологии, со времен древнегреческих (мениппеи, а изначально Трикстер) устремились в изобретательство. Как пишут литературоведы, лирика сродни цирковой эксцентрике, клоунаде и буффонаде¹. *Кортасар*: «Жизнь смеется над грамматикой»². А новейшие грамматизмы возвышаются над всеми склонениями, спряжениями, стилизациями и версификациями. Структура и форма – это и есть литературное произведение. *Раймон Кено* повторяет 99 раз один и тот же банальный случай³. Это не предел.

Психея наша сумбурна, синергетична (бифуркации, катастрофы), лирична, сомнабулична, неприкасаема, неосвязаема и внелингвистична. *Ф. Сологуб*: «Что поется в душе, словами не сказавшись?»⁴ Истинные бытийности растворены в неведомом планктоне и бульоне, где золотые рыбки (откровения, просветления), которые не ловятся. Все вербальные констелляты – это суррогаты, не более того.

Мишель Фуко сравнивал экспериментальное вмешательство в естественные явления с Инквизицией⁵. Что же говорить о прикосновениях к душевным процессам, интимным, субтильным, имманентным и трансцендентным по отношению к чистой соматике. Артефакт получим, интроспекции, аляповатые инспекции, подметные грамоты, пятна Роршаха, беспредметную живопись. Карикатуры.

Если посмотреть вокруг и около, то легко убедиться, что действительность пародирует сама себя. У нее нет даже авто-

хтонного самоназвания. СМИ лишь затемняют суть дела, журналистика плавает на поверхности пруда, историзмы отработывают новоиспеченные доморощенные установки. Оракулы на треножнике о сущностях не слыхали, подручные эйдосы готовятся на скороварке. *Оскар Уайльд*: «Любое явление казалось мне пародией на себя – об обществе я уж и не говорю, потому что это его единственная характеристика, заслуживающая внимания. Но я пошел еще дальше и заключил, что чуть ли не все формы и обычаи в искусстве и жизни находят самое полное выражение в пародии»¹. А что изменилось с тех пор? Есть предметы несокрушимые.

Томас Манн: «Почему почти все явления представляются мне пародией на самих себя? Почему мне чудится, будто почти все, нет – все средства и условности искусства ныне пригодны только для пародии? Но, право же, это риторические вопросы!»² Неподлинность, чувствуя свои эрзацы и кривизны (кифоз в ароморфозе), отдает себя на суд пародии, ибо сама уже пародийна, если не хуже. Жизнетворения прячутся от самих себя.

¹ Гей Н. К. Искусство слова. – С. 55.

² Кортасар Х. Вне времени. – СПб., 1999. – С. 52.

³ Кено Р. Упражнение в стиле / Пер. с фр. – СПб., 2001. – С. 575.

⁴ Сологуб Ф. Собр. соч. – М., 2002. – Т. 4. – С. 498.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. – М., 1999. – С. 331.

¹ Акرويد П. Последнее завещание Оскара Уайльда. – М., 1993. – С. 85.

² Манн Т. Доктор Фаустус. – М., 1993. – С. 117.

Пошла в размол субстанция Спинозы.
Развеян прах эйнштейновой звезды,
Бесшумные песчаные заносы
Засасывают смутные следы.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Там в беспристрастном эфире
Взвешены сущности наши.
Брошены звездные гири
На задрожавшие чаши.

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Душа влечется в Примитив.

И. СЕВЕРЯНИН.

Домен третий

ГЕРМЕНЕВТИКА БЕЗ ПРОПЕДЕВТИКИ. АРГУС И МЕДУЗА

Когда-то экзегетика как толкование священных писаний. Отсюда герменевтика – разборка текстов: историческая, этимологическая интердисциплинарная, а теперь еще и деконструктивная (гашение – обструкция для ораторов, компромат).

В связи с тотальной информатизацией социума, поведений человека и мыслительных актов (да и всего сознания как феномена) возникает ситуация обрыва, равнозначная отрицанию *Cogito*. Искусственный интеллект как *Alter Ego* сапиенса ставит под вопрос многие проблемы, касающиеся природы сознания. Взгляд на биоэволюционистку. «Симбиоз сыграл важную роль в эволюции... Он может сыграть решающую роль... и для человека нынешнего поколения, получившего важного симбионта. Новым партнером человека является высокоскоростной ком-

пьютер»¹. Играют боги, играет Гераклитова река, играют люди, а ныне и небывшая синкрета, кентавр и спрут: человеко-компьютер. Ароморфоз? Эоцен.

М. Фуко, опираясь на историю медицины, пришел к выводу о необходимости рассмотрения сознательных явлений на квазиэволюционном уровне, где историзмы должны связываться не с преемственностью и развитием значений, а, наоборот, с их разрывом. Тут теряется обычная процессуальная последовательность. «Если можно говорить об интерпретации как о бесконечной задаче, то только потому, что интерпретировать-то нечего»². Может быть, сказано слишком резко, но разрывы континуальностей (зияния, провалы) имеют место.

Проблема Тождественного и Иного в парадоксально-негативной форме была поставлена Х. Борхесом и развита далее в работах М. Фуко. Французский исследователь приводит фрагмент из сочинений Борхеса, где значится текст из некоей «китайской энциклопедии», воображаемой и бесподобной. Там говорится, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимым, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) и прочих, н) только что разбивших кувшин, о) издали кажущихся мухами»³. Тут, по словам Мишеля Фуко, перед нами предстает экзотическое очарование иного способа мыслить.

Но далеко ли ушли от знаменитой Энциклопедии наши вербальности? Литература – это магия слова: алхимическая риторика⁴. Такова и постметафизика: «фундаментальная онтология».

Священнодействие на треножнике. Ю. Н. Тынянов: «Каждое художественное произведение ставит в иерархический ряд

¹ Kemeny J. Man and Computer. – N. Y., 1972.

² Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр, 1994, № 2.

³ См.: Фуко М. Слова и вещи. – М., 1977. – С. 31.

⁴ Парандовский Я. Алхимия слова / Пер. с польск. – М., 1990.

равные предметы, а разные предметы заключает в равный ряд; каждая конструкция перегруппировывает мир. Особенно это ясно на стихе»¹. Писателям логопеды противопоказаны.

Языки человеческие (и любые миры) сложились в процессе эволюции под влиянием многих случайных факторов. *Рандомизированный эксперимент*. Отсюда и логика исследований – исчисления вероятностей. Дж. фон. Нейман: «Язык есть в значительной степени историческая случайность... Сама их множественность показывает, что в них нет ничего абсолютного и необходимого... Будет только разумным предположить, что логика и математика точно так же являются лишь историческими, случайными формами выражения»². Язык – в его синхронии и диахронии – это система флуктуирующая: сюда входят бесчисленные диалектизмы, арготизмы, жаргонизмы, «похищенные языки» (поэтика, метафизика, теология), волапук и т. п.

Фюсис и физика? Конструкты. Г. Вейль: «Совершенно ясно, что наша теория физического мира не является описанием явления так, как мы их воспринимаем, но представляет собой смелую символическую конструкцию. Однако можно удивляться тому, что подобный характер имеет и математика»³. Потенциальный плюрализм всех картин мира – виртуальных и реальных (получивших признание). Релевантности («сшиваемость» теорий и теорем) зависят от исходной точки зрения⁴. Ни одна из таких «точек» не может быть бесспорной. Абсолютна только вселенная в целом, но нам не дано этого знать теоретически. Сапиенсы всегда в капсуле (лаборатория, Метагалактика и СРТ–инвариантность с обратными знаками). «Мы все великий эксперимент» (Олдингтон).

Все наши дискурсивности зависят от Логоса. Но *Ratio* обрабатывает только наличные «инфы». Большинство переживаний

¹ Тынтянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – С. 187.

² Фон Нейман Дж. // Кибернетический сборник. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 59.

³ Вейль Г. Полвека математики / Пер. с англ. – М. 1969. – С. 44.

⁴ Барт Р. Система моды / Пер. с фр. – М., 2003. – С. 490.

остаются невыразимыми и вообще не могут быть описаны никакими словами¹. Мы еще раз замурованы в капсуле: сенсорика и нейронные сети.

Концепты – это выгоревшие метафоры, а метафорика работает на категориальных ошибках. Понятия *навязывают* себя внешнему миру (Гегель). То же и с эндооикоменой (интим, самость). Значит, мы неизбежно капсулизируем себя – уже в третий раз, и все редукции онтологичны.

1. TRANSCENDE TE IPSUM. АПОЛЛОН, ДИОНИС И САЛАМАНДРА

Вот электронный мозг в коробке,
Но где она, твоя душа?
Ага, молчишь! Мерцают кнопки,
И лента движется, шурша.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

И снова – в иное, в иное...

В. ШЕФНЕР

Если произойдет то, чему, казалось,
не быть,
Дайте ногу мне сменить: я иду.

Р. КИПЛИНГ

Уйти от самого себя, от реалий окружающих – тлеющих и пылающих, беспонятных, невнятных, хаотичных, прагматичных, обыденных, кифозных, сколиозных, ритуально-нуминозных, ненастоящих, где фантоши и бонзы: императивы центробежные неисчислимы. «Карету мне, карету!»

Вот пилотажный перечень трансцензусов, бессистемный и неупорядоченный с уклоном к вегетативному клонированию.

¹ Маслоу А. Психология бытия. – М.; К., 1997. – С. 123–124.

1. *Принцип партиципации* (Леви-Брюль). Сопричастность реальных событий с какой-то запредельной силой («мана» у полинезийцев). Нуминозный радикал, священный предмет, ритуал, фиденциал, ставший традицией, ауспицией, преданием, воздыханием, ореолом, иконографией, эпитафией и складкой в ризоматике нейронных сетей. Высокие религии дальше этого партеногенеза не ушли: самодостаточность. Все деликатесы человеческие – Истина, Добро, Красота – и сама Жизнь ушли в небеса. Ничего более возвышенного придумать было нельзя. Интенции нашей имманенции, экзистенции и самости – прикосновение к Вечности.

2. *Мишель Монтень* говорил, что мы никогда не бываем у себя дома, уходим куда-то вовне, улетаем на переменчивых ветрах. «Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо...»¹ Абстракции, вымыслы, домыслы, похищенные языки. А ведь «жизнь можно узнать только посредством самой жизни, но ни в коем случае не посредством спекулирования...»² Простые истины кажутся слишком тривиальными и от нас далекими. Нам ближе отчуждения. *А. Сент-Экзюпери*: «Истина человека – то, что делает его человеком»³. На небесах только звезды; остальное – в человеке. Первоосновы нужно деконструировать. «Не откроется на высотах, но лишь в глубине в великой простоте...»⁴ Психея человеческая имеет свой Антропный принцип и Big Bang, где первичная плазма, коацерваты и гиперциклы. Ризома. По Фрейдю, Бессознательное.

3. *Гностики*. Сирийский гностицизм: Василид. Изначальное «божество блистательно лишено как имени, так и происхождения... Его среда – «плерома», или же «полнота»: невиданный музей платоновских архетипов, умопостигаемых сущностей, универсалий. Бог этот неподвижен, однако из его покоя эман-

¹ Монтень М. Опыты. – Кн. 3. – С. 418.

² Фихте Г. Соч. – СПб., 1993. – Т. 1. – С. 574.

³ Сент-Экзюпери А. Планета людей. – Рига, 1988. – С. 115.

⁴ Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – М., 1990. – С. 15.

руют семь подчиненных ему божеств и, унижаясь до движения, создают и возглавляют первое небо». «Мы – неосторожная либо преступная оплошность, плод взаимодействия ущербного божества и неблагоприятного материала»¹. Неподвижность Перводвигателя – от Стагирита. Плерома и музей архетипов – отсюда средневековый «реализм».

4. *Вавилонская башня* – вариант лестницы Иакова и сюжет из «Фауста». Дорога в небо, рукотворная. Брейгель-старший изобразил легендарную башню как монумент, который сооружается человечеством из поколения в поколение, не достигая желаемого.

5. *Похищенные языки метафизики*: Порвоединое, Абсолютная идея, Бытие. Там Всё как Ничто. Магия (и пустота) предельных абстракций: Апофатика. Схождение Теологии и Метафизики. Изначально (исторически) теогония в духе Гесиода: синкретизмы первичные и финальные. На Востоке (Индия) – ведические гимны.

6. *Миф против Истории*. Первобытный образ жизни неотрывно связан с первоистоками – ментально, ритуально и всем своим укладом. Первопредки, устроители мироздания, требуют «вечного возвращения» к стартовым временам алчеринги, которые должны повторяться на каждом шаге житнетворений. Никакие отступления от образцов, предзаданных культурными героями, недопустимы. Отсюда Миф против Истории, т. е. любых девиантностей, имеющих самостоятельное значение. Бегство в до-историю.

7. *Техносфера VS Природа*. Человек ушел от первобытного аниматизма и анимизма. Природа онемела, утратила жизненность и стала чуждым предметом, пригодным лишь для использования в технических целях. Вообще техносфера есть отчуждение сапиенсов от природы, хотя прагматически она всё более интенсивно и широко включается в круг интересов человека. Экзистенция теряется в техноценозах.

¹ Борхес Х. Оправдание Лже-Василида // Гностики. – Киев, 1997. – С. 342–343.

8. *Концепты и Музы*. Расширяется сфера концептуальных связей человека с окружающим миром, но свертываются интуитивно-чувственные контакты с ним. Поэтическое творчество как-то компенсирует эти потери, но здесь всего лишь литература.

9. *Аполлон и Дионис*. Ф. Ницше пророчески говорил, что аполлоническое начало в искусстве и жизни предстанет перед неумолимым судьей Дионисом. Ratio размывается и тонет в океане карнавальной культуры. Ницше увидел в творчестве Еврипида две тенденции. «В логический схематизм как бы перерядилась аполлоновская тенденция; нечто подобное нам пришлось заметить у Еврипида, где кроме того мы нашли переход дионисического начала в натуралистический аффект»¹. Ницше замечает, что греки занимались философией как люди культуры; они хотели переживать всё, чему они учились². Эти адъективы давно испарились в современных обществах.

10. *Театр абсурда*. Антонен Арто отмечал, что трансцендентное состояние жизни – это есть, по сути, то, чего ищут люди посредством любви, преступления, наркотиков, войны или бунта. Театр абсурда подвергает деконструкции естественные связи людей – вербальные, фатические и герменевтические. Театр жестокости бросает нас к докультурным формам бытия, где довербальная коммуникация, спонтанные импульсы и манекенное поведение. Мы живем обычно в середине – между этажами, и нам светят экстремали.

11. *Поиски начал: диалектика*. Гегель: «Каждая новая ступень выхождения вовне себя, т. е. дальнейшего определения, есть также и некоторое углубление–в–себя, и большее расширение есть равным образом *большая интенсивность*. Самое богатое есть поэтому самое конкретное и *самое субъективное*, и то, что возвращает в себя в простейшую глубину, есть самое мощное и самое объемлющее... – Именно таким образом каждый шаг вперед в процессе дальнейшего определения, удаляясь от

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. – М., 1912. – Т. 1. – С. 104.

² Там же. – С. 325.

неопределенного начала, есть также возвратное приближение к началу, стало быть, то, что на первый взгляд могло казаться разным, – *идущее вспять обоснование* начала и *идущее вперед дальнейшее его определение*, – сливается и есть одно и то же»¹. Логика движения понятий под сенью Абсолютной идеи.

Концептуальный констеллат как бы растворяет себя в своем предмете. К. Ясперс: «Метафизика в качестве философии искусства является мышлением в искусстве, а не об искусстве»². Философия – это логика бытия самих вещей, их движения и развития, а не категориальные интермедии в зоне похищенных языков.

12. *Неопределенность реального*. По Фрейдю – «принцип реальности». Наша обыденная экология: миксер, флиш, виртуальность, банальность, скандальность. Бальзак писал Стендалю в связи с разбором «Пармской обители», выдающегося произведения французской литературы: «Оставьте всё таким же неопределенным, как действительность, и всё станет реальным»³. Нужен свой «принцип неопределенности» (по аналогии с квантовой физикой) в оценках происходящего, будет ли это литература или натура.

13. *Эпический театр: тотальность*. А что если все социетарности вообразить подобием эпического театра в духе Бертольда Брехта. Видеть только смену декораций и ролевых функций, не вдаваясь в каузальности и психологизмы. Оставить все видимости и кажимости без распаковки и толкований. Идеальная политология.

14. *Человек: силуэты вечности*. «В византийской живописи фигура человека (такого изменчивого и непостоянного в жизни), в противоположность западноевропейскому искусству, выступала как носитель и выразитель вечных (надэмоциональных) идей. Для передачи преходящих настроений, переживаний, эмоциональных состояний, соответствующих изображаемому собы-

¹ Гегель. Наука логики. – М., 1972. – Т. 3. – С. 307.

² Jaspers K. Philosophie. – В., 1956. – Bd. 3. – S. 102.

³ См.: Стендаль. Пармская обитель. – М., 1981. – С. 13.

тию или отношению к нему художника, в этом искусстве часто использовали неодушевленные предметы (в представлении современного зрителя значительно более статичные и неизменные по своей природе, чем человек)»¹. Погасли «вихри под черепом», и эйдос человеческий – маска: индикатор вечности и сопричастность Бытию. За кадром – пляски св. Витта.

15. *Отчуждение как принадлежность*. П. Тиллих, протестантский теолог и философ: «Человек, как он существует, не таков, каким он является по своей сущности и каким он должен быть. Он отчужден от своего подлинного бытия. В глубине понятия «отчуждение» (estrangement) заложен тот смысл, что некто по существу принадлежит тому, от чего он отчужден. Человек не чужд своему подлинному бытию, потому что он принадлежит ему. Человек отвергнут им, но не может быть полностью отделен, даже если человек враждебен ему. Враждебность человека к богу бесспорно доказывает, что человек принадлежит ему»². Но почему отношение к сакральностям должно быть враждебным? И в чем «сущность человека»? Человек и Мир – отчуждение взаимное. Теология и Метафизика в плане стилизации мышления имеют некие точки касания: Апофатика – Ничто, где Всё.

16. *История, историки и артефакты*. Это разные предметы. (а) Никто не скажет, какая история была бы «правильной» или истинной, настоящей. (б) Нельзя ожидать от историков подлинных, объективных описаний, анализов и сказов. Неизбежны позиции, амбиции, ангажированности в ту или иную историософскую игру, схему, стратегию, ажиотацию и сценографию, где бантустанные, имперIALные и прочие печати, табуизмы и следы. (в) Далеко не все события документированы (датировка, фактуальность) – нужны интерполяции, экстраполяции, предположения, а там свои субъективизмы. Г. Марсель: «Если и есть контакт человечества с прошлым, он осуществляется не через историка»³. А

¹ Бычков В. В. Византийская эстетика. – М., 1977. – С. 157–158.

² Tillich P. Systematic theology. – Chicago, 1959. – Vol. 2. – P. 45.

³ Marcel G. Lé declin de la sagesse. – P., 1954. – P. 65.

поведение людей в исторической давилльне – массовое, индивидуальное, ожидаемое, наблюдаемое? «Имена правят миром, не мы – онемевшая пред ними терракота».

17. *«Я» как событие в Универсуме*. Перед лицом стихий, турбулентностей и эндо-диспропорций в бескоординатном мире – изумляющийся индивид:

Вот я
Неразумный, непосвященный
Новоявленный человек
лицом к лицу с незнакомыми вещами...

П. КЛОДЕЛЬ¹

18. *«Ничто» как несказуемость и конструктор*. Если посредством сверхрадикальной редукции нулифицировать все формы существований (иррациональная аннигиляция), то мы получим, следуя Гегелю, чистое Ничто. Эта квазикатегория невыразима, непредставима и вербально неуловима, поэтому постметафизический вакуум подобного рода можно заполнять чем угодно – от реальных предметностей до мистики и оккультистики. Э. Кассирер: «Только отвергание всяких конечных образований, только возвращение к чистому «ничто» мистики может вернуть нас к изначальному источнику бытия»². Но в таком случае «бытие» оказывается неким *anti* неуловимого «ничто». Игра в пустотности – бесплодный гейминг. Л. Фейербах говорил, что мышление (как оно есть) не может выйти за рамки существующего, потому что оно не способно покинуть пределы самого себя. Разум есть демонстратив, утверждение и сказ бытия. Что сверх того, то от лукавого. «Немь лукает луком немным» (Хлебников).

19. *Рекомбинации в Самости и Тень метемпсихоза*. Если Я–сознание дробится осколочно и несшиваемо... «Тому, кто

¹ Claudel P. La tête d'or Théâtre. – P., 1911. – P. 9.

² Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. – B., 1923. – Bd. 1. – S. 118.

изведал распад своего «Я», мы показываем, что куски его он всегда может в любом порядке составить заново и добиться тем самым бесконечного разнообразия в игре жизни»¹. К. Юнг полагал, что возможны изменения в конфигурации *архетипов*, вследствие чего возникают преобразования в обыденной человеческой психике. Инженеры-генетики могут комбинировать отрезки ДНК подобно монтажу в киноленте. Принцип монтажности реализован в самых различных культурах (синема, текстология, аттракционы).

Фантастический пролог к новейшим трансвестиям с воспоминаниями пифагорейских (и более древних) метемпсихозов. *Джон Дос Пассос*: «Знаете, я подумал, как было бы чудно, если бы мы могли перестроить клеточки нашего тела таким образом, чтобы превратиться в какое-то другое существо... Очень уж противно быть человеком. Я бы хотел быть кошкой...»² Биосемиозис.

20. *Новейшая цивилизация: зов предков*. Доистория человеческая цепко удерживает (магнетически, органически) верхние культурные пласты, где мы – индустриальные и «пост». *Андре Мальро*: «цивилизация науки угрожает сделаться едва ли не самой подчиненной слепым инстинктам и первобытным вожделениям за всю человеческую историю», ибо «наши боги мертвы, а демоны полны жизни»³. Вотан не забыт.

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали
Пяткой ледниковые холмы...
Р. КИПЛИНГ

Трудно поверить, но легко удостоверить каждого, кто понимает семантику и знаки падения на эмблематике новейшей истории: Холокост, «Колымская тетрадь» и Хиросима–Нагасаки.

¹ Гессе Г. Степной волк. – С., 251.

² Дос Пассос Дж. Собр. соч. – М., 2000. – Т. 2. – С. 511.

³ Malraux A. Antimémoires. – P., 1967. – P. 348–349.

21. «*Одно убежище возможно – целый мир*» (Поль Элюар). Мир искусства с его ценностями (но не провидениями, где Постмодерн и компьютерная живопись). *П. Сезанн*: «Я не хозяин самому себе, я не существую как человек...»¹. Зато бытийствует, как *мета* над планетой, Геополитика – со времен Александра Македонского, монгольских завоевателей, испанских вторжений в Новый свет и Наполеона Бонапарта, а ближе к нам Neues Ordnung, не говоря о других географиях.

22. *Нирвана*. Элиминация Я–сознания – слияние с неким вселенским сверхбытием: экстремальным, виртуальным и невыразимым. Истинная Плерома.

23. *Автоматизация жизни: эпитолог человековедения*. Динамизм нашей эпохи ставит человеческое существование под угрозу небытия. Человек расплывает себя или переходит в одномерный автоматический режим. *Н. Бердяев*: «Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи»². Человек, пишет Бердяев, перестал быть не только высшей ценностью, но и ценностью вообще. Он сдвинут в разряд *реизма*, т. е. обычного вещизма. (Когерентность с «новым романом», где Аллен Роб-Грийе.) Будет ли индивид в дальнейшем по-прежнему называться человеком? (Здесь перезвоны с идеями Мишеля Фуко.) «Гуманизм, связанный с возрождением античности, хрупок, его расцвет предполагает аристократическое строение общества, и ему наносит страшные удары демократия, вторжение в культуру масс и власть техники. Машина дегуманизирует человеческую жизнь. Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины»³. Функциональное использование, тестирование. Всё прочее, оставшееся от «феномена человека», никого не интересует. Закат человековедения, которое ради самого человека. Помимо «Заката Европы».

¹ Сезанн П. Переписка. – М., 1972. – С. 104.

² Бердяев Н. А. Самопознание. – С. 223.

³ Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 324.

24. «*Восстание масс*» (Ортега-и-Гассет): разбавленный планктон. Массы переходят в наступление – сказано мыслителями еще в XIX веке. Аристократизм развеян: вверх дном. У руля *Das Man* – обыватель, опавший лист, стадионный свист. Кормчие звезды, управляющие знаками Зодиака. От Я–сознания – к персональному коду.

25. «*Silentium!*» А ныне шок-шоу и массовая истерия. На высокой волне – новейшие социетарности. Конец философии истории и финал социологии. Времена безвременья. Ни Хроноса, ни Кайроса в бескоординатном мире.

26. *Экзистенция?* Вечность мгновений: Он и Она. «Всё в ней было тайной, загадкой, волнующим призывом». Экзо-экология и онтология гаснут. «Надо забыть и уйти куда-то вглубь, уступить... зову тысячелетий, той поре, когда еще не было ничего – ни разума, ни мук, ни сомнений, а одно лишь темное счастье крови...»¹ Эк–стазис.

27. «*Луденские бесы*»: Олдос Хаксли. Натуральный эпизод оборотничества. Массовое секс-помешательство монахинь-урсулинок из монастыря Ангелов (французский городок Луден, времена кардинала Ришелье). Почти все они молодые дворянки. Сеансы зорцизма, т. е. изгнания бесов, лишь подыгрывали припадкам бешенства. «Отказавшись от собственной личности, женщины погружались в темный недочеловеческий мир, где всё было возможно. Там, в этом мире, аристократки запросто могли превращаться в балаганных акробатов, развлекающих толпу; монахини там сыпали богохульствами, делали непристойные жесты и выкрикивали непроизносимые слова. А можно было опуститься еще ниже, в ступор, отупение, полное забвение и отключение сознания»². Режим автогенерации. А зрители – духовники и горожане – видели здесь лишь неистовство бесовских сил. Для участниц же маскарада, уже вошедших в транс, это была функция отклика на реальную секс-истерию. И своеобразная ситуация *alibi*.

¹ Ремарк Э. Триумфальная арка. – М., 1997. – С. 123, 135.

² Хаксли О. Луденские бесы. – М., 2000. – С. 202.

28. *Абиссалии, пленер и хаос*. Пауль Клее рассматривает искусство как некую «проекцию запредельной основы...» Импрессионисты пишут на природе, где аэр и пленер. А нас влекут абиссалии. «Ведь наше бьющееся сердце ведет нас вглубь, к глубинной праоснове». С чего начать? «Я начинаю, следуя логике, с хаоса...» Это логика космическая и творческая. «Есть две вершины, на которых ясно и светло, вершина животных и вершина богов. Между ними лежит сумеречная долина людей»¹. На небе и у братьев наших меньших нет Герменевтики. Только *человек рефлексивный* мечется и путается в своих аберрациях, системах и апокрифах, апориях и априориях, нигилизмах и фанатизмах, трансценденциях, просветлениях и помрачениях.

29. *Хиатус: отчуждение переживаний*. Потlach феноменологии, но с обратным знаком. Р. Музиль: «...Сегодня главная тяжесть ответственности лежит не на человеке, а на взаимосвязи вещей. Разве незаметно, что переживания сделались независимы от человека? Они ушли в театр, в книги, в отчеты исследовательских центров и экспедиций, в идеологические и религиозные корпорации, развивающие определенные виды переживаний за счет других, как в социальном эксперименте, и переживания, не находящиеся в данный момент в работе, пребывают просто в пустоте...»² Бывают подставные фигуры (фактотум), а тут навязанные кем-то переживания, посторонние для Самости, для Это и для всех ложных «я», псевдоподий и рапсодий, где внутренний мелос.

30. *Экстаз как потеря индивидуации*. «В состоянии самого восторженного существования индивидуум угасает, он чувствует себя единым со своей жизнью и растворяется в ней...»³ Экстаз – ворота в трансцензус, будет ли это камлание шамана, эротика или поклонение святым мощам. Ratio уходит в запасники психоментальных мерцаний.

¹ Klee P. Das bildnerische Denken. – Stuttgart, 1956. – S. 59, 93, 157.

² Музиль Р. Человек без свойств. – М., 1984. – Кн. 1. – С. 182.

³ Хьюбнер К. Истина мифа. – М., 1996. – С. 199.

31. *Новые языки: непрозрачность текстов*. С начала XX века в культурной жизни возникла семиологически новая тенденция, которую обозначили как Метаискусство¹. Создание не новых текстов в известных языках, а еще не бывших языков в области музыки (Стравинский, Шёнберг), живописи (Пикассо, Дали), поэзии (Хлебников, Аполлинер), театра (Брехт, Ионеско, Арто). Экстравагантные коды творений и рецепций. Странности, которые требовали *иных* смыслообразований. Дистанцирование от «массовых», общепринятых, исторически сложившихся образцов. Путь к нетронутым еще модальностям эстетических восприятий (включая монструозности). Суперавангардизмы и шок-произведения. Теряется герменевтичность языков и миров. Но раздвигаются границы эстетизмов. (Когда-то у Писарева «Разрушение эстетики».) Г. Башляр: «Индивидуум – это не совокупность его обычных впечатлений; это сумма его уникальных впечатлений»². Дороги на *extremum*, где «ультра», «гипер» и «шок».

32. «Минерализация общества». Диагностика сия из объемистого труда Жан-Поля Сартра, адресованного флорбероведению³. Минерализуется в социуме и человек – его идеи, поведения и разума. Нейронные сети: минеральная память и другие психоидные отложения. Аксиомы – окаменевшие связи. Деконструкция знает свою минералогия.

33. «Главное – выйти из проблемы»⁴. Научный (и любой иной) поиск состоит в проблематизации самих проблем, где свои окаменелости. Игра вокруг установок, доминант и стратегий. Выбор азимутальностей и знаков Зодиака.

34. *Метеоантропология*. Синдром извечного отчуждения людей друг от друга. Латинская максима: «Никто не знает, кто рядом с нами ходит». Не знакомы нам наши Alter Ego и мы сами с собой без «альтеров». Поэтохроника:

¹ Почепцов Г. История русской семиотики. – М., 1998. – С. 57.

² Башляр Г. Вода и грезы. – М., 1998. – С. 25.

³ Сартр Ж.-П. Идиот в семье. – СПб., 1998. – С. 629.

⁴ Там же. – С. 8.

На улице выюга
Всё смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.

Б. ПАСТЕРНАК

35. «Слова, слова, слова» (из «Гамлета»). Аналитика: (а) Всякое слово уже обобщает. Точечные события – вне сознания. Мы всегда ситуативны, множественны на всех уровнях – от сенсорики до логики. Человек – аппарат обобщающий (*Différance* сама по себе не жизнеспособна). (б) Любое слово есть вмешательство в предметный или духовный мир. Неучтенные артефакты, антропоморфные. Никаких «чистых» отражений не бывает. Мы всегда по эту сторону своих эпистемологий. (в) Слова витают над миром, выбирая место для приземления (ангар, эллинг, риторический прием). А ныне постструктурализм, где примарности для означающих.

36. *Антропокосмология*. «Один из парадоксов нашего века – века практического освоения космического пространства – заключается в том, что современный человек не обладает космологическим сознанием, т. е. сознанием своей глубинной связи со Вселенной, сопричастности проходящим на всех ее планах процессам»¹. Праксис растворяет в себе романтику (не только в делах космических, но и в сюжетах, скажем, эротических).

37. «*Си цы чжуань*». – Учитель сказал: «Письмо не исчерпывает речь, речь не исчерпывает мысль, – в таком случае не могли ли мысли совершенномудрых быть невыраженными?» Учитель сказал: «Совершенномудрые составили символы – этим исчерпав мысли; установили *гуа* – этим исчерпав стремления; присоединили толкования, в которых исчерпали речь; изменяя и сочетая их – исчерпали счастье; возбуждая их, стимулируя их – исчерпали дух»². Иерархия редукций.

¹ Еремеев В. Е. Чертеж антропокосмоса. – М., 1993. – С. 3

² Там же. – С. 8..

Дух человеческий не делится на символику. Археписьмо не исчерпывает никаких речений и учений; словесность открыта миру. «Мысль изреченная есть ложь» – так случилось и нам осталось. Символика слишком неопределенна, чтобы аподиктично судить о чем бы то ни было.

* * *

Саламандры? Что-то в них человеческое. Более всего они похожи на *Das Man*. Так что сие не утопия, а реальность, на которой мир держится. *Futurum*: «это будет единый, гомогенный мир, подвластный единому духу. Саламандры не будут отличаться друг от друга языком, мировоззрением, религией или потребностями. Не будет между ними неравенства в культурном уровне, не будет классовых противоречий – останется лишь разделение труда. У них не будет ни господ, ни рабов, ибо все они станут служить лишь Великому Коллективу Саламандр – вот их бог, владыка, работодатель и духовный вождь. Будет лишь одна нация с единым уровнем»¹. Без превосхождений, нарциссизмов, альянсов («мы» и «они»)? Единый дух? Общность мировоззрений, языков и религий? Не ко двору нам такие эгалитаризмы. Мы и так хороши.

Любые утопии и «анти», только нас не троньте. Для того и литература. «Но хотя саламандры послужили лишь предлогом для изображения человеческих дел, автору пришлось вживаться в их образ; при таком эксперименте легко подмочить свою репутацию, но в конечном счете дело это столь же удивительное и столь же страшное, как и в вживание в образ человеческих существ»². Левиафан увешан табуизмами, как фетишами, и подиум свой не покинет. Земная ось накренилась вкось. А планетология онтологична и логична.

Аргус. Многоглазый великан. А в новейшей литературе только «третий глаз» (Батай). Видео с необъятным спектром умо-

¹ Чапек К. Война с саламандрами. – М., 2001. – С. 211.

² Там же. – С. 256.

зрений, впечатлений, аберраций и пролифераций. Мир будет совсем иным, неузнаваемым. У нас же всего лишь бинокулярность – для Аргуса вульгарность. Может быть, в полиморфизмах Бытие?

Медуза. Одна из горгон. Взгляд Медузы обращал всё в камень. Аннигиляция анимизмов. Так вот и застыли миры после всех абстракций, концептов и алгоритмов.

2. ГИПЕРБАРОЧНЫЕ ИНТЕНЦИИ. СОБЛАЗН И СКОЛЬЖЕНИЕ В ПУСТОТЕ

Предвижу царство пустоты.

Н. ЯЗЫКОВ

Тщетно мы измеряли шагами
пустыню души человеческой.

Князь В. ОДОЕВСКИЙ

Здание культуры духовно опустело.

П. ФЛОРЕНСКИЙ

Мы пустые люди
Мы люди чучела

Т. ЭЛИОТ

Пустота – последний наш собеседник.

Б. БРЕХТ

Мир стал пустыней...

А. де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Великая вокруг меня пустыня...

В. ХОДАСЕВИЧ

Différance, как различание, – своеобразное в новейших временах приключение, где доминируют массовидные явления, планетарные и унитарные. Контрапункт. Прецизионные вкладки

Археписьма уводят нас в семиологическую микроскопию, где бесконечные знаковые отсылки образуют непроходимый смог.

Обратимся к массоведению. Еще Гегель заметил на горизонте невиданный смерч: «Массы переходят в наступление!» Шеллинг номинативно о том же: «охлократия». Французский социолог Г. Лебон положил начало систематическому изучению тех процессов в современном обществе, которые вторым изданием Ноева потопа поглощают все уникальности. «Наступающая эпоха будет поистине эрой масс». «Благодаря своей теперешней организации, толпа получила огромную силу». «Общие симптомы, заметные у всех наций, указывают нам быстрый рост могущества масс...» «Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства»¹. Но-вейшие культурологи говорят, что общество ныне находится в стадии прогрессирующей архаизации, а где-то и деградации.

«Восстание масс» (Ортега-и-Гассет) растекается по всем меридианам и параллелям, подавляя традиционные структуры. С. Московичи: «Я даже склонен утверждать, что мы сегодня присутствуем при глобализации масс, при создании массы мирового масштаба. Прежде всего это создание всё расширяющихся наднациональных сообществ с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом. Затем, расцвет электронных и телевизионных сетей, которые, с одной стороны, связывают между собой людей, находящиеся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой стороны, проникают в самые недра частной жизни каждого. И бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс»². В соответствии с этим и политика принимает массовый характер. *О дивный новый мир*.

Человек-масса констеллят древний, но без ошейников он вышел на арену в новейшие времена. *Элиас Канетти* (писатель,

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995. – С. 150–153.

² Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 21.

Нобелевский лауреат): «Уже давно, еще до того, как придумали это разжижающее понятие, «человечество» существовало в виде массы. Чудовищное, дикое, могучее и жаркое животное, она бродит в нас всех, она бурлит в глубинах куда более глубоких, чем материнские. Несмотря на свою древность, она – самая молодая живая тварь, самое важное творение земли, ее цель и ее будущее. Мы ничего не знаем о ней; мы всё еще живем так, словно мы индивидуумы»¹. Такого ликбеза мы не проходили.

Как коллективный субъект человек-масса повторяет поведение дикаря, для которого «мысль превращается немедленно в действие, поступок для него, так сказать, заменяет мысль»². Параграф первый для всех, кто вживается в *философию поступка*, по Бахтину.

Масса легковерна и не критична по отношению к самой себе. Выраженный инфантилизм. Обостренная ненависть к «другим». Воплощенный алогизм. Импульсивность и агрессивность.

З. Фрейд: «Каждый отдельный человек является физическим врагом культуры...»³ Культура – это *состояние* души, а не одевание. Массы сбрасывают на нули все культурные наработки и моралите. Романтический анархизм – разгул до вандализма. Индивиды, составляющие массу (тело), «поддерживают друг друга в поощрении собственной разнузданности» (Фрейд). Синдром взаимной стимуляции: кооперативный эффект, синергетический. Кто-то напишет «синергетику масс».

В. М. Бехтерев: «Толпа, как коллектив, отличается «моноидеизмом», особой впечатлительностью, необычайной возбудимостью, переходящей часто в жестокость, легковерностью, крайним безрассудством... недостатком стойкости, поразительной изменчивостью, относительно малой дифференцированностью и стадной подчиненностью своему вожаку, обусловленной ее

¹ Канетти Э. Слепление / Пер. с нем. – М., 1988. – С. 439–440.

² Фрейд З. «Я» и «Оно» – Тбилиси, 1991. – Кн. 1. – С. 350.

³ Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Минск, 1991. – С. 482.

повышенной внушаемостью и склонностью к подражанию»¹. Безальтернативность – тотальные интенции: «зов предков», первобытных даже. Готовность к подавлению всех иных и прочих. «*Кто не с нами...*» Как явление массовое, от плебейства идущее, толпа (уже поток, неудержимый) растекается по всем этажам социальной органики (зиккураты) – от ночлежных приютов («На дне») до ареопага, риксадага и меджлиса, по всему культурному пространству, опустошая всё и вся.

Х. Ортега-и-Гассет: обобщенная картина новоевропейской истории, где социальное пространство заполняется человеком-массой, т. е. «средним» индивидом или еще ниже (Э. Ремарк называет его посредственным: «ГЭМ»). Торжество массы стало всеобщим: апофеоз. «Сомневаюсь, что в истории были когда-либо времена, когда толпе удавалось так явно и неприкрыто задавать тон в общественной жизни, как в наше время»². Масса унитарна и узколоба («она вытаптывает всякую индивидуальность»). Трибунные лидеры – это энергичные молекулы из того же раствора.

Под влиянием технического прогресса и роста общей образованности (эпоха Просвещения и ее консеквенты) широко раздвинулись горизонты «жизненного мира» у каждого человека. Но это только видимость. У человека-массы нет подлинного исторического мышления (зацикленность в доморощенных историцизмах). Он внутренне герметичен: замкнулась его душа, неготовая и недоношенная. «Так вот я утверждаю: в этой герметичной непроницаемости души среднего человека как раз и состоит восстание масс, являющееся в свою очередь проблемой особой важности, поставленной современностью перед человечеством»³. Банальности, нарциссизмы, вульгаризмы и табуизмы (для отверженных). Канон и органон, рескрипт

¹ Бехтерев В. М. Избр. работы по социальной психологии. – М., 1994. – С. 91.

² Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы / Пер. с исп. – М., 1991. – С. 47.

³ Там же. – С. 94.

– императив. «Человек-масса – это... дикарь, который, ловко спустившись по веревке, выпрыгнул вдруг на старую сцену цивилизации»¹. Охлократия у руля, у ветрил и на капитанском мостике. Королевство кривых зеркал. Кифоз и сколиоз.

* * *

Новый принцип реальности и невиданный поворот жизнетворений, социальностей, схем и онтологем. *Г. Маркузе*: человечество «никогда прежде не знало такого объема господства над индивидом». Индустриальное общество превзошло самое себя, и мы сталкиваемся с «рациональным характером его иррациональности». Материальная среда мыслится теперь в одном и единственном измерении – как фактор удобства, комфорта и сервиса. «Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своем автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании»². Тотальный контроль через систему массового потребления: одномерность со своей психологией, идеологией, прагматикой и догматикой, где нет альтернатив, отчуждения (поглощенность комфортом не осознается как полное отстранение от всего остального) и просветления (бытийного, не считая неоновой рекламы). Есть дивиденды, проценты, развлечения и сервис-люкс. Круиз а Антарктиду, полет на космическом корабле.

Левиафан индустриальный и *post*. «Массовое производство и распределение претендует на *всего* индивида... Непосредственная, автоматическая идентификация, характерная для примитивных форм ассоциирования, вновь возникает в высоко-развитой индустриальной цивилизации; однако эта новая «непосредственность» является продуктом изощренного, научного управления и организации, которые сводят на нет «внутреннее» измерение сознания... Теперь существует одно измерение

¹ Там же. – С. 108.

² Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. – М., 1994. – С. XI, 12.

– повсюду и во всех формах»¹. Одномерность образа жизни, установок, доминант, ментальностей и поведений. Рефлексивные акты испаряются: «ложное» и «истинное» сознание склеиваются в одно – адгезия, суррогат и плагиат, ибо всё принято извне. Плоскостопие в нейронных сетях. Гомогенность идентификаций при наличии, конечно, неизбежных пролифераций, где адвокаты и берсерки (маринеры), финансовые тузы и клерки. Но курioзы сии общей картины и куртины не меняют.

Коперниканский переворот в социальностях и контрфорсы для легендарного Левиафана. «Когда в обществах с той или иной степенью изобилия производительность достигает уровня, при котором массы получают свою долю благ, а оппозиция эффективно «сдерживается» демократическими средствами, так же эффективно сдерживается и конфликт между господином и рабом или, точнее, этот конфликт меняет свое социальное местонахождение. Его продолжением становится восстание отсталых стран против невыносимого наследия капитализма и его продолжения в неокOLONиализме»². Это уже глобалистика.

Космологически: вначале Эрос, потом Логос (от Гераклита до Гегеля), затем бунт (Ф. Ницше, А. Камю), а ныне Постмодерн. Не говорим о зловещем Бытии (эманативная модель для *Neues Ordnung*) и инфантильной Экзистенции. Умалчиваем о «впечатлениях» Пруста и «феноменах» Гуссерля. Афродита-Киприда ушла на свой исконный остров или к «Авиньонским девицам» Пикассо и в порнолатрию Багая.

Закат Европы? *Десублимация* идеализирующих и трансцендирующих элементов (Геркулесовых столпов) высокой культуры. «Прославление автономной личности, гуманизма, трагической и романтической любви, по-видимому, являлось идеалом только для пройденного этапа развития. То же, что мы видим сейчас, – это не вырождение высокой культуры в массовую культуру, но ее опровержение действительностью. Действительность

¹ Там же. – С. 14, 15.

² Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Пер. с англ. – Киев, 1995. – С. 298.

превосходит свою культуру, и сегодня человек может сделать *больше*, чем культурные герои и полубоги; он уже разрешил множество проблем, казавшихся неразрешимыми. Но вместе с тем он предал надежду и погубил истину, которые сохранялись в сублимациях высокой культуры»¹. Здание культуры духовно опустело.

Культурные ценности прошлых веков беззащитно встраиваются в общий поток потребления, услуг и рекламы. Денудация в аксиологии, эрозия эстетических интенций. *Сакральное априори* выгорает и держится на плаву за счет традиций и ритуала. *Экзистенциальное априори*, которое по Бинсвангеру², растворилось там, где сервис-люкс. *Историческое априори* читается теперь как «ужас истории». *Синтетическое априори* Канта всего лишь минерализация культурем, навязанных обществом.

Ното новус, реальный, это массовый и безликий персонаж информационного социума. Отчужденное мерцание телеэйдосов, газетный листопад (отфильтрованные вырезки из галактики Гутенберга и кислотные дожди), назойливая и всюдная реклама. «Шутовской хоровод» *Олдоса Хаксли* в литературе и в натуре. Знаменитый писатель и мыслитель сказал, что мы живем в эпоху *беспрецедентной пошлости*. Электронная Постцивилизация выстраивает для нас и в нас самих небывший *Китч*, которого мы не замечаем и в котором не можем признаться. «Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное» (К. Ясперс). Приближается (если не уже) *эпilog* великих культур. *Техноструктуры*, как таковые, не нуждаются в гуманизмах, экзистенциализмах и прочих деликатесах. Сейчас другие азимутальности: бизнес-шанс, престиж, имидж. Новая триада, беспроегрешная.

Падение в примитив, стремительное и неудержимое. Всеобщая *технологизация*: искусственный интеллект (алгоритмы, программы, машинные языки), компьютеры, инфы, операторы,

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. – С. 72–73.

² Бинсвангер Л. Бытие–в–мире: Избр. статьи / Пер. с англ. – М.; СПб., 1999.

деловые игры, социальные технологии – никаких субъектов, интенций, переживаний, впечатлений. Нет места личностям, интуициям (бергсонизмом), самостям, неповторимостям, экзистенц-поискам, бытийностям, экзотическим (жизнеобразующим) смыслам и вечным вопросам о пребывании человека в мире. Достаточно условных рефлексов, оперативных навыков, игровой сноровки.

Вся футурология ложится на компьютер. Безбумажная информатика. Книга, как таковая, доживает свои века и останется только в хранилищах, где палеонтология незрелого разума.

* * *

Новейшая информационная цивилизация опустынивает все образы, составляющие среду обитания для человека. Ж. Бодрийяр: «Как приверженцы стиля барокко, мы являемся неутомимыми создателями образов, но в тайне все-таки остаемся иконоборцами. Но не теми, кто разрушает образы, а теми, кто создает изобилие образов, ничего в себе не несущих. Большинство современных зрелищ, видео, живопись, пластические искусства, аудиовизуальные средства, синтезированные образы – всё это представляет собой изображения, на которых буквально невозможно увидеть что-либо. Все они лишены теней, следов, последствий. Всё, что мы можем почувствовать, глядя на любое из этих изображений, – это исчезновение чего-то, прежде существенного»¹. В пределе «как в афишу коза» (Маяковский). Исчезают стереоскопия и голография образного мышления. Остается одномоментность восприятия. Где гуссерлиана с ее онтической верой в изначальные формы знания и первичные модусы понимания? Где бытийность художественных произведений? Где историзмы мирочувствия?

Человек потерял *Метафору*, и мы лишаемся самой возможности воображения. Экономика стала трансэкономикой, эстетика – трансэстетикой, сексуальность – транссексуальностью.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. – М., 2000. – С. 27–28.

«...Всё это сливается в универсальном поперечном процессе, где никакая речь не сможет более быть метафорой другой речи, потому что для существования метафоры необходимо существование дифференцированного поля и различных предметов»¹. Взаимное заражение (контагиозность) всех категорий, замена одного модуса житнетворений другим, смешение жанров и складок. Спорт всюду – в бизнесе, политике, сексуальностях (вампы), в общем стиле достижений. Всё покрывается спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда: инфантильное самоопределение. Невольно возвращается первозданная *логика оборотничества*. «Политика превращается в спектакль, секс – в рекламу и порнографию, комплекс мероприятий – в то, что принято называть культурой» (Бодрийяр). Миксер, амальгама, суррогат. Массы опутаны и порабощены *стереотипами*. Людей притягивает всё что угодно, лишь бы это оказалось *зрелищным*.

Ж. Бодрийяр выдает нам категориально новую фундаментальную дихотомию: *взрыв* (эксклюзивные эффекты) – *имплозия* (рассеянные в социуме очаги возбуждения). «Наши «современные» цивилизации, напротив [речь шла о первобытных обществах с их гомеостатичностью], на всех уровнях строятся на основе экспансии и взрывных процессов – под знаком универсализации рынка, экономических и философских ценностей, под флагом универсального закона и такой же универсальной стратегии завоевания». Контролируемый взрыв – «и этим определяется золотой век их культуры»². Ныне доминируют импловивные структуры. Высвобождение социопсихических энергий в виде «революции на молекулярном уровне» (корпускулярная соционика). «...Имплозию не остановит ничто. Победа импловивного над взрывным предрешена, и вопрос лишь в том, за каким – жестким и катастрофическим или мягким и замедленным – импловивным процессом будущее. Последний пытается подчинить себе новые антиуниверсалистские, антирепрезентист-

¹ Там же. – С. 14.

² Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – С. 69.

ские, трайбалистские и т. п. центробежные силы, действие которых обнаруживается в возникновении разного рода общин, в обращении с наркотиками...»¹ Вседозволенность, либидозность (потлач Фрейду), сектантство, повальный криминал, уличный разбой, оргазм. Социум даже не пытается всерьез остановить эрозию своих традиционных функций. Под воздействием импловзивных процессов безостановочно разрушается культурный универсум. Только геополитика не дрогнула под напором импловзий; это наиболее инертный адъектив (императив, аккумулятив) социетарностей, угрожающий миру как «мета» и «гипер».

* * *

Единственный способ избавиться
от искушения – уступить ему.

ОСКАР УАЙЛЬД

Человек не в разгадке плазмы,
а в загадке соблазна.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Кто есмь я
не мое «я» нет нет
но пустыня необозримой ночи
в которой я есмь.

ЖОРЖ БАТАЙ

Соблазн, родившийся в Эдеме (провокативно), вдруг объявился категориально и эффективно, психоментально и витально. Теургия, богоравенство, сатанизм, апокриф, титаномахия, сказы о несказуемом (опыт–предел), скипетр и держава в руках самозванцев, рыцари на час, популисты. Шок-шоу.

От теургии к управлению массами посредством мягкой стратегии. Семиургия особого рода: податливая технология оболь-

¹ Там же. – С. 71.

щения. В контексте киберситуаций – модус рефлексивного управления. Соблазнить человека, сделав его заложником собственного (тайного или явного) желания. Ловушка, западня, манок, капкан и гаррота: сценарий единый – от прашуров наших к нам. Алтарные свечения: шарм, имидж, престиж, предсердие трона и окрестности Маммоны. *Порно* во всех измерениях как стиль жизнетворений и экология.

Массы психологизируются, чтобы быть обольщенными и совращенными. Повсеместно циркулирующий симулякр соблазна: рассеянная либидозная энергия (диссипативный процесс). «Сменяя пространство контроля и надзора, она отмечает уязвимость индивидов и масс мягким командам... Соблазнительная тень этого дискурса распласталась сегодня над пустошью социального отношения как такового и самой власти... – В этом смысле наш век – век соблазна»¹. Урок политологии, которого мы не проходили. Проясняются консеквенты: всеобщая расшнурованность, либертинаж (пародийный), этнонарциссизм и пляска св. Витта в галактике Гутенберга. Джинн энтропии выпущен из бутылки – из катакомб подсознания, где Трикстер, очнувшийся резонансно под императивный говор шаманского бубна. Популяционная неврастения: *das Man*, опора Трона. Третий рейх, как Анчар, взошел на соблазнах. *Über alles!*

Еще один урок (не последний), которого мы не проходили. Когерентность *порно* и *метафизики*. «Колдовство творится из потаенного». «Системы заворачивают своим эзотеризмом, предохраняющим от внешних логик»². Но теперь эпоха универсального технологизма: декомпозиция и деконструкция гештальтов, пониманий, целевых функций, целостных образов, эйдосов, тайн и очарований. Микроэлектроника, молекулярный рельеф, инфы, гены, ДНК. «Конец тайны, – пишет Бодрийяр. – Так что порнография – прямое продолжение метафизики, чьей единственной пищей всегда был фанатизм потаенной истины и ее откровения...» Бифуркационный срыв в метафизике.

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. – М., 2000. – С. 301.

² Там же. – С. 142, 143.

зике (совлечь покрывало Исиды) – и вот: «мета» и «порно» на одном предметном столике.

* * *

Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов
мы построим дом.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Пустота как натюрморт, экзотика и реальность. Индивидуализм с оборотничеством: Ж. Липовецки (профессор философии, Франция). Аверс – преломление ценностей в мировосприятии личности. Реверс – опустошение самости, анонимность и ничтожность. Консеквент персонализации (*anti* по отношению к Э. Мунье и «Степному волку» Г. Гессе) – массовое размывание «человеческого фактора», всеобщее равнодушие ко всему на свете. «В наше время, – пишет профессор, – когда уничтожение приобретает планетарный масштаб, и пустыня – символ нашей цивилизации – это трагедийный образ, который становится олицетворением метафизических размышлений о небытии». Все институты, продолжает философ, все великие ценности и конечные цели, создававшие предыдущие эпохи, постепенно оказываются лишены их содержания. – Выветривание, денудация, эрозия, десублимация ценных ингредиентов. Остаются карстовые пустоты, шлаки и высохшие русла рек.

В потоке времен и в трясине новейшего безвременья у человека исчезает самопонимание, ощущение себетождественности. Остается экзистенциальный дискомфорт. Согласно анализам Ж. Липовецки, наша эпоха характеризуется именно поисками *идентичности*. [М. Пруст в своей эпопее искал «утраченное время».] Отсюда интерес к древним и традиционным европейским верованиям (рунические культуры), а также к духовным и телесным практикам Востока (йога, тантризм, тибетская мистика). Однако *Ното новис* буквально тонет в лавине «инфов», теряя ориентировку в реальных житнетворениях. Ни

остановиться, ни оглянуться, ни задуматься, как роденовскому Мыслителю. «Постмодернистское общество – это общество скольжения» (Липовецки). Всё сходит на нет из-за равнодушия, безразличия и выгорания эмоциональных, да и ментальных ресурсов. Энергетику поддерживают лишь импловивные очаги возбуждения. Коронное «Я» – пустотелый тотем, событие по разряду грамматизмов, фреймов и фатических шевелений. Никакие индивидуальные выбросы и флуктуации (призеры, монстры, вампы) общей панорамы не меняют.

Постмодерный стиль жизни – игра мнимостей на подмостках СМИ. Надо высовываться, чтобы показать свою значительность. «...Каждого призывают позвонить на коммутатор, каждый хочет поделиться своим интимным опытом, каждый желает стать диктором, желает быть услышанным». Однако «чем больше люди стараются выражать себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях; чем больше они стремятся к субъективности, тем наглядней анонимность и пустота»¹. Нарцисс на пьедестале и на подиуме, поддавшийся инфантильному соблазну. Да и нарцисс только по названию – это уже манекен из пластилина, вылепленный по образцам затертых инфо-геймингов и скейлингов, где «малое» в роли «большого».

Мелеют реки человеческие. Когда-то дарили миру коаны...

* * *

В искусстве не существует
ни прошлого, ни будущего.

ПАБЛО ПИКАССО

Постмодерн? Эпилог великих культур и предзакатные видения в духе Освальда Шпенглера. В плане художественном постмодернизм заявил о себе как небывшая, не классическая эстетика в противовес эстетике античной (скульптурной и архитек-

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. – СПб., 2001. – С. 11.

турной с золотым сечением и Аполлоном Мусagetом) и кан-тианско–гегелианской (понятийной в универсуме Абсолютной идеи). Нонклассика неканонична, асистематична, эклектична и анархична. (Может быть, это своеобразный апогей или перигей дионисийства, где вакханалии, сатурналии, луперкалии и всеобщий карнавал.) Постмодерн – эпоха «усталой», энтропийной культуры. [Физиики-термодинамики говорят: «Всё кончается энтропией».] Последняя отмечена эсхатологическими настроениями, эстетическими мутациями, диффузией больших стилей и смешением художественных языков – парадигм (амальгама, конгломерат из суррогатов, странная интертекстуальность). Авангард оставлен в арьергарде. Доминирует стремление включить в орбиту новейшего искусства весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного (саркастичного) цитирования. Игровое освоение и производство «хаосмов» (ризоматика) – превращение их в среду обитания человека, брошенного в рукотворный, если не провиденциальный, хаос¹. Перелицовка и перетасовка образцов по направлению к «Гернике» и тотальной сфарагматике. Для уцелевших остраконов, лоскутков постмодерного Арлекина (сценическая тень Трикстера) и выгоревших реликтовых воспоминаний не пригодны ни платоновские «эйдосы», ни кантианские «синтетические априори», ни гештальты, ни сюрреалистические монструозные откровения. От «мимесиса», «гносиса» и «алетейи» – за горизонт узнаваний, идентификаций, классификаций, сказов и показов. Когда-то В. Розанов сокрушался, что *фарисейство* воистину есть категория мира². Ныне, уже без метафор и апорий, всё идет на балаган или неизвестно куда.

Но это завихрения книжные, бумажные, авантажные, акварельные и самодельные. А вот течения и обозрения глубинные, базисные, опорные и бесспорные. Известный французский философ *Жан-Франсуа Лиотар* констатирует, что на протяжении последних десятилетий продвинутые науки и технологии

¹ Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.

² Розанов В. В. Последние листья. – М., 2000. – С. 92.

имели дело с *Языком*, где проблемы коммуникации и кибернетики, где современная алгебра, информатика, вычислительные устройства, человекомашинные переводы, банки данных (знаний) и разработка «мыслящих» терминалов. [Кстати, выше говорилось о новых способах кодирования в искусстве, которые касаются именно *Языка*. Сюда нужно добавить лингвофилософию Витгенштейна и поворот к необихевиоризму.] «Следовательно, мы можем предвидеть, что всё не переводимое в установленном знании будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условно переводимости возможных результатов на язык машин»¹. Определилась инженерная лингвистика, которая потеснила языкознание традиционное. В лингвосемиосфере утверждается эпицикл языков–инфов. Отношение к «знанию» теперь чисто прагматическое: результативность и деловой успех. Вместо *алетейи* человеческой [«Что есть истина?»] – «Чему это служит?» или прямо «Можно ли это продать?» Обычный товарооборот. Антикварные «сущности», элитарные «экзистенциалы» и бытийные штудии отпадают сами собой. Исключается всякая ориентация на метафизические дискурсивности. Когда-то в Англии (производство шерстяных тканей) «овцы съели людей». Ныне популяция компьютеров трофологически расправляется с «человеческими факторами», где оберегались экзистенция, трансценденция, самость, личность, неповторимость и прочие деликатесы, составляющие микрокосм. Опустошение антропологии – философской, психологической, социальной, эссенциальной, натуральной и провиденциальной, если она от Неба.

Компьютеризация интеллекта бросит нас к первоосновам логического мышления, которые заявили о себе метафизически еще у Гераклита. *Логос* имеет всеобщий и объективный характер. «Всё совершается по этому логосу». «Поэтому необходимо следовать всеобщему. Но хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание».

¹ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. – СПб., 1998. – С. 17.

Сами по себе компьютеры исключают всякое личностное понимание и разумие: алгоритмы, программы, искусственные языки, машинная двузначная логика (для идиотов, добавляют язвительные критики). «Да человек ли я теперь?» – спросит сам себя *Homo novus*. Машине передали символику, рассуждения, решения, а что осталось и зачем?

Исследователи античной культуры полагают, что в целом Гераклитова картина мира была фаталистической¹. Ну и что? Как будто фатализм не было в новейшие времена

3. ИНФЫ, МАНЕКЕНЫ И ПРОТЕЗЫ. БОРЬБА МИРОВ. «ЛЖЕ-НЕРОН».

Мы охвачены общим крушением жизни.

АНТОНЕН АРТО

Никто не живет своей жизнью.

Р. РИЛЬКЕ

Отрадно камнем быть.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Мы – это груда разбитых образов.

Т. ЭЛИОТ

Мир не ассимилируется сознанием,
не может быть усвоен им.

Ж.-П. САРТР

Искусственный интеллект, перемалывающий бесчувственные «инфы», – решающий шаг на пути к сообществу манекенов и протезов.

Предыстория этого ароморфоза началась в первобытные времена, где индивид всецело принадлежал общине, ее тради-

¹ Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. – Новосибирск, 1990. – С. 301.

циям, обычаям, мифам и тотему. Рефлексивность мышления на нуле. Альтернатив никаких. Слово и вещь как одно. Образ жизни – автоматика с перистальтикой. Принцип партиципации: адгезийность естественного и сакрального («мана»). Отсюда все религии, мифологема судьбы и эзотерика. Панпсихизм: всё живет и говорит. Археписьмо не новость: палеография.

В новейшие времена единый текст – *декоративный*. Фернан Леже: неразличимость человека и предмета, их взаимозаменяемость¹. Не первый демарш против *Différance*. Сюрреалистическая поэтика: от ассоциаций по формальному признаку к переходу предметов одного в другой и аутопересечения вещей. Очнувшаяся логика оборотничества. Всё течет. Ю. Тынянов: рождение персонажа из его имени. Реликт первобытных времен, а в литературе и синема – стилизация, экзотический нарратив.

Все эти складки не что иное как вращения вокруг манекенов и протезов – муляжей, которые стали карикатурными моделями человека натурального. Здесь же (единая коллекция) восковые фигуры, куклы, фантоши и огородные чучела (пластические произведения – особая статья). Невдалеке от них – телегоминоид, утративший самость и экзистенцию.

Homo novus: небывший профиль, проект и реальность. «Всё, что есть в человеческом существе – его биологическая, мускульная, мозговая субстанция – витает вокруг него в форме механических или информационных протезов»². (Добавим сюда татуировки, макияж, грим, трибунное позирование и рекламных фигурантов.) Искусственный интеллект уже вошел в реестр протезов (не считая придворного церемониала), открыв эпоху массового протезирования. Техноинфоструктуры, радикально изменившие мир и не слышавшие об эйдологии Платона, обрушились аутокаталитически на человеческую природу и выдали нам такой сертификат, от которого содрогнулся ницшеанский *Übermensch*. «Борьба миров» – естественного и искусственного: подношение Герберту Уэллсу. А далее... Сателлиты-протезы устремляются в

¹ Диль Г. Фернан Леже / Пер. с фр. – Schweiz, 1985.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. – С. 46.

центр спиралей Дао, подобно мудрецам – цзы, и *Homo novus* сам вращается вокруг них орбитально и витально (добавка к эпициклам Птолемея, где «Альмагест»). Знаки Зодиака приведут свою пиктографию в соответствие с небывшей орфографией. История будет препарирована под наркозом, гипнозом и склерозом ради волюнтаристических оптимальностей (перелицовка и перетасовка историзмов уже внедрена в производство социожизнетворений). Генная инженерия преобразит биос. «Повсеместно будет достигнута эта нечеловеческая формализация лица, слова, пола, тела, желаний, общественного мнения»¹. (Гендерные исследования потребуют радикальной редактуры.) «Человек, который смеется» пришел в ужас от подобных сновидений и столпотворений. Трансвестия уже началась: пропедевтика к майевтике, где манекены и протезы. [Как говорят позитивные религиоведы, посланник Всевышнего выглядит бесполом и напоминает андрогина.] Распадение кодов в генетике, секс-играх, в культуре и повседневности. Переход от ада *Иного* (где «другие») к экстазу *Одного-и-того-же* (привиделись Упанишады, но уже пародийно). Вместо сверхчеловека с привычным, пусть и демоническим, обликом – Протез.

Классик японской литературы Кэнко-хоси: «В мире замечательно именно непостоянство»². Не отсюда ли неодолимый соблазн – изменить свою антропологию? И вот: маски-протезы.

* * *

Лион Фейхтвангер показал, что возможны и стали реальностью исторические мистификации типа самозванства, имеющие силы поддержки в ту или иную эпоху. Такой фигурой оказался горшечник Теренций, сыгравший роль умершего царя Нерона. Были сомнения у горшечных дел мастера, и «он бежал со сво-

¹ Там же. – С. 67.

² Сэй-Сёнагон: Записки у изголовья; Камо-но Тёмэй: Записки из кельи; Кэнко-хоси: Записки от скуки / Пер со старояп. – М., 1988. – С. 317.

ими сомнениями в Лабиринт. Там, во мраке потаенной пещеры, он прислушивался к самому себе, пока его внутренний голос, его «демон» не заговорит и не уверит его, что он – Нерон и что весь мир признает его»¹. И вот пришел этот день: *демон* заговорил, и горшечник Теренций «впитал в себя дух исчезнувшего императора, без остатка перевоплотился в Нерона». Далее разворачивается трагикомический фарс, который закончился Голгофой – распятием на кресте трех самых продвинутых актеров: Лже-Нерона и его сподвижников.

Иоанн с Патмоса: «Без Сатаны, без Антихриста немислим Христос, без тысячелетнего царства греха, без кары за грехи не может осуществиться обетованное спасение. Поэтому и царство Нерона и его обезьяны неизбежно и полно смысла». Ожидание месии. Историзмы и суррогаты: единый текст.

В конце романа справка от автора. «Сведения о Лже-Нероне можно найти у Тацита, Светония, Диона Кассия, Зонары и Ксифилина, а кроме того в Апокалипсисе Иоанна и в четвертой из Сивиллиных книг». – Это пророческие книги, в которых Кумская сивилла запечатлела все грядущие судьбы Рима. Сивиллины книги были в Риме предметом официального культа.

¹ Фейхтвангер Л. Собр. соч. – М., 1994. – Т. 6; Кн. 5. – С. 45.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.

Г. ДЕРЖАВИН

На нелепостях мир стоит.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.
«Братья Карамазовы»

Для выражения мысли логика
имеет не большее значение,
чем геометрия для пейзажа.

А. МОРУА

В сущности, есть только один
предмет изучения: это разные
виды и превращения духа.

АМИЭЛЬ

Мир познанный есть искажение мира.

МАКС. ВОЛОШИН

Консумент

ЭТОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

«Всё – в сознании», по словам Марселя Пруста. Вся сенсорика, все переживания, языки, концепты, идеи, миры, творимые человеком (личностные, художественные, космологические) оставляют свои следы в нейронных сетях, где обрабатываются до фантастики включительно и синергетических катастроф (не упоминая бикамерального разума и шизокомплексов). Заполнение емкостей сознающего аппарата идет от преднатального состояния до любого момента в диахронии, интересующего нас аналитически.

Шарль Бодлер¹ говорил, что наше сознание напоминает Палимпсест со своей стратиграфией, где владения Мнемозины (культурные отложения). Книга жизни пишется (и переписывается на исповедях, в автобиографиях и воспоминаниях, не считая интервью и прочих отчуждений) из книг, которые в сознании нашем. Стереть все иероглифы и граффити («Я с памятной доски сотру все знаки») никак невозможно. Можно отряхнуть прах с ног своих, но выбелить эндо-библиотеку не дано.

Человек есть палимпсест для себя, для других и для тех автоволн, которые вознесли его на скользкую вершину Антропного принципа. Т. Харди, известный математик: «...Человек, даже для самого себя, есть палимпсест»². Вот и раскопали «экзистенцию». А Подсознание? Оно не имеет языка, который на вынос – для Самости, скажем. За экзистенцией возможны другие шифры, свои рунические знаки или хотя бы кьёккенмеддинги. «Всё надо начинать с нуля», – говорил Ле Корбюзье³. Но попробуйте добраться до нулевой отметки.

Жан-Поль Сартр – теоретик пустого Сознания. Бытие – для – себя. «Мы не находим в сознании никакого субъекта – ни психологического субъекта, который уже есть объект для сознания, каким его открывает редукция, и который является внешним и трансцендентным; ни трансцендентального субъекта, который есть только фикция, производимая исходя из психологического субъекта...»⁴ Апперкот и нокаут для гуссерлианы, даже если ее радикально отредактировать.

Сознание как трансцензус по отношению к Бытию – в – себе (внешний, вещный мир) существует «до» субъектов и личностных констеллятов. «Мы можем сформулировать наш тезис: трансцендентальное сознание есть безличностная активность, она

¹ См.: Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике / Пер. с фр. – М., 1998. – Т. 1. – С. 101.

² См.: Пятигорский А. М. Мифологические размышления. – М., 1996. – С. 152.

³ См.: Зедльмайр Г. Искусство и истина. – СПб., 2000. – С. 252.

⁴ Sartre J.-P. La transcendance de l'ego. – Paris, 1966. – P. 23.

определяется к существованию в каждый момент, без чего нельзя понять ничего перед ней. Итак, в каждый момент нашей сознательной жизни мы открываем творение ex nihilo [из ничего]. Не новое расположение [ибо всё течет], но новое существование»¹. Не сотворение вещного мира, теологическое, а фундированное приключение, метафизическое. Сознание является абсолютной пустотой, дырой (vide), «черной» и «белой» сразу (выражаясь космологически), удалением из себя всякой внешней реальности, т. е. образов ее. Это «абсолютно существующее в силу несуществования». [В негативной теологии принцип неантнизации божества: *Всё* как *Ничто*.] Спонтанная активность сознания определяется как истинная свобода. Гибель гуссерлианских интенционалов. Предельная редукция: Палимпсест сознания выскоблен набело. Космологическая аналогия – флуктуации вакуума. Диалектический коан. *Свобода* ушла в абстрактные метафизические выкладки.

Наше мирочувствие и миропонимание предзаданы эпохой (историческое априори), разными течениями и учениями; политическим, этническим, групповым, религиозным сознанием и собственной мифологией, которая таится в теневых ландшафтах нейронных сетей. Мелкая рябь или девятый вал. А мы там, где плот «Медузы».

Бытие–в–себе (вещный мир, физика, органика) открывается нам первично как тошнота, скука и абсурд: Рокантен.

Согласно построениям Сартра, сознание реально. Оно существует на поверхности Бытия–в–себе в качестве его *ничто́жения* (метафизическая апофатика). Сознание онтологично; оно лишь проблематично. Конечным проектом сознания оказывается стремление стать Абсолютом. «Бытие может порождать лишь бытие...»² [Вспоминается Фейербах.]

Тотальность реального (поскольку она схватывается сознанием как синтетическая *ситуация* самого сознания) есть *мир*.

¹ Ibid. – P. 79.

² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 61.

Относительно образных представлений «мир» выступает как небытие¹. Многочисленные *неантнизации* в текстах Сартра – это отрицания, а не выпадение из бытийностей.

Свобода? Вот ключевая дефиниция Сартра: «Мы не машиноподобные и не одержимые, мы гораздо хуже того: мы свободные»². И машиноподобия у нас хоть отбавляй, и одержимость – наша (психозы в массовом сознании), а свобода тут как трансцензус (живем-то мы в ситуациях априорных).

* * *

Я была черепахой, одной из рептилий,
Потому что стояла эпоха бескрылий.

ЮННА МОРИЦ

Сегодня мы живем, ощущая невозможность
найти нужную нам форму жизни.

К. ЯСПЕРС

Хранить разум от бессмысленной тирании,
господствующей над его внешней жизнью.

Лорд РАССЕЛ

Теория отражения? Начинайте с предыстории когерентностей субъекта и объекта. «По существу своему понятия познавательной структуры относятся к представлению внешней среды. Любой организм, приспособляющийся к своей среде, должен иметь такое представление. Оно может быть выражено в неявном виде, через организацию реакций на стимулы, или в явной форме – в виде системы познавательных объектов, соотнесенных друг с другом способами, аналогичными отноше-

¹ Сартр Ж.-П. Воображаемое / Пер. с фр. – СПб., 2001. – С. 302.

² См.: Полторацкая Н. Меланхолия мандаринов. – СПб., 2000. – С. 40.

ниям между представляемыми ими объектами окружающей среды»¹. Познавательные объекты (конструкты): эйдосы, монады, *cogito*, синтетические априоры, Абсолютная идея, феномены, бытие, модели, принципы, аксиомы, апории, теоремы, теории, парадигмы, категориальные констелляты, гипотезы; мировой эфир, теплород, жизненная сила, монеры, гиперциклы, инфы, логические исчисления и вся методология исследовательских приемов. В космологии *Big Bang*, «черные дыры». Микрофизика: кварки, струны.

Научное познание традиционно рассматривалось как приближение к реальности, построение всё более адекватных теорий. Азимут, вектор и спасательный круг для эпистемологии. По вот итог – Г. Риккерт: «Познать мир значит сделать его неузнаваемым»². Вторичная пелена неузнаваемости – социальные мифы, доминанты и установки, императивы и аккумулятивы.

Поэтому об исторических дисциплинах и говорить нечего. «...Сегодня прошлое продолжается в виде разрушения прошлого»³. Растащили реальные историзмы по шлагбаумам, улусам, бантустанам и придворным канцеляриям, и сфарагматика эта стала совершенно несшиваемой и неузнаваемой (несварение в нейронных сетях Всечеловека). Везде, за каждым КПП, свой солярный культ, свои герои, трикстеры, спасители, освободители, вдохновители и летописные сказания. Люди одного огня, тотем, сельва, нарциссизмы и маски. Этнографические и даже расовые приоритеты (негритюд и не только). «Мы душу все одну вселенскую творим» (Вяч. Иванов).

Исключить элемент субъективности из физических и всяких иных теорий в принципе невозможно. Сам человек, как соискатель истин, достоверностей, объективностей, представляет

¹ Рейтман У. Р. Познание и мышление: Моделирование на уровне информационных процессов / Пер. с англ. – М., 1968. – С. 155.

² См.: Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992. – С. 241.

³ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты. – М.; СПб., 1997. – С. 12.

собой «нулевой эксперимент» (от сенсорики до менталистики). Т. Кун пишет, что мы должны создавать теории, которые позволяют нам вести диалог с природой. Зеркальных отражателей у человека нет.

Вся история науки и культуры – это неперечислимые императивные акты по отношению к внешнему миру, т. е. субъективные вложения (инвенции) вовне. Сам Язык – первый инвестор: он осуществляет изначальное камлание над Природой и Человеком, расклеивая свои номинации и концепты на живую ткань Сущего. Лингвосфера – искусственная оболочка Земли, спутниковая. Теперь уже анемичная, где мумификаты – инфы, алгоритмы и машинные языки. Философия, теология, наука создают свои миры (мифы), где человек естественный – некая абстракция. Системы, эпистемы, учения, развлечения, заветы, гексаграммы, номограммы, эпиграммы, коаны, ритуалемы и леммы, логосы и опусы, инсигнии, бижутерия, жертвоприношения, бочка Диогена и прочие гейминги и скейлинги, струны (новейшая микрофизика) и руны – бесконечность зацеплений с «вещами–в–себе», бытием, сущностями и артефактами. Но Ding-an-sich, как таковая, неприступна. Она за пределами любых «данностей», а потому остается чистой абстракцией.

Эволюционная эпистемология К. Поппера. Биологическая эволюция, представленная теорией Дарвина (изменчивость, наследственность, естественный отбор – триада), хороший урок не только для онтологии в целом, но и для теорий познания, которые были (и остаются) в центре всех философских исследований. Философы искали истину в структурах познавательных процессов, создавая все более рафинированную гносеологическую аппаратуру между Миром и Человеком. На до-человеческие формы жизнетворений внимания не обращалось. А ведь эволюционика содержит в себе исходные единства, универсалии, бытийности и трагестийности (ароморфозы), которые заявили о себе новейшим реализмом в теории и методологии науки и человековедения вообще. Не говорим о гиперциклах, ДНК, генотипах и фенотипах. Современная эволюционика в определенном смысле продолжает разработку эволюционных

идей, начатую в трудах Г. Спенсера¹. Ныне здесь доминирует эпистемологическая ориентация.

«Исходя из научного реализма, – пишет К. Поппер, – достаточно ясно, что если бы наши действия и реакции были плохо приспособлены к нашему окружению, мы бы не выжили. Поскольку «убеждение» тесно связано с ожиданием и с готовностью к действию, мы можем сказать, что многие из наших практических убеждений скорее всего истинны, раз уж мы до сих пор выжили. Они образуют более догматическую часть здравого смысла, которая – хотя она ни в коем случае не является надежной, истинной или несомненной – всегда может служить хорошим исходным пунктом»². Спуск в основания, где биос, витальность, праксис и здравый смысл, – с высот бытийных, феноменологических, экзистенциальных или прецизионно-эпистемологических изысков. Но и тут не исключаются апокрифы или помутнения хрусталика.

Триада Дарвина работает на протяжении всей эволюционной эпопеи (дисконтинуум) с учетом специфики социума, где «человеческое, слишком человеческое». «Организмы могут выжить, только если они производят мутации, такие, что некоторые из них являются приспособлениями к наступающим переменам, и таким образом включают изменчивость; и на этом пути мы обнаружим, пока мы имеем дело с живыми организмами в меняющемся мире, что те, кому случилось оказаться в живых, довольно хорошо приспособлены к своему окружению»³. В определенной мере сказанное касается любых организмов – биологических и социальных.

В процессе когнитивного освоения мира явно или неявно выстраиваются концептуальные матрицы, интерьеры коих заполняются различными граффити, где аксиомы, теоремы, законы, теории, объяснительные версии и понимания. К. Поппер разбирает

¹ Спенсер Г. Синтетическая философия / Пер. с англ. – Киев, 1997.

² Поппер К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход / Пер. с англ. – М., 2002. – С. 72–74.

³ Там же. – С. 74.

в этой связи *миф концептуального каркаса*¹. Жесткая арматура подобного рода исключает всякое фундированное развитие и его эмерджентность (концепт-мутации). Это закрытые матрицы, приспособленные к «вечной мерзлоте». Если за ними стоят мощные идеологические и социальные силы, наступает «оледенение».

К. Поппер: «Цель науки – возрастание правдоподобности... Теория *tabula rasa* абсурдна: на каждом этаже эволюции жизни и развития организма нам приходится предполагать наличие некоторого знания в форме предрасположений и ожиданий. – Соответственно, рост всякого знания состоит в модификации предшествующего знания – либо в изменении его, либо в полномасштабном отвержении. Знание никогда не начинается с ничего, но всегда с какого-то фонового знания – знания, которое в данный момент принимается как данное – в сочетании с некоторыми трудностями, некоторыми проблемами»². Выскоблить набело первый лист книги, которую каждый из нас пишет при столкновении с внешним миром, невозможно. «Даже наши органы чувств (не говоря об интерпретации того, что они нам дают) пронизаны теорией» (Поппер).

Как новая Метaparадигма, эволюционная эпистемология складывалась в определенном смысле коллективно. Б. Рассел: «Еще одну вещь надо помнить при любых обсуждениях ментальных понятий – нашу эволюционную неразрывность с низшими животными. В частности, знание не следует определять так, чтобы этим подразумевалась пропасть между нами и нашими предками, не пользовавшимися преимуществами языка»³. Этология и гносеология связаны единой суровой нитью. Любая эмпирическая, эфирная и зефирная, а в общем-то, бумажная эпистемология после радикальной деконструкции падает к забытым предкам. Единая статья: плазма, эмерджента, ароморфоз и Антропный принцип, на вершине которого Мы, сапиенсы.

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / Пер. с англ. – М., 1983. – С. 571.

² Поппер К. Объективное знание. – С. 75.

³ Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. – М., 1957. – С. 450.

Ст. Тулмин видел аналогии между развитием органического мира и научно-познавательной деятельностью¹. При этом он прямо ссылается на теорию Дарвина.

В статье «Логика социальных наук» К. Поппер отмечает, что за последнее время социальная антропология (этнология) из прикладной дескриптивной дисциплины (изначальный ее предмет – примитивные общества) была возведена в ранг фундаментальной науки. «Теперь бывший социолог-теоретик должен быть счастлив найти применение в качестве полевого работника и специалиста с задачей наблюдать и описывать тотемы и табу белых туземцев в странах Западной Европы и Соединенных Штатах Америки»². Ирония? Пастиш?

Крутой поворот. Можно смотреть на архаику с позиций развитых культур. А ныне азимутальность и визуальность обратная. Примитив как некий гештальт и матрица для обозрения продвинутых социальностей. В обоих случаях (вертикальное сравнительное обществоведение) компаративная экзотика. «Далеко ушли едва ли...»

Конрад Лоренц, выдающийся австрийский естествоиспытатель, Нобелевский лауреат, в 1941 году опубликовал статью «Кантовская концепция а priori в свете современной биологии», где были сформулированы основы эволюционной теории познания. Этология, как наука о поведении животных, сближалась с когнитивной деятельностью человека. На авансцену выдвинуты кантианские синтетические априори, которые до сих пор рассматривались как трансцендентные схемы и подвергались многолетней (и поверхностной) критике.

И вот пришло время реабилитации и «материализации» (через братьев наших меньших) кенигсбергских априорий на основе убедительных биологических факторов – в контексте психоментальной эволюции человека и адаптивных ее способностей. *Априори*, лишённые абсолютов («неприкасаемые»), за-

¹ Тулмин Ст. Человеческое понимание / Пер. с англ. – М., 1984.

² Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Пер. с англ. – М., 2000. – С. 302.

няли свое место в концепции геннокультурной коэволюции, силуэты которой уже просматриваются в новейших исследовательских программах. «Благодаря такому исследованию предчеловеческих форм познания мы надеемся овладеть ключом к пониманию способа функционирования и исторического происхождения нашего собственного познания и тем самым продвинуться по пути критики познания дальше, нежели это возможно без подобного сравнительного анализа»¹. Априорная форма мыслительной деятельности сложилась как адаптация психо-ментальностей к закономерностям вещного мира на протяжении сотен тысяч лет эволюционной истории человечества. Наш центральный нервный аппарат, обеспечивающий формирование образа мира, адаптирован к реальности, с которой контактирует сапиенс. Индивидуальный опыт человека ложится на эту готовую (минеральную) матрицу, еще доязыковую и довербальную, как на некий метатекст, интуитивный и дорефлективный.

Априорные образования не могут претендовать на какую-либо автономную и абсолютную значимость. Это всего лишь моменты (ступени, площадки, затянувшиеся мизансцены и метасценарии) в процессе эволюционных адаптаций. Геннокультурная эволюция в этом плане представляет собой адаптациогенез. Любые формы знаний и способов их фиксации по большому счету имеют характер рабочих моделей, гипотез, то есть изделий, в общем-то, экспериментальных.

«Формы восприятия и категории, – пишет К. Лоренц, – это, скорее, не сам разум, а инструменты, которые он использует. Они представляют собой врожденные структуры, которые, с одной стороны, помогают выживать, а с другой – способствуют окостенению и застою... Априорные и предустановленные способы мышления как таковые ни в коем случае не являются чем-то специфически человеческим. Для человека, однако, специфично сознательное стремление не застревать на одном месте, не катиться инерционно-механически по рельсам, но сохранять юношескую

¹ Лоренц К. Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000. – С. 18.

открытость миру и добиваться более тесного контакта с действительностью в постоянном взаимодействии с ней»¹. Последние слова звучат риторически и наставительно. Инерционностей – неосознанных и установочных – у каждого из нас и у всех вместе более чем достаточно. Догматика и ошейник (гаррота) в подбрюшье Левиафана – неременная бижутерия.

Между животным миром, как таковым, и человеком пролегла пропасть, которую Николай Гартман назвал «хиатусом». Но абсолютного разрыва, конечно, не произошло – уж слишком много перекличек (пересечений) между этологией и антропологией. К. Лоренц («По ту сторону зеркала: Исследование естественной истории человеческого познания»): «Традиции культуры предписывают индивиду, чему и как ему следует учиться. В частности, культура налагает ограничения на то, чему дозволено учиться... Мы можем представить себе, до какой степени наши когнитивные функции находятся под влиянием того, что культура, внутри которой мы живем и которой принадлежим, квалифицирует в качестве «реального» и «истинного». Наш врожденный аппарат восприятия перекрывается культурно-интеллектуальной суперструктурой, которая, во многом напоподобие врожденных когнитивных механизмов, снабжает нас рабочими гипотезами, которые в дальнейшем определяют направленность нашего индивидуального познавательного поиска. Эта культурная система располагает собственными структурами, которые подобно всем структурам налагают определенные ограничения на степень свободы системы»². Между генотипом, унаследованным от дорациональной адаптивности высших позвоночных, и социокультурными интроекциями в нейронных сетях и поведении человеческих существ – *хиатус* не только первого рода (Н. Гартман), но также и *хиатус* второго рода, где искривления изначальной «прямизны» (натуралистической), считая от Тотема до тотальностей, которые произошли в перистальтике Левиафана. Тут (в пространствах

¹ Там же. – С. 39–40.

² Там же. – С. 67.

геннокультурной коэволюции) дистанция огромного размера, непроходимая¹. Фатализм? Всего лишь реализм.

Культурная традиция (катехизис, Домострой, рескрипт, фирман; заветы, поучения, молитвы, инструкции, дигесты, кодексы, моралите и подавление инакомыслящих) формирует *социальный генотип*, который задает гомеостатичность сложившихся общественных структур, отвечающих интересам патрициев, нобилей, архонтов, всадников и других групп, продвинутых по вертикали. Всякие попытки выпрямить кривизны (Данте Алигьери, «Дон Кихот»; Спартак, Джек-потрошитель, Разин, Пугачев) оказывались безуспешными и катастрофическими. Смена элит ничего не сулит.

Мефистофель

Оставь! Ни слова о веках борьбы!
Противны мне тираны и рабы.
Чуть жизнь переиначат по-другому,
Как снова начинают спор знакомый!
И никому не видно, что людей
Морочит тайно демон Асмодей.
Как будто бредят все освобожденьем,
А вечный спор их, говоря точней, –
Порабощенья спор с порабощеньем.

Эпиграф ко всем социальным переворотам.

«История двигалась вперед не лучшей своей частью» (Гегель).

Превосхождения! Ненависть к «другим», где инородцы, сдвинутые по направлению к сточным канавам. Вот какая она, Вифлеемская звезда: вековечный Путь для человеков на уникальной, силикатной и голубой, планете.

Геополитика и Анабасис не устали возвышаться на пьедестале. Ожерелье и кольцо для Атланта.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М., 1995.

М. Шелер: «Ни в один другой период человеческого знания человек не был столь проблематичен, как в наши дни. Мы полагаем естественнонаучной, философской и теологической антропологией, не ведающими ничего друг о друге. Но мы лишены какой-либо единой идеи о человеке. Нарастающая множественность отдельных наук, вовлеченных в исследование человека, в гораздо большей степени затемнила, чем высветила сущность человека»¹. С другой стороны (да с той же самой) – непробиваемый для диагностики Социум, который требует концепт-анализов, но ускользает от них. Единая плазма и протоплазма. А для *Ното* и *Социо* нет однородных текстов, которые можно было бы читать грамматически, семиологически, герменевтически, феноменологически, исторически, категориально или как-то еще. Человек приклеен к своей (отчужденной от него) популяции чисто ситуативно, прагматически, метафорически (*Новалис:* «Человек-метафора»), иронически или даже анекдотически. Не говорим об истерии и «восстании масс». Вот и разберитесь в анфиладах, пароксизмах и силуэтах (без бытийных просветов) гено-культурной коэволюции. Еще один миф? Апокриф.

Когда-то можно было сказать, что Всечеловек прошел путь от пещеры до ноосферы. Теперь мы утыкаемся в Интернет, где вместо натуральных систем и эпистем, эйдосов и сущностей бестелесные Инфы, т. е. сведения о чем-то внешнем, уже нездешнем для самости и личности. И психоанализ ни к чему. Телеэкран как всемирный балаган, кифозный и сколиозный.

Деловой мир поглотил всё остальное без остатка. Антитеза к древнекитайскому «увэй», если бы... Востоковед Е. В. Завадская, раскрывая значение этого термина, поясняет: «бездеятельная деятельность (увэй)» есть «внешняя пассивность и внутренняя активность»² Внешняя пассивность выпадает из контекста деловой напряженности, а внутренняя активность адресована

¹ Scheler M. Die Stellung des Menschen in Kosmos. – Darmstadt, 1928. – S. 13–14.

² Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М., 1975. – С. 155.

духовной жизни, которой на всемирном торжище людском не бывает.

Релевантность и дополнительность. Копенгагенская физика, где принцип дополнительности, начиналась метафизически у древних греков (не углубляясь далее). Аристотель: «меон» и «форма». Наши времена: нейронные сети (физиология ВНД) и психоментальный феномен. Рентгеноскопия, фрейдоскопия, порнолатрия и «Я помню чудное мгновенье». *Нильс Бор:* культурология. «Мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры дополнительны друг к другу»¹. На экстремалях: *Столько миров, сколько голов.* Точки (и кочки) зрения, подходы в историологии, журналистике и любой вербальной эквилибристике. Искусство как прием (Шкловский). *Sacrum et profanum.* Красная месопотамская глина и реальный антропогенез. – Акад. В. А. Фок сформулировал принцип относительности к средствам наблюдения. Первейший прибор – это сам человек: его сенсорика и менталистика, социокультурные аспекты и перспективы, дренажные системы, узкоколейки и *Holzwege*.

Ахимса и Кант. Благоговение перед жизнью. *Vita* всюду, многообразна, устойчива в своих основаниях (гиперцикл, генотип, наследственность). Умозрительно можно предположить, что в ней заложены некие метаподобия «синтетических априори», адресованные биологическим таксонам, биоценозам, популяциям и т. п. Адаптация к среде обитания через мутагенез. Таковы же и первичные данности у человеческих существ.

Дхармы и себестождественность вещей. Пустотелые дхармы не имеют кантианских трансцендентных форм, но порождают вполне определенные предметы, где человек, священный Ганг, дерево бодхи, «Тигр, о тигр, светло горящий», боа и «Маугли». «Предрасположенность» К. Поппера остается слишком неопределенной.

Этология для эпистемологии. Биология хорошо поработала для наших онтологий, априорий, презумпций и теорий познания. По словам М. Минского, «задолго до того, как наши предки

¹ Бор Н. Избр. науч. труды. – М. 1971. – Т. 2. – С. 282.

научились говорить, у них уже возникли специальные механизмы мозга для представления объектов, различий и причин; эти механизмы позднее легли в основу нашего языка (и грамматики в том числе)»¹ В Языке не только мифология, поэтика, эстетика, но и грамматика, логика, склонения и спряжения. Фонология, звукоподражания, эмоциогенность и символические формы сознания. Не считая просветов Бытия.

«Язык переодевает мысли» (Витгенштейн). А мысли выдают нам следы чужих ног и дактилоскопические отпечатки чьих-то пальцев. Мелкий бес въедлив, а крупный беспощаден. Ревизия, редакция, узурпация. Человек живет в чужом языке и всегда сам не свой.

Объективация ментальностей. Естественные, витальные и фундаментальные архетипы мозга (до-юнгианские. Аналитическая психология мелковата), предназначенные для выживания, забиты мусоропроводом социетарностей, отравлены идеатами, суррогатами, ядохимикатами философом и теологом, шаманскими камланиями трибунных ораторов, конспираторов, проповедников, историологов, придворных апологетов, летописцев и скорописцев. Мы замурованы и закованы в социоморфизмах (гипнотизмах), заложенных в наших психоментальностях (адгезия, амальгама). «Мозг – это машина, создающая модели, подобные себе» (К. Прибрам). А мы говорим об онтологемах, объективностях, чистых переживаниях (феноменология) и проч. У нас на раменах начинаются обратные «теории отражения», которые должны занимать свое место среди любых эпистемологий.

Примитив как методолог. На Западе выдвинута концепция под названием *этнометодологии*². Эта новация универсализирует методы этнографии (антропологии), применяемые для исследования примитивных культур. Она предназначена для социологического анализа когнитивных и коммуникативных форм

¹ Минский М. // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. – М., 1987. – С. 231–244.

² См.: Современная западная социология науки. – М., 1988. – С. 211.

современной социальной жизни. Рекомбинации подобного рода можно поставить в один ряд с попытками универсализировать методы этнологии, занимавшейся примитивными обществами, и обратить Тотем и табу на исследование современных социокультурных реалий. Подобные сближения в какой-то мере уместны, несмотря на излишние натурализмы. «Далеко ушли едва ли...»

Метафорику Киплинга можно аргументировать, обратившись предварительно к оценкам глобальной экологии, сделанным Туром Хейердалом. По его словам, наша планета представляет собой «не что иное, как одинокий космический корабль, не имеющий «выхлопной» трубы. У нас нет ни достаточно высоких дымоходов для выбрасывания в космос вредоносных испарений, ни достаточно протяженных систем стока для отвода загрязненных вод за пределы Мирового океана»¹. Земля является замкнутой экологической системой.

В конце концов, экологические дисбалансы можно как-то минимизировать (писали же: «оптимизация биосферы»). Но Все-человек тянет за собой гигантский шлейф, от которого, как видно, нет спасения.

Вот. Трехмиллиардная по возрасту палеонтология, где трофические цепи – саблезубые тигры, носороги, ихтиозавры и питоны. Приматы как-то вырвались вперед. Далее, неандертальцы и архантропы. Потом неантропы: кроманьонцы, дикая орда и вся предыстория рода человеческого. Люди одного огня, Тотем, охотники за черепами, поклонение священным камням. Алчеринга, каннибализм, война всех против всех. Левиафан – государство и общество вместе (Томас Гоббс). Рабство, феодалы, рабочая сила как товар. Религиозные войны, Инквизиция. Мировые войны – массовый суицид в человекине. Холокост. «Колымская тетрадь». Хиросима–Нагасаки. Международный терроризм. Геополитика: спрут и удав для меридианов и параллелей. Таково наше, всечеловеческое, наследие, и от него нельзя спрятаться нигде. Оно в генотипах и стереотипах, сознаниях и

¹ См.: Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – С. 340.

подсознаниях, в самостях и личностях, если их не сковал анабиоз. Это всё на планете нашей силикатной, в ДНК и обмене веществ – в социетарностях, где не произошло унитарностей.

Культура – молекулярный слой на ошейниках, на бижутерии и на протезах. Социальные психозы всё стирают в порошок.

Наши души, где интим, изнемогают от «ужасов истории». Никакие дискурсивности не смогут вместить сие. *Silentium!* К тому же, и это главное:

Если душа заговорит, то увы! Говорящее уже больше не душа.

Райнингер

ИНФИКС: ЭКСТРАПОЛЯЦИИ, ИНТЕРПОЛЯЦИИ

– Академик И. П. Павлов, Нобелевский лауреат: «В сущности, интересует нас в жизни одно: наше психическое содержание... Все ресурсы человека – искусство, религия, литература, философия и исторические науки – все это соединяется, чтобы бросить луч света на этот мрак».

Объяснить Миру – Мир (L. Febre, школа «Анналов») вот сверхзадача Человека. Но сам *Homo sapiens* онтологичен; он не является *ничейным* наблюдателем: картина мира неотвратимо очеловечена (аксиомы, теоремы, эпистемы, догматика, апофатика). Поэтому *Ding-an-sich* всегда неизбежна – чистая объективность недостижима. Такова космологическая ситуация, изначальная (антропный принцип) и натуральная. Вл. Соловьев: «Душа одна и видит пред собою / Свою же тень».

Однако онтологичность человека исходно (и поныне) расколота, если продвигаться от гиперциклов до мыслящего мозга. Отсюда картезианский дуализм: субстанция протяженная и когитальная. Школа И. Пригожина: «Если отбросить такие философские вопросы, как, что же такое «сознание», «ум» или «понимание», и взглянуть на мозг как на многоклеточную ткань, которая, по общему признанию, имеет наиболее усложненную структуру, то можно убедительно показать, что для изучения этой системы с большим успехом может быть применен весь арсенал биохимических средств»¹. Биофизика, биохимия, синергетика, нейродинамика ВНД, инвазионная техника *и – Cogito ergo sum. Эмерджента*, которая не снилась никакой «диалектике», обитающей в интерьерах похищенной вербалистики.

– Макрокосм и Микрокосм нерасторжимы: *стохастика*. Вот: «Случайная Вселенная»; «Неистовая Вселенная»; «Идея

¹ Баблюянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / Пер. с англ. – М., 1990. – С. 337.

вероятностной Вселенной» (Н. Винер); статистика наблюдателей (Уилер); вероятностная модель Языка. Ореол множественных «я»: флоккулы. «Частицы, составляющие мое тело, никогда не бывают неподвижными, независимо от того, рассматриваем мы отдельные атомы или их совокупности. Мое «я» лишь статистически идентично тому, которое существовало мгновение назад...»¹ Дополнение к феноменологии Эго Мориса Мерло-Понти. Гераклитова река стохастична.

И еще деталь. В большинстве реальных случаев передается не все количество информации, содержащейся в каком-либо объекте, а лишь некоторая ее часть (усеченные взаимодействия). Ее называют *сигнатурой*. Мы обитаем – герменевтически, логически и как угодно – в мире сигнатур и фрагментаций. Плерома – для гностиков.

– От эйдосов, сущностей и монад, смыслов и экзистенций человечество переходит к *операционализмам*. Информатика взялась за это дело всерьез. Вместо картезианского *Cogito* – искусственный интеллект: решающий шаг по направлению к популяции роботов и манекенов, т. е. массовому протезированию человеческих адъективов. Н. Винер предсказывал, что индивидуальный код человека можно будет транспортировать по линиям передачи с последующим синтезом индивидуальности на месте получения инфов. Персональный (паспортный) код как гиперцикл для будущей тотальной информологии.

– А пока что *Язык*, очеловечивший двуногого без перьев. Звуковая речь не только эксплицировала процесс мышления и объективировала его, но и послужила катализатором для прогрессирующего языкотворчества, а вместе с ним и мыслетворчества. Язык позволяет манипулировать мирами вместо того, чтобы ворочать вещами в каменоломне реальных предметов.

¹ Кальвин М. Химическая эволюция / Пер. с англ. – М., 1971. – С. 232.

А начало начал – интериоризация предметных действий человека, т. е. преобразование их в ментальные события (Жан Пиаже). Но вот менталитет переходит в режим автогенерации, и образуется мощный слой имманентностей, которые трудно поддаются дескрипциям и показам. Таковы экзистенции, феномены (гуссерлианские) и даже личности в смысле Мунье. Не говорим о бытийных штудиях, которые вокруг «фундаментальной онтологии».

Лингвофилософия Витгенштейна упирается в языковую (логизированную) структуру Мира.

– *Человек исторический* (Дильтей). Тут нужен кафкианский сказ. Нечитаемый калейдоскоп. Прошлое смотрит на нас непонимающими глазами¹. Мы, «современные» (по летоисчислению), сидим за ломберным столиком и переклеиваем киноленту былых времен по заказу новейшей «элиты» (название чисто функциональное). Берегись, История! А она, отшумевшая, беззащитна против реинтерпретаций, манипуляций, разночтений и столоверчений. Нет у нее канонического вида, критериальной устойчивости, ригидности и общего знаменателя. Отсюда *историцизмы* – империальные и бантустанные, чисто вербальные и скандальные (для «третьего глаза»), да какие угодно. Наобороты, развороты не в ту степь, нарциссизмы (этнические, геополитические, конфессиональные), кифоз и сколиоз. Пластилин историологический не сопротивляется, но оставляет на себе дактилоскопию делателей.

– Ну, а день текущий? Который под ногами и рядом с нами. Зашнурован он, зашифрован и упакован на вынос. Надо открывать *действительность*, говорили трезвые мыслители. Это ведь Конструкт, сокрытый в подборюше Левиафана (когда-то Цербер).

– *Финалитет*. «Найти свою риторiku». Не весь ли Язык таков? Риторика многогранна и адаптивна ко всем мерцани-

¹ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. – М., 1991.

ям, извивам и изгибам бытия. Весь мир театр – риторика на подмостках. В синергетике жизнетворений формируются особые складки, которые выступают как аббревиатуры обычных, «развернутых» действий. Это формы уплотнения, сжатия, компрессии. Таковы обряды, церемонии, ритуалемы, профанные и сакральные. *Риторика*: она пронизывает все речевые акты, мануальности, позирования, мимику и весь образ жизни, где общения и сообщения. Особо риторичны «похищенные» языки – метафизические, поэтические, трибунные и стадные. Потеря «смысла жизни» – это дефицит собственной риторики. «Поиски утраченного времени» – риторика инфантильных впечатлений.